

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Российский государственный университет нефти и газа
им. И. М. Губкина

Научно-общественный журнал
Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№1' 2014

Москва ♦ ИСПИ РАН

2014

Редакционный совет

Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук **С.В. Рогачев**.

Члены редакционного совета:

академик НА Беларуси **Е. М. Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С. Н. Бабурин**, действительный член Российской академии социальных наук **А. А. Бессмертных**, доктор социологических наук **Ю. Ф. Голиусов**, доктор социологических наук, профессор **Х. В. Дзущев**, академик РАН **В. И. Жуков**, доктор социологических наук **В. В. Локосов** (*заместитель председателя редакционного совета*), доктор политических наук П. Кулашик, доктор социологических наук **А. Г. Каххаров**, доктор экономических наук, профессор **С. Н. Лебедев**, действительный член Российской академии социальных наук **Э. Лозанский**, политолог **Ли Фэнлинь**, политолог **Ли Цзинцзе**.

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В. Н. Иванов** (главный редактор), действительный член Российской Академии социальных наук **В. Г. Бояринов**, доктор политических наук **В. П. Воротников**, доктор социологических наук **Ю. А. Зубок**, доктор социологических наук **В. К. Левашов**, доктор политических наук **В. В. Мартыненко** (заместитель главного редактора), доктор экономических наук **У. Г. Николаева**, доктор философских наук **И. Б. Орлова**, доктор философских наук **И. В. Орлова**, доктор социологических наук **Г. И. Осадчая**, член-корреспондент РАН **С. В. Рязанцев**, доктор социологических наук **В. К. Сергеев**, кандидат экономических наук **Е. П. Сигарева** (ответственный секретарь), кандидат философских наук **В. В. Суходеев**, доктор социологических наук **М. Н. Филатова** (первый заместитель главного редактора), кандидат философских наук **И. В. Леусенко**.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований — 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней — 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий — 5 страниц (8 тыс. знаков);
- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала кеглем 14 на одной стороне листа + дискета;
поля: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;
- сноски даются постранично (кегель 12);
- рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;
- фотографии (лицо и верхняя часть туловища) желательно присылать черно-белые; при публикации они будут иметь размер 2,5×2,5 см.

К рукописи обязательно прилагаются:

- аннотация на русском и английском языках (резюме) не более 15 строк;
- список ключевых слов;
- пристатейный библиографический список.

Авторы публикаций на соискание ученых степеней предоставляют рекомендации кафедр и учебно-методических подразделений; для аспирантов необходима справка, подтверждающая обучение в аспирантуре; авторская справка: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: полный домашний адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией.

Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

<i>Е.В. Беловол, М.А. Рушина</i> Диагностика одаренности в юношеском возрасте	5
<i>Логовая Е.С.</i> «Другой» как исторически первый социальный топос	20

ПОЛИТИКА

<i>Журавлев А.Л., Юревич А.В.</i> Либерализм и его псевдолиберальная «мутация» в современной России	38
<i>Рубан Л.</i> Место и роль России в Азиатско-Тихоокеанском регионе	56
<i>Нуньес Хоглис Хесус Мартинес</i> Энергетическая интеграция Латинской Америки и стран Карибского бассейна	66

ИСТОРИЯ

<i>Большаков В.И.</i> Художественная элита императорской России и власть: сотрудничество или противостояние	73
<i>Белоус А.О.</i> Специфика социогуманитарного познания русской истории. К.Д. Кавелин и М.П. Погодин.	89

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Мерзликин Н.В, Иванов А.В.</i> О результатах социологического исследования среди корейского населения о. Сахалин (продолжение)	102
<i>Сигарева Е. П.</i> Социологическое измерение репродуктивного и семейного поведения, а также мер социальной поддержки в представлениях образованной молодежи	115

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ксенофонтов В.Н.</i> Великая победа и историческая память	128
<i>Макарова Л.В.</i> О международной конференции по миграционной проблематике: мировые и отечественные аспекты	138

Беловол Е.В.,
Рушина М.А.

ДИАГНОСТИКА ОДАРЕННОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Беловол Е.В., кандидат психологических наук, доцент РУДН.
Рушина М.А., кандидат психологических наук, доцент РУДН (Москва).

Аннотация: В статье представлены теоретические концепции одаренности. Рассмотрены особенности диагностики одаренности как многоуровневой системы. Предложена психометрическая модель выявления одаренности как личностного потенциала.

Ключевые слова: одаренность, модели одаренности, талант, способности, потенциал личности, реализация потенциала личности, диагностика одаренности.

В настоящее время существует множество различных теорий и концепций относительно природы возникновения одаренности, ее развития и диагностики. Однако независимо от той позиции, которой придерживается исследователь, перед ним неизбежно возникает ряд вопросов, на которые он вынужден отвечать:

1. *Что диагностировать?* Эта проблема связана с выделением соответствующих психологических переменных, и она по-разному решается разными авторами в рамках разных теоретических концепций.

2. *Зачем?* Целью диагностики может быть поиск талантливых индивидов (для участия в специальных программах или в рамках образовательного процесса) либо диагностика в рамках индивидуального консультирования.

3. *Как можно выявить одаренных и талантливых индивидов?* Эта проблема связана с пониманием того, какая информация и какие измерительные инструменты необходимы для выявления одаренности.

4. *Когда?* В какой период, или на какой стадии развития необходимо выявлять одаренных индивидов.

Существует еще множество различных вопросов, на которые необходимо знать ответы.

Выдающиеся способности и достижения отдельной личности всегда привлекали и привлекают внимание и интерес всего человечества. Этот интерес находит свое отражение как в народном

творчестве (мифы, саги, сказки, эпос различных народов), так и в работах ученых, представителей различных направлений (теология, философия, искусство, психология и другие эмпирические науки). Как правило, к решению этой проблемы подходили двумя способами.

С одной стороны, выдающиеся способности непосредственно связывались с социальным статусом личности. Основное действующее лицо древних мифов — Герой — лицо, обладающее выдающимися способностями. Также герой всегда обладает высоким социальным статусом. Правители и полководцы в Древней Греции наделялись не только лидерскими качествами, но и выдающейся физической силой и умом, что делало их защитниками своих народов. Например, сыновья царя Трои — Приама, наделенные статусом героев, обладающие выдающимися физическими способностями, сыграли важную роль в обороне Трои против греческого войска и уступили только коварству врагов. Один из сыновей Приама — Гектор вступил в схватку с непобедимым Ахиллом, а его дочь Кассандра известна своими пророческими способностями (Кун, 2007). Таким образом, выдающиеся способности являются следствием занимаемого социального положения.

С другой стороны, всегда существовал интерес к источнику таких выдающихся способностей и достижений. Так, у О. Конта проблему выдающихся способностей можно рассматривать с позиции разработанной им концепции трех стадий интеллектуальной эволюции человечества, (Конт, 2011).

Первая стадия — *теологическая*. В этот период человек интерпретирует все события окружающего мира как результат вмешательства сверхъестественных сил, а выдающиеся способности как **дар** богов. Действительно, в древнем мире все выдающиеся достижения, сила, ум, пророческие способности объясняются либо божественным происхождением героев (Ахилл, Сизиф), либо божественным даром (Одиссей, Тиресий).

Философы древнего мира (Платон в Греции, Конфуций в Китае) также считали выдающиеся способности в той или иной области «даром» небес. О божественной природе выдающихся способностей говорится и в Библии. В послании апостола Павла к римлянам (58 г. н.э.) сказано: «Все верующие получают духовные дары от Бога...» (Рим 12:6; 1Кор 7:7).

Вторая стадия — *метафизическая*. Причина всех событий существует вне физического мира и поэтому не доступна эмпирическому познанию. На этом этапе развития науки в философии появляются и разрабатываются такие абстрактные понятия как «идея»

Платона, «форма» Аристотеля, субстанция» Спинозы, «вещь в себе» Канта, «абсолютный дух» Гегеля и др.

Метафизическая стадия характеризуется постепенным изменением в понимании дара, который начинает рассматриваться как присущая личности характеристика. Исследования речевой этимологии показывают, что различные оттенки в значении «дар» и «талант» начинают дифференцироваться уже в 4 веке и к 14 веку закрепляются в европейских языках. Таланты рассматривались в основном как индивидуальные способности (Kluge, 1967). Известный ученый средневековья, философ и медик Парацельс уже в 1537 году использовал термин «талант» для обозначения умственных способностей (Passow, Monks & Heller, 1993). На этом этапе развития науки происхождение выдающихся способностей уже не связывалось с божественным провидением, однако и эмпирических изучений этого феномена еще не было. В средние века было широко распространено мнение о том, что выдающиеся способности человека являются результатом его экстрасенсорных способностей (Fels, 1999). Также считалось, что одаренные люди умирают раньше, расплачиваясь тем самым за свой дар (Stanley & Benbow, 1986).

В эпоху Просвещения человек выдающихся способностей — гений — рассматривался как существо возвышенное, одухотворенное, недоступное нормальному пониманию.

Метафизический подход к объяснению природы одаренности продолжает в некоторой степени существовать и до нашего времени. Наглядным примером является «голубая кровь» представителей высшего общества. Идея «голубой крови» возникла еще в средние века, но до сих пор является оправданием социального превосходства ее носителей и их притязаний на роль нравственно-моральных лидеров.

Третья стадия развития научной мысли формируется в 19 веке. На этой стадии — *научной* — ученые отказываются от объяснения изучаемых процессов с помощью абстрактных, отвлеченных понятий. На их смену приходят естественно научные методы познания — наблюдение, эксперимент. В это время как самостоятельная наука возникает и психология, начинают развиваться ее методологические принципы. Именно на этом этапе одаренность становится предметом самостоятельных исследований и, как правило, рассматривается как результат взаимодействия нескольких психологических факторов: генетической предрасположенности и процесса обучения.

В современной научной литературе, представлено множество разнообразных, порой противоречивых концепций и определений

одаренности и одаренного человека. В части определений одаренность рассматривается как эквивалент высокому уровню развития интеллектуальных способностей. Другие авторы расширяют перечень способностей одаренного человека. Так, например, ДеХаан и Хавигхарст (DeHaan and Havighurst, 1957) в этот перечень включают не только интеллектуальные способности, но и креативное мышление, развитые социальные способности, механические и артистические способности. Марланд предлагает относить к одаренным детям тех, кто обладают выдающимися способностями и демонстрируют высокую производительность. Причем отнесение к этой категории делается на основе экспертных оценок (Marland, 1972).

На видимых результатах деятельности основывал свое определение и Готц. Он считал, что талант может быть измерен только достижениями. Аналогично А. Танненбаум (Tannenbaum, 1986) рассматривает талант как результат деятельности, а одаренная личность та, которая «внесла выдающийся вклад в искусство, науку, литературу и общее благосостояние всего человечества» (р. 33). Более того, он считал, что истинной одаренностью — способностями, которые проявляются в определенных достижениях, обладают только взрослые, в то время как дети могут обладать только потенциальной одаренностью.

Многие авторы используют термины «одаренность» и «талант» как синонимы. Однако часть исследователей разделяет эти понятия. Так, К. Хеллер определяет одаренность как «когнитивный и мотивационный потенциал личности, который, в случае благоприятных социально — культурных условий будет проявляться в высокой производительности при решении теоретических либо практических задач в одной или нескольких областях, таких как: математика, языки, искусство» (Heller, 1989, р. 141). Очевидным в этом определении является то, что одаренность рассматривается как *потенциал* достижения, а не само достижение, причем, совсем не обязательно, что этот потенциал будет реализован. Таким образом, считается, что одаренный человек не обязательно должен демонстрировать выдающиеся достижения, однако благодаря заложенному потенциалу он гораздо легче сможет добиться выдающихся результатов. О тех, кто не смог показать достижения, соответствующих их потенциалу, обычно говорят, что они не реализовали свой потенциал.

Наиболее последовательно идея разделения имеющегося потенциала и демонстрируемых достижений реализована в «Дифференциальной модели одаренности и таланта» Ф. Гагнэ (F. Gagne,

1991–2009). Гангэ рассматривает одаренность как следствие исключительно врожденных способностей, как определенный потенциал к достижениям. Талант — это проявление заложенного потенциала, демонстрация выдающихся способностей в одной либо нескольких областях. В соответствии с предлагаемой моделью превращение одаренности в талант происходит посредством особенностей развития личности, причем факторы, которые Ф. Гангэ обозначает как катализаторы, могут в определенной мере либо способствовать, либо затруднять этот процесс.

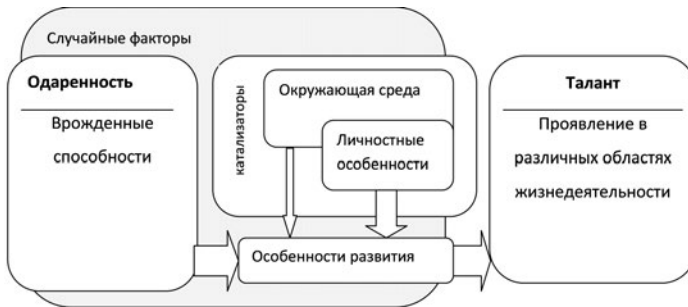

Рис. 1. Дифференциальная модель одаренности и таланта Ф. Гангэ.

К катализаторам, к факторам, оказывающим непосредственное влияние на процесс реализации одаренности, автор относит окружающую среду (обстановку, в которой живет индивид, особенности семьи, ее экономический статус), а также личностные особенности (психологические особенности, направленность). Модель также включает случайные факторы — обстоятельства, которые могут оказать сильное влияние на все компоненты модели.

Преимущество такого подхода очевидно. Он позволяет рассматривать в качестве одаренных тех, кто в силу ряда причин или неблагоприятных условий не демонстрируют выдающихся академических успехов. Причины могут быть разными. Это может быть болезнь, сложные экономические условия, дети, для которых государственный язык школы не является родным, девочки, которые в силу своего пола в некоторых регионах оказываются ограниченными в достижениях и т.д. Одаренность определяется врожденными способностями. Талант определяется выдающимися достижениями в одной или нескольких областях.

Первыми исследователями одаренности были Ф. Гальтон (1883) и А. Бине (Binet & Simon, 1916). Их принципиальная убежденность в том, что талант может быть измерен и что один человек отличается от другого степенью выраженности таланта, а не его качеством,

привели к перевороту в понимании одаренности. Взгляды Гальтона и Бине легли в основу *психометрического* подхода, в основе которого лежит идея о принципиальной возможности диагностики одаренности. Для диагностики «интеллектуальной одаренности» (термин, введен А. Бине) А. Бине предлагал выявлять общие способности к познавательной деятельности, которые оценивались по степени сформированности познавательных процессов и степени усвоения социального опыта.

Среди наиболее известных подходов к изучению **психофизиологический подход, основанный** на изучении функционирования структур ЦНС и их влиянии на успешность решения интеллектуальных задач (В.Д. Небылицин, А.Н. Лебедев, Н.С. Лейтес и др.); в рамках **психогенетического подхода** изучается влияния генетических факторов на формирование одаренности личности (Ф. Гальтон, П. Пломин, М.С. Егорова, И.В. Равич-Щербо и др.); **психометрический подход**, основан на измерении интеллекта, креативности, других когнитивных функций (Г. Айзенк, Р. Амтхауэр, Д. Векслер, Дж. Равен и др.); **психологический подход** ориентирован на изучение когнитивных функций и мышления, процессов переработки информации (Дж. Гилдфорд, П.Я. Гальперин, Я.А. Пономарев, Э.А. Голубева, Б.М. Теплов, Р. Стернберг и др.); в рамках **социально-психологического** подхода акцент делается как на внутренние факторы (интеллектуальные способности), так и на внешние, социальные факторы, а также на взаимосвязь этих факторов с уровнем аффективного развития и социальным статусом индивида (А.Г. Асмолов, В.С. Мухина, А. Танненбаум и др.). В 90-е года 20 века одаренность начинают рассматривать как **интегральное свойство личности**, которое не сводится к интеллекту, креативности или другим когнитивным функциям (Дж. Рензулли, Д.Б. Богоявленская, В.Д. Шадриков, А.И. Савенков, В.Н. Дружинин, М.А. Холодная и др.).

Одной из наиболее популярных в рамках этого подхода является модель «человеческого потенциала» или «модель трех королей» Дж. Рензулли (Renzulli, 1978, 1986). Автор считает, что одаренность человека является счастливым сочетанием трех качеств личности: способностей (общих и/или специальных) выше среднего, высоким уровнем включенности в задачу и высоким уровнем креативности.

Дж. Рензулли выделил факторы, которые входят в большинство современных концепций одаренности: это модель Ф. Монкса (1992), дополненная факторами средового воздействия (семья, школа, сверстники); модель Дж. Фельдхусена (1998), дополненная

переменными «Я-концепция» и «самоуважение»; динамическая концепция детской одаренности А.И. Савенкова (2005) и др.

Использование вышеперечисленных моделей для целей практической диагностики одаренности (особенно в школе) имеет ряд ограничений. Несмотря на включение в модели одаренности ограниченного количества не когнитивных переменных, модели ориентируются, тем не менее, на уровень интеллектуальных или креативных способностей. В результате использования этих моделей часть детей относится к категории одаренных исключительно на основе интеллектуальных и креативных способностей. Однако существует еще множество не столь очевидных и востребованных в школе способностей (телесно-кинестетических, пространственных, социальных, культурных, и т.д.). Хорошо известно, что Александр Пушкин был одним из самых худших учеников в лицее. Математика и геометрия не давались ученику, которого потом стали называть великим русским поэтом (Тыркова-Вильямс, 2004). Лауреат Нобелевской премии по физике Альберт Эйнштейн в школе считался одним из самых худших учеников. Даже его собственные родители считали его умственно отсталым (Львов, 1959) Великий композитор Людвиг Ван Бетховен писал с грамматическими ошибками, а такие арифметические действия как умножение и деление он так и не сумел освоить (Кремнев, 1961).

Таким образом, традиционные однофакторные модели, основанные в основном на пороговых значениях IQ, не могут в достаточной мере служить теоретической основой для практической диагностики одаренности. Существующие противоречия между результатами диагностики и реальными достижениями привели к тому, что в современной психологии наблюдается тенденция к построению многофакторных моделей одаренности. В современных теориях учитываются не только врожденные способности, но и особенности окружающей среды, социальное окружение. Многочисленные исследования показали, что врожденные способности реализуются только в случае существования благоприятного социального окружения.

Примерами многофакторных моделей интеллекта и одаренности могут являться теория множественного интеллекта Х. Гарднера, Мюнхенская динамическая модель одаренности К Хеллера (2004), дифференциальная модель одаренности и таланта Ф. Гагнэ (2000).

Одной из самых популярных многофакторных моделей одаренности является Мюнхенская модель одаренности, предложенная К. Хеллером. Графически она представлена на рис. 2.

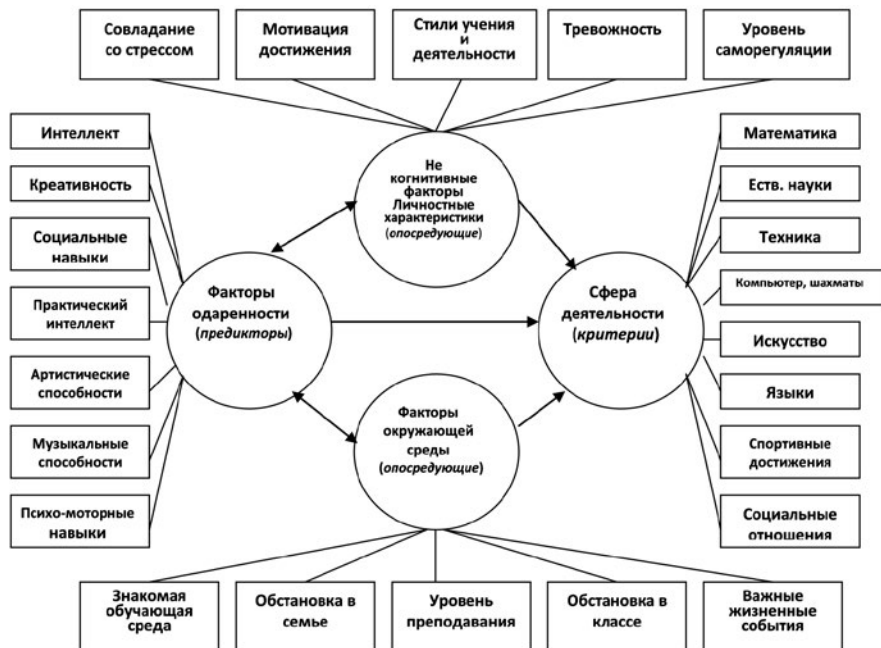

Рис. 2. Мюнхенская модель таланта и одаренности как пример многомерного подхода (цит по Kurt A. Heller etc., 2004)

В рамках предложенной модели одаренность рассматривается как многофакторный конструкт, включающий такие компоненты как:

1. *Факторы одаренности* — предикторы (интеллектуальные способности, креативность, социальная компетентность и др.);
2. *Не когнитивные личностные особенности* — опосредующие (стратегии совладания со стрессом, мотивация достижения, стилевые особенности личности, стремление к обучению и пр.);
3. *Факторы среды* — опосредующие (микроклимат в семье, классе, школе, критические события в жизни и пр.)
4. *Достижения* — критерии (наблюдаемые успехи в естественных науках, искусстве, спортивные достижения, общественные отношения и пр.).

Для целей практической диагностики особый интерес представляет факт разделения трех типов переменных: предикторы, опосредующие факторы и критерии.

Многофакторная модель К. Хеллера является одновременно и типологической моделью одаренности. На рис. 2 слева перечис-

лены семь типов одаренности. Автор считает, что, несмотря на то, что они, конечно, не в полной мере представляют все существующие типы одаренности, они, тем не менее, являются наиболее часто описываемыми в психологической литературе (Heller, 2004).

За последние десять лет Мюнхенская модель одаренности и созданный на ее основе диагностический комплекс широко использовался в лонгитюдных и кросс — культурных исследованиях (Германия, Китай, некоторые страны Латинской Америки и Восточной Европы). Подход К. Хеллера хорошо зарекомендовал себя не только в научных исследованиях, но и для решения прикладных задач. В нашем исследовании в качестве теоретической основы одаренности мы так же опирались на модель К. Хеллера.

Цель исследования. Разработать и апробировать процедуру выявления одаренных молодых людей на этапе их поступления в ВУЗ.

В соответствии с дифференциальной моделью одаренности и таланта Ф. Гангэ можно предположить существование 4-х групп испытуемых.

1 группа — лица с высоким потенциалом и высокой степенью проявления этого потенциала в достижениях. Как правило, выявление этих лиц не представляет труда, так как высокий уровень достижений в одной или нескольких областях является достаточно очевидным как для экспертных оценок, так и в результате психодиагностических процедур.

2 группа — лица с высоким потенциалом, который, однако, не реализован в достижениях по социальным, личностным причинам, либо одаренность человека лежит в такой области, которая с трудом поддается диагностике, не очевидна или не востребована (особенно в рамках школьного обучения). Диагностика именно такого типа одаренности представляет определенную проблему, так как потенциал к достижениям всегда выявить гораздо сложнее. Такие лица в школе, как правило, имеют достаточно низкие оценки, не очень успешно выполняют интеллектуальные тесты, тесты диагностики креативности им удаются лучше.

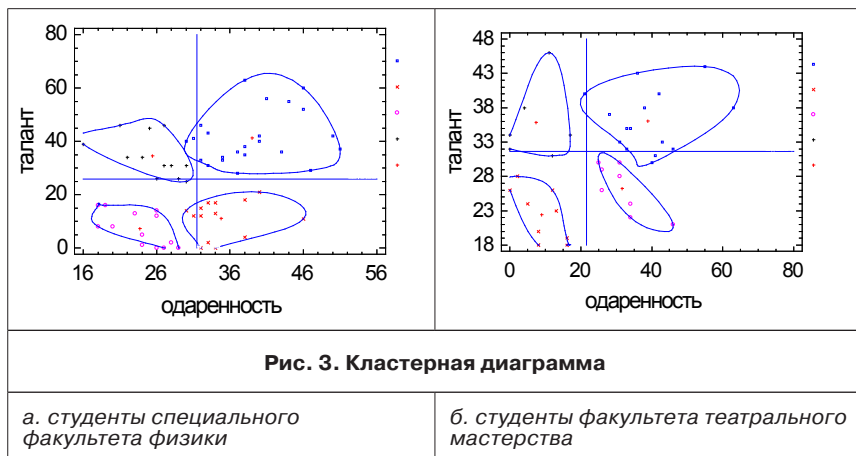
3 группа — лица с низким потенциалом и низким уровнем выраженности способностей. В рамках данного исследования эта группа нас не интересует, хотя с методологической точки зрения выявление таких лиц представляет определенный практический интерес.

4 группа — способности выражены на достаточно высоком уровне, но изначально их потенциал не очень высок и он уже нашел свое выражение в способностях. Такие лица, как правило, хорошо учатся, хорошо выполняют интеллектуальные тесты, тесты кон-

Креативность

Имя	Категория			Для оценки типа одаренности воспользуйтесь перечнем способностей, при этом не обязательно, чтобы студент обладал всеми этими способностями. Достаточно, чтобы студент отличался некоторыми из них
	1	2	3	
				<ul style="list-style-type: none"> • Любопытство • Воображение • Креативность, изобретательность • Оригинальность, поиск новых путей решения задачи • Гибкость мышления • Самодостаточность, независимость мышления • Многочисленность интересов • Постоянство интересов

Дальнейший анализ данных заключался в выделении групп испытуемых по двум признакам, которые соответствуют оценкам потенциала (одаренности) испытуемых и степени выраженности способностей (реализация потенциала, талант). Выделение групп проводилось отдельно для студентов, специализирующихся в разных областях с помощью факторного анализа. Результаты кластерного анализа графически представлены на рис. 3.

В целом кластерные диаграммы подтверждают наше предположение о возможности выделения 4-х групп испытуемых. В

1 группу — группу лиц одаренных, потенциал которых реализован в полной мере вошло 37% студентов-физиков и 39% студентов — театрального факультета. В группу студентов с хорошим, но не реализованным потенциалом (группа 2 на рис. 3) вошло 19% студентов — физиков и 16% студентов театрального факультета. В группу с достаточно низкими способностями и потенциалом (группа 3 на рис. 3) вошло 21% студентов-физиков и 24% студентов театрального факультета. В последнюю группу — группу лиц с достаточно высоким уровнем достижений, но с достаточно не высоким уровнем врожденных способностей (группа 4 на рис. 3) вошло 23% студентов-физиков и 21% студентов театрального факультета. В целом сравнительный анализ показывает, что распределение по группам в обеих выборках достаточно пропорционально.

В данном исследовании нас интересовала в первую очередь возможность выявления группы лиц с хорошим, но не реализованным потенциалом, т.е. группа 2 на рис. 3.

В дальнейшем исследовании изучались представители только двух групп: 2-й и 4-й. Изучались психологические особенности студентов, одаренных, способности которых, однако, по не изучаемым в данном исследовании причинам, не нашли своего воплощения в деятельности, и студенты, способности которых выражены достаточно ярко, но уровень врожденных способностей которых находится на среднем уровне.

В соответствии с моделью К. Хеллера предикторами интеллектуальных способностей должна выступать склонность к конвергентному мышлению, предиктором креативности — склонность к дивергентному мышлению, при этом гибкость мышления должна в любом случае выступать предиктором одаренности.

Из опосредующих, не когнитивных факторов в рамках данного исследования изучались особенности контроля за действиями. В соответствии с концепцией, предложенной Ю. Кулем, реализация функций целой системы контроля за действиями возможна только при гибком, согласованном взаимодействии subsystems, обеспечивающих удержание в активном состоянии намерений и достижение целей в ситуации, благоприятствующей этому, или прекращение целенаправленной активности в неблагоприятной ситуации. Если все элементы намерения активизированы в одинаковой степени (когнитивные репрезентации настоящего, будущего и текущего состояния), то намерение становится полноценным, а действие реализуется наиболее эффективно. В соответствии с особенностями формирования намерений (неполноценные намерения — полноценные намерения) все люди могут быть разделены на лиц, ори-

ентированных на состояние, и лиц, ориентированных на действие. Ориентация на состояние приводит к тому, что все усилия субъекта оказываются сосредоточенными на поддержание работоспособности системы контроля, однако усилия не воплощаются в действие. Лица, ориентированные на действие осуществляют регуляцию намеренного действия непроизвольно, действие не требует постоянного контроля со стороны сознания и в результате действие реализуется эффективно (Kuhl, 1992, цит. по Шапкин, 1997).

Второй не когнитивной переменной, изучаемой в данном исследовании, было состояние потока, переживаемое испытуемыми. Идея потокового состояния была предложена М. Чиксентмихайи. Состояние потока — состояния полного единения с деятельностью и ситуацией, которое характеризуется свободой, радостью, чувством полного удовлетворения и мастерства, когда человек настолько поглощён деятельностью, что теряет чувство времени и ощущение собственного Я, оказывается неспособным думать ни о чём постороннем или тревожиться о своих проблемах (М. Чиксентмихайи, 2012).

Таким образом, испытуемым, вошедшим в эмпирические группы, предлагалось пять психодиагностических методик. Изучались гибкость мышления испытуемых, их склонность к конвергентному или дивергентному мышлению, а также их ориентация на действия или на состояние при выполнении определенных действий, а также склонность к переживанию состояния потока, т.е. склонность быть полностью поглощенным деятельностью, которая сопровождается потерей чувства времени и т.д.

Сравнительный анализ потенциально одаренных студентов — физиков и студентов театрального факультета, показал, что для студентов-физиков в большей степени характерно конвергентное мышление (мышление, направленное на поиск одного единственного решения), в то время как для студентов театрального факультета в большей степени характерно дивергентное мышление (значение критерия Манна-Уитни $W = -400,5$ при $P\text{-value} \leq 0,05$ и $W = 22074,0$, при $P\text{-value} \leq 0,05$ соответственно). Значимых различий в гибкости мышления при сравнении этих групп выявлено не было.

Сравнительный анализ студентов — физиков и студентов театрального факультета с выраженными способностями также подтвердил выявленные закономерности. И в этом случае для студентов-физиков в большей степени характерно конвергентное мышление, для студентов творческой специальности — дивергентное мышление (значение критерия Манна-Уитни $W = 1376,5$ при $P\text{-value} \leq 0,05$ и $W = 240,5$, при $P\text{-value} \leq 0,05$ соответственно). Значимых

различий в гибкости мышления не выявлено. Однако сравнительный межгрупповой анализ выявил другие закономерности. Не выявлено значимых различий в степени выраженности конвергентного мышления для студентов-физиков, вошедших во 2 и 4 группы. Также и для студентов театрального факультета не выявлено различий в степени выраженности дивергентного мышления у представителей 2 и 4 групп. Однако были выявлены значимые различия в гибкости мышления. Для одаренных лиц в большей степени, чем для лиц демонстрирующих высокие достижения, но с достаточно ограниченным потенциалом врожденных способностей характерна гибкость мышления ($W = 736,5$ $P\text{-value} \leq 0,05$).

Таким образом, сравнительный анализ предикторов одаренности показал, что уровень конвергентного мышления (IQ) и уровень дивергентного мышления (креативность) одинаковы в случае диагностики представителей разных групп, однако для лиц одаренных характерна большая гибкость мышления. Именно эта переменная может стать тем показателем, который будет способствовать выявлению лиц одаренных, но не демонстрирующих свой потенциал в высоких достижениях.

Сравнительный анализ не когнитивных факторов, опосредующих формирование одаренности, показал, что значимых различий между студентами разных факультетов в рамках одной группы нет, однако значимые различия наблюдаются между студентами разных групп. Так, для студентов 2 группы, уровень одаренности которых оценивается выше, характерна ориентация на действие, в то время как для студентов 4 группы, уровень одаренности которых оценивается ниже — характерна ориентация на состояние при выполнении деятельности любого рода ($W = 375,5$ при $P\text{-value} \leq 0,05$). Таким образом, более одаренные студенты более эффективно реализуют свои действия. Если есть склонности к переживанию состояния потока, то это состояние при выполнении действий в большей степени характерно для более одаренных студентов ($W = 44,2751$ при $P\text{-Value} \leq 0,01$).

Одаренные люди в большей степени поглощены своей деятельностью, при ее выполнении они теряют чувство времени и ощущение собственного Я, оказываются неспособными думать ни о чём постороннем или тревожиться о своих проблемах.

В целом анализ не когнитивных, опосредующих факторов одаренности показал, что для одаренных лиц при выполнении любой деятельности характерна ориентация на действие, причем деятельность настолько захватывает их, что они полностью теряют ощущение времени.

Таким образом, проведенное исследование позволит более эффективно выявлять одаренных лиц, которые в силу социальных или личностных причин, либо в силу того, что тип их одаренности не востребован и не проявляется в школе, не идентифицируются как одаренные. Однако их одаренность может проявиться в условиях образования в вузе, если для них будут созданы соответствующие условия.

Литература

1. Современные концепции одаренности и творчества/Под ред. Д.Б. Богоявленской. — М.: Молодая гвардия, 1997.
2. *Кремнев Б.Г.* Бетховен. 1961.
3. *Львов В.Е.* Жизнь Альберта Эйнштейна. 1959.
4. *Чиксентмихайи М.* Поток: Психология оптимального переживания/Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Смысл, 2012.
5. *Шапкин С.А.* Экспериментальной изучение волевых процессов. М.: Смысл4 ИПРАН, 1997.
6. *Gagne, F.* Transforming gifts into talents: The DMGT as a developmental theory. // In N. Colangelo & G.A. Davis (Eds.), Handbook of gifted education (3rd ed.). — Boston: Allyn and Bacon, 2003.
7. *Gardne, H.* The role of crystallizing experiences.// In: F. Horowitz & M. O'Brien (Eds), Developmental Perspectives on the Education of the Gifted. — Washington, DC: APA, 1985. — pp. 74–102.
8. *Heller, K.A.* Perspectives on the diagnosis of giftedness. //German Journal of Psychology, 13, 1989. — pp. 140–159.
9. *Heller, K.A.* Identification of Gifted and Talented Students. Psychology Science, Volume 46, 2004 (3), p. 302–323
10. *Sternberg, R. J. & Davidson, J. E.* (Eds.). Conceptions of Giftedness (2nd ed.). — New York: Cambridge University Press, 2004.
11. *Tannenbaum, A. J.* Giftedness: a psychosocial approach.// In: R.J. Sternberg & J.E. Davidson (Eds), Conceptions of Giftedness — New York: Cambridge University Press, 1986. — pp. 21–52.

«ДРУГОЙ» КАК ИСТОРИЧЕСКИ ПЕРВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ТОПОС

«ALTER EGO» AS A PREMIUM SOCIAL TOPOS IN HISTORY

Логовая Е. С. — к. ф. н., доцент факультета экономики недвижимости РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации, stratos_el@list.ru

Аннотация: Культурная и общегуманитарная ситуация XXI века все более тяготеет к осмыслению феномена человечности, его истоков и механизмов эволюции. Предлагаемая статья рассматривает данную проблему в русле структурно-семиотического подхода, акцентируя внимание на социальных и мотивационно-психологических основаниях становления личностного сознания. Отправной точкой анализа избрана семиотическая оппозиция «Я-Другой», имплицитно содержащая в себе позиции «о-значивания», «границы», «маски» в качестве атрибутивных форм человеческого бытия, порождающих в своем историко-культурном развитии различные формы социальной актуализации Я. Показывая становление индивидуальности в контексте её внутренних ориентиров и социальных ролей, автор соотносит драматические перипетии этого процесса с невидимыми, но существенными психо-физическими и социо-культурными границами, внутри которых личность зарождается, познает себя и свои возможности.

Annotation: Cultural and all humanitarian situation of XXI century is increasingly inclined to interpretation of humanity phenomenon, its background and evolution. The article faces to given problem in connection with the structural-and-semiotic approach. It focuses on the social and motivationally-psychological background of personal consciousness formation. The starting point of analyses is semiotic opposition «ego — alter ego», implicitly containing «designation», «limit», «mask» as the attributive forms of human being, generating in its historical and cultural evolution of different forms of «ego» social actualization. While showing the personality formation in the context of its internal guidelines and social roles, the author relates the dramatic twists of the process with invisible, but essential psycho-physical and social-cultural limits, within which the person is born, knows himself and his possibilities.

Ключевые слова: Я, не-Я, Другой, граница, маска, деперсонализация, маргинальность, сокрытость, рефлексия

Key words: ego, not-self, alter ego, limit, mask, depersonalization, marginality, latency, self-consciousness.

...человек, который остается в природе, даже в своей собственной, теряет свою человечность.

П.-Н. Боре

Культура — это изобретение «мира впервые»

В.С. Библер

Культура начинается с открытия Другого. Изначально бытие человека не выделено из природно-космических ритмов, циклично и экстравертно. Принцип бинарности является одним из основополагающих принципов мироздания. Перечень бинарных оппозиций очень широк: «верх — низ», «мужское — женское», «хаос — порядок», «жизнь — смерть», «день — ночь» и т.д. Большинство оппозиций обладают статусом универсальности и могут быть применены как к характеристикам природного, так и человеческого бытия. Бинарность является первейшим способом перцептуализации мира, конструирует новую топографию, придает мирозданию человеко-соразмерный масштаб и ритм.

Оппозиция «Я — Другой» имеет особый семиотический статус, поскольку разрывает монотонность и естественность ритмики природы, придает бытию избирательность и осмысленность, становится основанием для выделения в мире не только типического и повторяющегося, но и контекстуального, лично значимого. Только с осознанием Другого в бытие природы начинает вторгаться голос человека, закладываются основы психорегулятивной мотивации поведения, отправной точкой рождения и функционирования которой является контекст «иног». Бинарная оппозиция «Я — Другой» задает палитру вероятностного поведения, выводя человека из сферы природного монолога и жесткой каузальности в изменчивую атмосферу человеческих потребностей, симпатий и предпочтений. Сослагательное наклонение, которое, как известно, не имеет ни природа, ни история необходимо для «рождения» человечности, способности этически осознанно и рационально осмысленно относиться к миру. Признание Другого выступает первейшим основанием нравственности.

Вынесенная в преамбулу фраза В.С. Библера, интерпретирующая культуру как «мир впервые», причем не просто открытый, а именно изобретенный, т.е. одновременно созданный и дарованный, на наш взгляд, также имманентно содержит контекст Другого. Бытие в культуре — это не факт, не просто присутствие человека в определенной системе исторических координат, а форма и способ узнавания (зачастую отнюдь нелицеприятно) себя и друго-

го. Другой — это зеркало, в котором отражается интерес человека к себе и миру. Если видение (зрение) есть биолого-физиологическая способность, то узнавание возникает лишь в контексте Другого, в пространстве которого формируется поле экзистенциального выбора и переживания, задается позиция заинтересованности, напряженной эмоциональности, нахождения «внутреннего» как эмпирически не фиксируемой, но безусловно необходимой для становления человека и человечности сферы бытия. «Культура ... позволяет ... как бы заново порождать мир, бытие предметов, людей, свое собственное бытие».

Задавая онтологию культуры, концепция Другого проходит через все историко-культурное многообразие, приобретая в каждую эпоху свое специфическое звучание. В структурах архаического мышления Другой интерпретируется в максимально широком контексте: Другой не обязательно персонифицируется, зачастую даже не осознается как человек. Другой — это просто не-Я, это — Иное, включающее в себя как формы человеческого, так и природного бытия. Отношение Я — Другой еще не только не принимает форму бинарной оппозиции, но зачастую не осознается даже через категории «дистанции» и «границы». Ключевой категорией антропоморфной картины мира выступает категория «подобие», которая рождает уникальную онтологическую и гносеолого-психологическую модель реальности. Основным способ ее существования может быть проиллюстрирован фразой «Я как Ты, но и Ты как Я», а метафорически осмыслен через образ кентавра. Мифологическое сознание создает особый тип синкретизма, в котором нет различения объективного и субъективного, реального и вымышленного, рационального и фантазмагорического (т.н. «реальность-кентавр»).

Отсутствие оппозиционности в системе «Я — Другой» подтверждается, в частности, исследованиями в сфере культурной антропологии: в древнейших дошедших до нас текстах местоимение Я как лингвистическая структура отсутствует в принципе. И дело отнюдь не в бедности словаря и лингвистической примитивности древнейших языков. Отсутствие Я как лингвистической конструкции демонстрирует отсутствие потребности в использовании данного местоимения. Архаика не выделяет Я как самостоятельную структуру мироздания, что легко объяснимо и имеет как социально-историческую, так и психолого-поведенческую мотивацию. Речь идет о простейшем факте невозможности изолированного выживания древнего человека ввиду крайней примитивности и неразвитости его социальных навыков. Функциональная трактовка человека актуализирует, в первую очередь, экстравертную состав-

ляющую его бытия и соотносит человека с типом выполняемых им функций, необходимых для выживания социальной целостности, но минимизирует значимость его индивидуально-личностного, интровертного аспекта бытия. Если тотальный антропоморфизм архаики «растворяет» человека в природе, то функциональная трактовка — в формах зарождающейся социальности. «Мифология воспекает... органы тела как частичные биологические объекты по отношению к полному социальному телу. Единичное тело полное, оно должно заполниться. Только коллективное тело становится полным. Маска становится визуальным образом, подключая биологические органы к общественному производству». Человек архаики выступает как потенциальный, но не актуальный носитель Я.

Суггестия, являющаяся одним из базовых механизмов психоэмоциональной регуляции поведения в период архаики, продолжает «растворение» индивидуального в коллективном. В период родоплеменной культуры суггестия способствует формированию механизмов социально санкционированного поведения, лежит в основе социальной памяти и, таким образом, обеспечивает трансляцию социально значимой информации. Однако особенность суггестии состоит как раз в ее нереклексивности, в отсутствии рационально-рассудочной, а, следовательно, критически осмысливаемой дистанции между Я и Мы, индивидом и социальной целостностью. Посредством суггестии создается особая эмоциональная атмосфера всеобщей экзальтированности, растворяющая личностно-осмысленное во всеобще-безличном. Особая острота суггестивного воздействия в культурах древности была связана с сакрализацией личности жреца, неразделенностью рационально-рассудочных и мистико-иррациональных аспектов знания, а также достаточно широким распространением различных психотропных средств и практик, активно применяемых древней магией.

Таким образом, как социально-исторические, так и психолого-поведенческие основы древних культур не мотивировали востребованность Я, ибо Я — это не просто лингвистическая конструкция, а форма осознанно-личностной позиции человека по отношению к миру, социальной целостности и самому себе. Отношение к себе как Я не дается «по факту», а рождается в процессе индивидуально-осмысленных усилий. Активное использование Я есть свидетельство историко-культурного и личностно-психологического взросления человека, основа для рождения рефлексии. «Я — или индивид — иными словами, скорее отношение, чем вещь, скорее движение, чем факт».

В период господства функциональной трактовки человека установление границы между индивидом и родом преимущественно было однонаправлено и по отношению к индивиду имело репрессивный контекст. Система «Я — Другой» функционировала через механизмы «захвата» и «поглощения», разрабатывая различные способы «вхождения» индивида в целостность, но препятствуя его «выходу» из системы. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что зачастую остракизму подвергались не персоны, имеющую явную провинность перед племенем, а, наоборот, личности, чей уровень самосознания превышал среднестатистический. Таким способом рождающаяся социальность оберегала себя от присутствия «Иного», расшатывающего мифологический синкретизм, базирующийся на принципе «подобия» как основном способе конструирования архаической реальности. «Иной» мог осмысливаться как инородный, чужой, потенциально опасный, но в любом случае он рассматривался как часть целостности, как структура, функционирующая по тем же социальным и природным алгоритмам. «Иной» как форма негации, нечто, существующее в рамках принципиально иного измерения бытия, не было характерно для рассматриваемого периода.

Первая робкая попытка найти себя и определить Другого была связана с практикой о-граничения, структурирования собственной телесности. Граница, как первейшее условие разрыва мифологического антропоморфизма, изначально могла быть осознана только в масштабе собственного тела, ибо, с одной стороны, тело есть фактичность, естественно-природный способ задания себя и отличия от Другого. Тело — простейшая и наиболее доступная человеку система координат, условная «нулевая точка», данная самой природой. С другой стороны, в рамках мифологического сознания «тело» является базовой категорией культуры, по сути дела, конституируя саму архаическую ментальность. Данную особенность мифологической культуры А. Ф. Лосев назвал «гениальной телесной интуицией древних», а О. Шпенглер подчеркивал, что «такое тело могло претерпевать аполлиническое просветление или дионисийское развеивание всеми ветрами, но в любом случае оно оставалось формой всяческого бытия».

Восприятие тела как границы не есть биологический факт, его способность выступать в качестве своеобразного индикатора о-граничения, дистанцирования своего и чужого возникает лишь в поле культуры. В архаике тело не рассматривалось как нечто, принадлежащее исключительно самому человеку, тело принадлежало роду. Именно поэтому мифологическая культура может быть ос-

мыслена как своеобразная «культура бесстыдства», понимаемая, однако, вне каких-либо нравственно-этических оценок. Понятия о нравственно дозволенном и запретном в принципе не применимы к периоду архаики: если тело не является собственностью человека, принадлежит не мне, а социальному целому, то и потребность в его сокрытии, защите от вторжения Другого возникнуть не может. Нагота древнего человека — естественное следствие его имперсональности.

Выступая в качестве границы, тело должно было быть окультурено, переведено из мира естественности в сферу смысла и о-значивания. Формы и способы подобного о-значивания исторически многообразны. В древнейших культурах оно реализуется посредством табуирования. Изначально табу возникают как ограничения и запреты на естественно-физиологические потребности тела (самые древние запреты, по мнению З. Фрейда, это — запреты на каннибализм, промискуитет и инцест) и многообразные практики инициации, в которых роль телесного насилия, далеко не в последнюю очередь само-насилия, как осознанного стремления к покорению и окультуриванию телесности, весьма велика.

Анализируя психолого-поведенческую модель, лежащую в основе становления культуры, Х. Ортега-и-Гассет в работе «Дегуманизация искусства» выстраивает следующий семантический ряд: «табу — потребность в сокрытии — метафора». Метафорическое восприятие реальности, по мнению мыслителя, конституирует принципиально новую онтологию — онтологию вариативного и осмысленного бытия. «Все прочие потенции удерживают нас внутри реального, внутри того, что уже есть. Самое большее, что мы можем сделать, это складывать или вычитать одно из другого. Только метафора облегчает нам выход из этого круга и воздвигает между областями реального воображаемые рифы, цветущие призрачные острова». В данном контексте метафора может быть осмыслена по аналогии с принципом Другого: обе структуры являются проводниками человеческого, создавая космос культуры как принципиально новое измерение бытия. Однако если позиция Другого изначально является аксиологически нейтральной и ориентирована лишь на нахождение границы, демаркационной линии между своим и чужим, то потребность в метафоре, по мнению Ортеги-и-Гассета, имеет психолого-охранительную мотивацию, отражает беспомощность древнего человека, его потребность в создании языкового и психологического барьера между своим и чужим. Определяя культуру архаики как «эпоху космического ужаса», испытываемого человеком при контакте с силами, выходящими за пределы доступных ему сценариев ути-

литарно-практического и психолого-адаптивного поведения, древний человек пытался минимизировать или хотя бы опосредовать данные контакты. «Не поименован, не о-значен, следовательно, не существует» — такова психолого-поведенческая максима древнего человека. «И поскольку слово для первобытного человека — то же самое, что и вещь, только наименованная, необходимым оказывается также не называть тот жуткий предмет, на который упало «табу». Вот почему этому предмету дают имя другого предмета, упоминая о первом в замаскированной и косвенной форме». Метафора — форма заклания, т.е. дистанцирования и нейтрализации бытия.

Существенную роль в процессе о-значивания телесности имеют формы ее визуальной подачи путем придания телу изначально несвойственной ему экспрессивности посредством новой, искусственно созданной колористики, а зачастую и формы: окрашивание всего тела или его частей, татуировка, шрамирование, ношение ритуального костюма или маски, сознательная деформация частей тела. Подчеркнутая, доходящая порой до гротеска, визуальная экспрессия тела — попытка древнего человека выйти за пределы природного бытия, обозначить свое присутствие в мире. Преобразованная телесность — это первое послание, адресованное Другому.

Один из древнейших способов подобного преобразования — татуировки. Татуировки, найденные на египетских мумиях, имели не только эстетический, но и социальный смысл: они несли информацию о земной жизни усопшего, были письменами, адресованными в мир мертвых. Уникальны татуировки жителей Полинезии, дошедшие до наших дней практически в неизменном виде. Они поразительны не только с точки зрения мастерства исполнения и художественной выразительности, они обладают особой информационностью: тату каждого полинезийца уникально и не может быть повторено на коже другого, ибо фиксирует ключевые события его жизни. Татуировка играла роль своеобразной родословной, была визуально фиксируемой социальной памятью, способом подключения человека к коллективному родовому древу. Вплоть до середины XIX века татуировки использовались в качестве личной подписи: при оформлении сделок купли-продажи наиболее выразительная часть тату переносилась на бумагу и имела юридическую силу. Татуировки могут быть осмыслены в качестве древнейшего социального маркера, выделяющего своего владельца в зависимости от занимаемого им места в системе социальной иерархии.

Особый интерес вызывает то обстоятельство, что татуировкой, шрамированием, окраской часто покрывалось именно все тело, а

не только лицо. Лицо же, наоборот, закрывалось маской. Исследуя роль маски в истории культуры, К. Леви-Стросс особое внимание обращает на полисемантику маски и, в целом, масочной культуры: «...не только мифы, но и маски не поддаются интерпретации в себе и для себя как изолированные объекты». Будучи обращенными к себе и Другому, маска и тату являются, по сути, семиотическими структурами, а в условиях неписьменной культуры являлись, фактически, единственно возможным типом текста, обладая всеми необходимыми его признаками: осмысленностью, структурированностью, возможностью дешифровки и, что особенно важно для архаики — адаптированностью к антропометрике человека. Маска — одна из первых форм культурной провокации, единство противоположностей, которые, однако, не уничтожают, а наоборот, взаимопредполагают и взаимодополняют друг друга. Маска одновременно привлекает и настораживает, наделяет облик предельной экспрессией и в то же время деперсонализирует его, вбирает в себя архетипичность образа и таит неожиданность интриги.

Ценность маски как одного из исторически первых социальных текстов не исчезла с развитием культуры. Маска выразила коллективное бессознательное, сформировала архетипическую модель поведения и психологический типаж человека. Будучи древнейшим бесписьменным алфавитом, она органично включена в конкретный тип исторической ментальности, кодируя и манифестируя ее основные культурные коды. В частности, К.-Г. Юнг выделил маску в качестве одного из базовых архетипов психологического и историко-культурного развития человечества.

Анализируя историю маски в качестве социального текста можно, в самом общем виде, выделить несколько сценариев ее социокультурного бытия.

Архаические маски поразительно разнообразны и, пожалуй, двух идентичных масок в принципе не существует. Но типологически все разнообразие масок в самом общем виде может быть разделено на две группы: зооморфные и антропоморфные маски. Зооморфные маски, зачастую выполняющие ритуально-тотемическую функцию, в наиболее явном виде демонстрируют основной принцип мифологического сознания: близость, а может быть и тождественность базовых сценариев бытия человека и природно-космического мироздания. Изначально четкой грани между зооморфными и антропоморфными масками не существовало: звериные маски зачастую очеловечивали, наделяя их ярко выраженной эмоциональностью, а человеческим придавали черты животных, усиливая тем самым их экспрессию и подчеркивая дистанцию по

отношению к реально существующим соплеменникам. Любопытен факт, подтвержденный многочисленными находками археологов: наибольшей детализировкой, образностью и, следовательно, степенью психологического воздействия обладали именно зооморфные маски. Антропоморфные маски, напротив, изначально были достаточно невыразительны и примитивны. Подобная неиндивидуализированность древних антропоморфных масок может быть осмыслена в русле функциональной трактовки человека и понимания древнего рода как «коллективного» тела.

Для самых древних масок было характерно иконическое подобие изображенного и изображаемого. Основываясь на ключевом признаке мифолого-антропоморфной картины мира, — подобии, — маски в наглядной, упрощенно-схематической форме воспроизводили окружающую реальность. Однако подобие маски и изображаемого никогда не было полным. И дело отнюдь не в ограниченности изобразительных возможностей древнего мастера. Маска не просто воспроизводит, она моделирует реальность. С одной стороны, маска всегда узнаваема, воспроизводя именно типическое, с другой, маска всегда превосходит изображаемое, выводя человека из мира повседневности. Поэтому маска может быть интерпретирована не только как социальный текст, но и как проводник, медиатор, связывающий мир «здесь и сейчас» и мир «возможного завтра», мир, понятный человеку и мир, запредельный для его возможностей, мир, данный в рамках индивидуального сознания и мир различно трактуемой трансцендентности. Визуальная экспрессия маски и есть единственно возможный в рамках архаической культуры способ акцентирования данной «двумерности» бытия. По мере усложнения культуры символика маски приобретала уже не только иконическое, но и конвенциональное подобие, а в развитых монотеистических или объективно-идеалистических системах становится способом выражения абсолютной духовной сущности, не имеющей предметного воплощения.

Архаичная маска — форма и способ преодоления «слабости», деиндивидуализированности сознания древнего человека. Она может быть осмыслена как своеобразный барьер, защищающий неартикулированное Я от всепоглощающей неизвестности и непредсказуемой стихийности мироздания. Посредством маски происходит «доставление» Я путем приобщения индивида к ритмике космического и социального целого. Маска — форма связи, способ вхождения в целостность мироздания: мир природный (зооморфные тотемические маски), мир живых (антропоморфные маски) и мир мертвых (погребальные маски). Иллюстрацией это-

го является использование маски в качестве обязательного инструмента в т.н. «обрядках перехода», максимально востребованных в периоды кризиса (в терминологии В. Тэрнера — пороговые или «лиминальные фазы»), вызванных переменной места, состояния, социальности и т.п. Маска, наряду с танцем и символическим повествованием порождает образ порядка и устойчивости, символически восстанавливала утраченную социокультурную целостность или санкционировала построение новой.

Архаическая маска существует только внутри ритуализированного действия, она не просто «есть», «наличествует», она «живет», «разыгрывается», формируя особое психоэмоциональное пространство, насыщенное энергией сопричастности, связи индивида со своим родовым целым. Маска становится своеобразным пропуском, делающим возможным, с одной стороны, вхождение индивида в социальность и овладение ее структурами, с другой, способствует нахождению своего собственного места (обретение лица) в складывающейся системе социальной иерархии.

В мифологических культурах маска больше и важнее, чем Я. Она не только важнейший социальный топос, «поводырь» в мир социально значимого, она также «поводырь» в глубины самого себя. Маска одновременно экстравертна и интровертна. В условиях отсутствия четко осознаваемых рефлексивных структур сознания и самопознания маска способствовала проникновению человека внутрь самого себя, в глубины психической реальности, репрезентируя внутреннее посредством внешнего. Маска является способом и формой проявления и проигрывания самых разных психоэмоциональных состояний, придавая зримость и даже телесность скрытым, а подчас и неосознаваемым, желаниям и устремлениям человека. Маска символизирует неосознанное, может быть даже мистическое, тяготение к тому, чем Я не является или даже не может являться в принципе. Посредством маски человек осознавал значимость визуально не воспринимаемого, но, безусловно, необходимого для социального и гуманитарного становления человечества компонента Космоса — экзистенциального пространства Я, переживаемого в формах индивидуально-психологической и социально-культурной данности.

Несмотря на очевидную приоритетность функции «вписывания», «растворения» человека в зарождающихся формах социальности, маска несет в себе и диаметрально противоположное начало — идею дистанцирования, создания пространства «Иного», живущего по иным аксиологическим, а иногда и пространственно-временным ритмам. Если для архаики важнейшим принципом

культуры являлась категория подобия, то в культуре средневековья базовой семиотической структурой выступает понятие «граница» как способ задания принципиальной двумерности бытия, выражаемой в понятиях «сакральное-профанное» («ад-рай», «грех-искупление», «тело-душа»). Значимость границы акцентируется не только ценностно-смысловой поляризацией мира, но и жесткой социальной стратификацией, типичной для средневековья. В эмоционально-психологическом аспекте граница осознается как «свое», защита, убежище, кров, а в философско-культурологическом аспекте может быть соотнесена с определенной системой координат, создающей особое онтологическое и аксиологическое пространство, функционирующее по правилам, которые знакомы человеку с рождения и естественны для него. Однако любая граница очерчивает не только центрированное пространство, бытийствующее по типическим для данной культуры сценариям, она, одновременно, ограничивает его от Иного — непонятного, чуждого, запретного. В принципе существует лишь два возможных способа общения с этим Иным: модель поглощения и модель ассимиляции, в любом случае, предполагающие выход за «границу», нарушение ее незыблемости и целостности. Средневековая культура реализует оба эти сценария. В рамках указанной темы остановимся лишь на форме игрового, карнавальнo-масочного преодоления границы.

Средневековый карнавал создавал мир, существующий вне общепринятых социальных норм и запретов, давал возможность вырваться за границы жестко регламентированного поведения, разграничивая не только мир эмпирической реальности и мир сакральный, но и мир разрешенной обыденности и мир маргинальных форм. При этом сама маргинальность и маска как ее визуальный носитель могли толковаться по-разному: назовем их условно «позитивной» и «негативной» маргинальностью. В качестве примера позитивной маргинализации может быть приведен мир средневекового карнавала с его типажамн скоморохов, ряженых, юродивых, объединяющей стихией которых был смех. Данные культурные формы принципиально отличались от государственных и религиозных праздников, имевших строгую, зачастую даже формализованную модель проведения. Карнавальнo-масочная культура создавала принципиально иной культурный универсум, не укладывающийся в систему доминирующих ценностей. Способом ее создания являлась инверсия: вместо лица — маска, вместо серьезности — смех, вместо устоявшейся морали — стихия карнавальнoй вседозволенности, вместо религиозной аскезы — невоз-

держанность, доходящая вплоть до обшечности. Карнавальная культура демонстрирует, по мнению М. Бахтина, особую ипостась маски, в которой выражается радость изменения и перевоплощения, «веселая относительность». Типаж средневекового шута или юродивого может быть осмыслен как «тотальная маска», так как маской являлся не только его внешний облик, но и сам стиль поведения. Шут или юродивый «не играет», он живет в формах воплощаемой им инверсии. В этом смысле средневековые карнавальные маски мифологичны, т.к. создают особый тип культурного синкретизма, в котором слово и действие, образность и рефлексивность, культурное и природное по своей сути синонимичны.

Другая сторона маски как способа маргинализации культурного пространства связана с ее репрессивной функцией. Маска, начиная с архаики, выступала в качестве индикатора неблагонадежности, социального «пятна», маркируя личности по тем или иным параметрам, угрожающие нравственному и социальному благополучию общества (тюремные маски и тату, пожизненные клейма для рабов, преступников, проституток и т.д.).

При становлении культуры нового типа происходят метаморфозы и с маской. Из способа маргинализации культурного пространства маска становится формой индивидуализации сознания и театрализации бытия. В стилистике барокко и рококо маска утрачивает онтологическую функцию и становится способом игрового моделирования, причем не социального, а художественно-эстетического, и, следовательно, личностно-переживаемого пространства. Маска вводится в пространство индивидуального бытия человека, порождая и воплощая его Его и даже alter Ego. Условно-обобщенным образом данного способа бытия маски является стихия маскарада. Она утверждает торжество светской культуры, разыгрываемой по произвольно избираемому сценарию, существует в пространстве индивидуальной свободы, легкой смены масок (в отличие от жесткой ролевой структуры карнавала), игривости и флирта. В традиции маскарада основной целью маски становится сокрытие подлинных чувств, потаенность, возможность быть Другим, скрывая свое лицо. Как следствие происходит уход от карнавального гротеска, усиление условности, что в конечном итоге превращает маску в своего рода симулякр, самодостаточную «маску масок».

Это сопровождается изменением как семантики, так и эстетики культуры. Создается особая социокультурная инверсия, определяющая Другого не просто как Иное, а как способ самоопределения себя. В Средние века alter Ego существует лишь эксплицитно,

как своего рода «Тень» (К.-Г. Юнг), как персонификация недопустимого, не санкционированного, содержащего в себе подтекст «дьявольского», отрицаемого доминирующей религиозной традицией. Alter Ego существует «на краю», в форме маргинальности, как образ, вытесняемый на периферию сознания. В культуре Нового времени alter Ego — уже не «край», не форма маргинальности, а «персона внутри персоны», реализуемая благодаря ценности жизни «здесь и сейчас», осознанного достоинства человека и его свободы, возможности быть Иным и Другим, не переставая быть собой. Провозглашение величия человека через самопознание как высшую и надежную достоверность (Р. Декарт), через самооценку и совесть как условие «самопревосхождения» (Б. Паскаль) сопровождается санкционированием приватности, развитием идеи «скрытого», но рационального в своей основе Я.

Несмотря на очевидную визуальную экспрессию, благодаря которой маска зачастую «кричит», «ударяет» по глазам, ошеломляет, ее основное назначение — сокрытие.

Потребность в сокрытии — одна из базовых потребностей, отражающая глобальное экзистенциальное одиночество человека. Психологическая мотивация данной потребности многообразна и зависит не только от индивидуально-личностного типажа человека, но и от сценариев его социального бытия, форм и способов включенности в культуру. Архаическая маска скрывает лицо, деперсонализирует человека с точки зрения его визуальности. Вероятно, одна из причин, побуждающая древнего человека скрывать свое лицо, коренится в анимистических культурах, в страхе древнего человека лишиться источника своей жизненной энергии, — души, — посредством ее магического «захвата» и перехода в некую иную сущность. Представление о «сокрытости» как внутренне-интимном, интровертном в этот период еще не было сформировано. Если человек архаики скрывал свое лицо, боясь в полном смысле слова «потерять» его, то современный человек испытывает потребность в сокрытости как форме внутреннего самосохранения, способе само-делания.

Культурологическое многообразие форм «сокрытости» может служить своеобразным индикатором развитости и зрелости культуры. В полной мере культура сокрытости рождается только в контексте христианского персонализма. Религиозно трактуемая потребность в сокрытости формирует «культуру тишины» (М. Павич), внешним образом проявляющая себя посредством чрезвычайно разветвленной системы мистико-религиозных и аскетических ритуалов. Рождение сокрытости, трактуемое в контексте категорий

«грех-стыд-раскаяние» метафорически отражено в библейском тексте о грехопадении и изгнании из Рая. Только вкусив запретный плод, т.е. отпав от Божественного волеизъявления и став на путь самостояния, Адам почувствовал стыд и испытал потребность прикрыть наготу фиговым листком. Стыдиться, т.е. осознавать значимость приватности как способа демаркации Своего и Чужого может только человек культуры. Дикарь и варвар не имеют стыда и, следовательно, не осознают потребности в «сокрытости». Потребность в сокрытии рождается лишь в контексте Знания, в результате осознания наготы, а не просто ее наличия. Человек может испытывать стыд и, следовательно, стремиться к сокрытости только на основе знания о собственной исключительности, осознав различие между собой и Другим.

Лицо — носитель субъективности и уникальности, самое непостоянное, интригующее и «играющее» начало в человеке. Изменение облика человека в момент смерти связано не с изменением его анатомических особенностей, а с исчезновением живости, неповторимости и эмоциональности лица. Фраза «потерять лицо» констатирует не факт физической смерти, а имеет четкий социальный и психологический контекст и означает потерю уважения, статуса и т.п. Будучи концентрированным выражением человеческой самости, лицо не дано человеку непосредственно, человек «не встречается» с ним, оно всегда дано посредством Другого и поэтому предназначено для Другого. Лицо таит в себе одну из основных тайн человеческой жизни: будучи всегда «при мне», вбирая в себе основные формы и способы коммуникации с миром, оно — самое непознанное и ускользающее от взора человека. Лицо — единство тайны и узнавания, социальной ангажированности и стремления к уединенности, сокрытости и открытости.

Открытие лица (как непосредственно физическое, так и культурологическое) служит индикатором зрелости культуры, развитости ее рефлексивных оснований, выражает интерес человека к самому себе как носителю неповторимости и интимности. Наоборот, закрытость лица выражает стремление деиндивидуализировать личность, растворить Я в различно трактуемых формах имперсональности. Несмотря на выраженную экспрессию и поэтому кажущуюся «открытость», этим качеством обладают и карнавальные маски. Исторически карнавал — не только стихия радости и веселья, но и атмосфера узаконенной вседозволенности, нарушения неписаных, а зачастую и писаных правил поведения. В этом контексте стремление скрыть лицо, т.е. приобрести определенную анонимность, психологически мотивировано.

Египетские фрески поражают сочностью колористики, анатомически верным изображением человеческого тела, поразительной точностью деталей, являясь, по сути дела, иллюстрированной энциклопедией быта. Они — совершенны, за исключением одного — они не интересуются самим человеком, его внутренним миром и личностным своеобразием. Египтяне беспристрастны в своем искусстве: вещи, звери, люди — однопорядковые элементы целого, которые линейно, вне какого-либо композиционного центра расположены на плоскости. Живопись фиксирует мир предметных форм, в котором человеческой индивидуальности нет места. У персонажей египетского искусства нет «лица», характера, взгляда; отличительной чертой человека, в лучшем случае, является социальная атрибутика. Египетская фреска может быть уподоблена летописи, которая правдиво и исторически корректно фиксирует происходящее.

Введение перспективы в живопись не может быть оценено лишь как очередная техническая новация, это поистине революция в мировоззрении человека. Перспектива, лежащая в основе живописной композиции — это позиция заинтересованности, позиция личностного присутствия, позиция Я. Различие в способах интерпретации Я обуславливает существование различных видов перспективного построения картины — прямой и обратной перспективы. Обратная перспектива, применяемая в иконописи, имеет четкую философско-мировоззренческую мотивацию и задает место человека в системе теологических координат. Чувственно воспринимаемое, телесное, а, следовательно, человеческое имеет смысл лишь как одна из форм выражения мира Божественного. Средневековье, фактически, ставит знак равенства между понятиями «Бог» и «реальность». Поэтому икона — это не иллюстрация, не повествование о том, что имеет место в окружающем мире. Икона — это символическая форма присутствия Бога, способ связи с ним, «окно» в другой, сакральный мир. Использование прямой или обратной перспективы, в конечном счете, зависит от того, где расположена точка отсчета: в прямой перспективе это Я, человек, смотрящий на картину, оценивающий и наслаждающийся ею. В определенном смысле, в прямой перспективе скрыт человеческий эгоцентризм: Я является исходной точкой бытия. В восприятии иконы скрыт совсем другой смысл — это не я смотрю на изображение Бога, это он, Бог, посредством иконы смотрит на меня.

В этой связи ни египетская фреска, ни икона и не являются «картиной» в полном смысле этого слова, ибо «картина» обязательно предполагает наличие субъективно-личностного, авторского от-

ношения к изображенному. Картина — не летопись, былина, «окно» в сакральное, это — повесть с интригой, авторским сюжетом и возможностью его доразвития зрителем. Если в египетских фресках человек лишь присутствует, обладает статусом фактичности, то в европейской классической живописи он живет, наполняя собой не только портретную, но даже и пейзажную живопись. Не случайно особо пристальное внимание к теории и практике прямой перспективы и распространение жанра портрета и автопортрета, введение зеркала как элемента живописной композиции совпадают во времени и возникают именно в культуре Ренессанса с его антропоцентризмом и идеей *selfmadeness*. Портрет — это централизованное выражение Я, интересное мне и Другому.

Роль зеркала в истории живописи и психологии — отдельный вопрос. Зеркало, с одной стороны, дает человеку возможность «лицезрения», т.е. непосредственного видения себя. Зеркало, фактически, знакомит человека с самим собой, выступает в качестве значимого элемента самоидентификации. Но все ли так просто? Легенда о Нарциссе, образ Дориана Грэя, широкое использование зеркала в магических культах и ритуалах рожают интригу неузнавания, несовпадения самоперцепции и отраженного визуального облика. Зеркало провоцирует вопрос: есть ли то, что отражается в зеркале Я или Я есть нечто иное, чем отражаемая зеркалом телесная оболочка? Зеркало минимизирует дистанцию между мной и моим телесным Я, но со всей остротой ставит вопрос о возможном несовпадении и даже конфликте внешнего и внутреннего Я, ибо процесс самоидентификации возможен лишь в пространстве мысли, а также пусть и не всегда фактического, но подразумеваемого присутствия Другого. Ж. Лакан выделяет «стадию зеркала» как необходимую фазу эмоционально-психологического взросления человека, фазу, в которой взгляд человека устремляется от внешне-вещественного к внутренне-интимному, от открытого к сокрытому. Зеркало — философский провокатор, ибо ставит вопрос о том, что есть Я и обязательна ли позиция Другого для познания самого себя, но не дает на него однозначный ответ.

Оппозиция «сокрытого — открытого» («видимого — невидимого») — основа творчества Р. Магритта. Магритт поднимает одну из базовых проблем современной философии — место и функцию границы как формы и способа мирообразования. В первой половине 60-х гг. XX в. художник создает ряд работ под названием «Место под солнцем», где использует принцип сокрытия в виде наложения одного объекта на другой. Визитной карточкой Магритта стало изображение яблока, наложенного на человеческое лицо («Сын челове-

ческий», 1956). По мнению художника, невидимое (сокрытое) — это не просто отсутствующее или спрятанное. Сокрытость — базовая психоэмоциональная потребность человека, именно способность к сокрытости позволяет человеку вписаться в ландшафт культуры, спрятать свою уникальность и стать «как все». Сокрытость в культуре XX века — форма деперсонализации сознания и стиля жизни, болезненно переживаемая субъектом, но необходимая для выживания в современном технизированном обществе. Подчеркивает эту идею и навязчивый образ знаменитого магриттовского котелка как униформы, социального маркера усредненности. Котелок, имеющий все признаки социальной маски, — образ границы, дистанции по отношению к Другому. Но если в архаических культурах эта дистанция играла позитивную роль, формировала интровертно ориентированное пространство человеческого бытия, то в современной культуре данная дистанция зачастую приобретает обратную форму — форму деиндивидуализации сознания, вплоть до социального инфантилизма и эскапизма.

Магритт скрывает не только лицо Другого, принцип сокрытия анализируется им поистине глобально: стремится скрыться сама природа (или человек насильно навязывает ей это сокрытие?) — на многих полотнах художника природный ландшафт частично скрывается за счет картины, наложенной на него таким образом, что картина, фактически, сливается с ландшафтом. Магритт практически нивелирует любые различия изображаемого и изображенного. Принцип границы как формы демаркации своего и чужого, внешнего и внутреннего превращается тем самым в свою противоположность — в принцип иллюзии или обмана как основного способа бытия и человека, и самой реальности («Прекрасная пленница», 1931 г. и 1947 г., «Человеческий удел», 1933).

Исследования «границы» ввели в структурализм понятия «центра» и «периферии», задающих не только объективную пространственно-временную модель мироздания, но и ее историко-культурологическую и эмоционально-психологическую интерпретацию. Во всей классической культуре системо- и смыслосозидающим элементом было понятие «центр». Трактатоваться «центр» мог по-разному (позиции Автора и Зрителя как базовые способы восприятия произведения, условный центр схода линий при построении живописной перспективы, центральный элемент композиции, основная идея и т.д.), но при всех своих интерпретациях предполагал осмысленность и содержательность в качестве безусловных позиций культуры. «Граница» формировала особое квазипространство, наполненное энергетикой творчества, напряженным

постижением смысла и личностной ответственностью Автора, моделируя аксиологическое измерение бытия, а искусство обладало определенной центростремительной силой, создавая, осмысливая и оценивая то, что было «внутри границы». В современной культуре концепция границы переосмысливается, теряя свою понятийную определенность, конституирующий признак искусства все более тяготеет к понятию «периферия». Граница (рамка) — зачастую единственный маркер, выводящий объект из непосредственности повседневности в сферу искусства. Ограничить, взять в рамку можно все, что угодно: от существующей бытовой вещи (ready-made) и даже ее разрозненных частей или подлежащих утилизации отходов (trash-design) вплоть до пустоты.

Многообразие интерпретации понятий «граница» и «Другой» не только не снижают их философско-мировоззренческого статуса, способности выступать в качестве базовых категорий онтологии культуры, но, наоборот, лишь подтверждают это. Данные понятия не просто фиксируют способ и форму отделения себя от целостности, но выступают основанием встречи «своего» и «чужого», открытия мира и изменения себя. Сама бытийственность человека предопределяет его пограничность: его будущее неопределенно, его деяния и переживания зачастую неожиданны и даже парадоксальны, по крайней мере, в интерпретации Другого, и самое главное — попытки его самоопределения, самоидентификации всегда происходят «на краю», «на границе», отделяющей человека как от многообразия сущего, так и от экзистенции Другого. Человек начинается, с одной стороны, с определения и фиксирования собственных границ, с другой, — почти сиюминутного их преодоления. Пограничность — всеобщий онтологический признак человека как самосознающего субъекта и означает готовность к диалогу, к изменению себя посредством общения с Другим. Развитие культуры есть обнаружение границ Я путем выявления того, чем Я не является. Усложнение культурного пространства приводит к тому, что Иное, Другой становятся необходимыми формами саморефлексии. И чем выше степень самосознания и индивида, и культуры, тем сильнее готовность к принятию Иного, к переходу от монолога культуры к ее полифонии.

**Журавлев А.Л.,
Юревич А.В.**

ЛИБЕРАЛИЗМ И ЕГО ПСЕВДОЛИБЕРАЛЬНАЯ «МУТАЦИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Журавлев А. Л. — Директор Института психологии РАН, член-корр. РАН,
д. психол. н., e-mail: adm3@psychol.ras.ru

Юревич А.В. — Зам. директора Института психологии РАН, член-корр. РАН,
д. психол. н., e-mail: yurev@orc.ru

Аннотация: Авторы констатируют непопулярность либерализма в современной России. По их мнению, в этом повинен не истинный либерализм, а его псевдолиберальная «мутация». Рассматриваются основные различия между либералами и псевдолибералами. Эти различия видятся в понимании свободы, отношении к патриотизму и нравственности, основных идеологемах, стиле мышления, образе жизни, соотношении принципов и интересов и др. Авторы формулируют основные задачи в реабилитации и развитии либерализма в нашей стране, а также прогноз о том, что одной из главных арен идеологической борьбы в ближайшие годы станет противостояние истинного либерализма и псевдолиберализма.

Summary: The authors declare the unpopularity of liberalism in modern Russia. In their opinion it is due not to genuine liberalism, but to its pseudoliberal mutation. The main differences between liberals and pseudoliberalars are under analysis. The authors see these differences in the understanding of freedom, attitudes towards patriotism and morality, main ideologems, style of thinking, life modes, ratio between principles and interests, etc. The authors formulate the main tasks in rehabilitation and development of liberalism in our country, and the forecast that the main arena of ideological struggle in the forthcoming years will be the withstanding beyween genuine liberalism and pseudoliberalism.

Ключевые слова: либерализм, истинные либералы, псевдолибералы, либералогемы, компрадорский образ жизни, стиль мышления, принципы, интересы

Слово «либерал» — одно из тех слов, эмоциональный смысл которых претерпел в нашей стране наиболее радикальные изменения за годы реформ и теперь, наряду с такими терминами, как «демократ», «реформатор» и т.п. принадлежит к числу чуть ли не ругательных выражений. Трудно не согласиться с тем, что «В России либерализму, как социально-политической идеологии, не везло» [1, с. 11], добавив, что это «невезение» сохраняется и поныне.

Причины достаточно очевидны, многократно описаны в литературе — как научной, так и публицистической — и связаны главным образом с непопулярностью у основной части наших сограждан так называемых либеральных реформ и инициировавших их людей. Как отмечает С.В. Картунов, «Слово «либерал» стало гораздо более ругательным, чем в конце перестройке слово «коммуняка». И ответственность за это несут те политики, кто называл себя либералами в 1990-е годы, а на самом деле к либерализму не имел ровно никакого отношения» [2, с. 193]. Регулярно подчеркивается то обстоятельство, что сам либерализм в этом вряд ли повинен, в данной ситуации, как и в случае с марксизмом, проявилась характерная для нашей страны тенденция — переиначивать пришедшие к нам с Запада идеи до неузнаваемости и от их имени осуществлять преобразования, которые имеют к самим этим идеям весьма отдаленное отношение.

Либерализм всегда был достаточно многолик. «Либерализм не мог остаться в прежнем виде, а принял много новых видов; он разбился на партии и группы с очень разными стремлениями и идеями; единого либерального учения уже нет, — списал А.А. Богданов в 1904 г. [3, с. 6–9]. В издании Большой Советской Энциклопедии 1938 г. отмечалось, что «Одной из особенностей мировой либеральной идеологии состоит в том, что нет и никогда не было единой модели либерализма», — пишет С.В. Картунов [2, с. 254]. «За сто с лишним лет истории этого термина содержание, которое вкладывалось в него, постепенно расширялось» [4, с. 737]. Тот факт, что «Термин «либерализм» является скорее собирательным, чем точно определенным», отмечают и зарубежные исследователи [5, р. VII]. Они подчеркивают, что «Не было *одного либерализма*, но были *либерализмы*, не было *одного либерального эксперимента*, но были *либеральные эксперименты*» [6, р. 7], «Всякая попытка априорного перечисления либеральных идей приводит к приданию ложного порядка и точности подвижному, меняющемуся явлению» [7, р. 26]. А утверждение о том, что либерал — всякий, «кто считает себя таковым или кого называют так его современники» [6, р. 27], естественно, не делает это понятие более определенным и, более того, служит оправданием претензий современных российских псевдолибералов считаться либералами истинными. «Понятие либерализма столько раз меняло свое значение с момента своего первого употребления, что теоретически представляется бессмысленным», — отмечает В.А. Чаликова [8, с. 5], при этом, правда, добавляя, что «Определить либерала теоретически невозможно», но «практически невозможно его не узнать» [там же, с. 7].

Отмечается и то, что классический либерализм претерпел серьезные преобразования в направления, во-первых, социализации, отказа от изначального равнодушия к социальной сфере (поэтому, в частности, современный либерал вполне может быть борником социальной справедливости и выравнивания уровня доходов в обществе, например, через прогрессивную шкалу налогообложения), во-вторых, демократизации (первоначальный либерализм был довольно-таки анти-демократичен, что проявилось, например, в высказываниях Вольтера и Ж.-Ж. Руссо о роли «черни»), в-третьих, этатизации, признании важной роли государства, в-четвертых, национализации, отказа от изначального космополитизма¹, в-пятых, модернизации своих философских, социологических и этических оснований либерализма [1]. На этом фоне современный российский псевдолиберализм намного ближе к исходному, не откорректированному столкновению с реальностью либерализму, чем к его современному, развитому варианту.

Распространены и довольно *психологизированные* трактовки либерализма. «Либерализм, как и его сторонник социализм, это одновременно теория, доктрина, программа, практика. Это также (причем еще более фундаментальным образом, чем в случае с социализмом) некоторая позиция, т.е. предрасположенность ума, или перспектива, в которой рассматриваются проблемы, встающие перед индивидом в устройстве его общественной жизни», — пишет Г. Бурдо [9, р. 7]. Ему вторит С. Колм: «Либерализм — это не доктрина. Это скорее угол зрения, рационализированное или прикладное мироощущение, идейный и эмоциональный ландшафт, созвездие принципов и доводов разума» [10, р. 27]. По мнению Ф. Нэмо, «либерализм означает, главным образом, антитрадиционализм, неприятие любой данной интеллектуальной, моральной или политической нормы» [11, с. 264]. «Либерализм — это не просто некая доктрина или кредо, он представляет собой нечто неизмеримо большее, а именно тип и способ мышления» [1, с. 45], «Это система воззрений и концепций в отношении окружающего мира, тип сознания политико-идеологических ориентаций и установок, который не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями или политическим курсом» [там же, с. 45]. Поэтому, в частности, закономерно появление в отечественной психологической науке такой

¹ Отмечается, в частности, что «национализация» либерализма — одна из общих закономерностей при переходе от старого, классического, к новому, постнеклассическому либерализму» [1, с. 74], «Лидеры либеральных партий стали доказывать, что их либеральная партия — это национальная партия, партия национальной защиты, партия патриотизма» [там же, с. 74], «Либерализм по-разному окрашен в различных странах и по-разному защищается их национальными лидерами. Английский, американский, немецкий, французский, итальянский, испанский либерализм представляют его различные типы» [2, с. 254].

методологической позиции, как «методологический либерализм» [12]. Существует и точка зрения, согласно которой философию либерализма создали люди особого психологического склада, особо чувствительные к свободе, а первым либералом некоторые считают ... Прометея, «дерзнувшего вступить в борьбу с богами ради освобождения людей от их абсолютной власти» [1, с. 44].¹

Изменился до неузнаваемости и *образ* либералов в нашем общественном сознании. Несколько упрощая, можно сказать, что в советские времена этот образ ассоциировался с английским джентльменом с тросточкой (вспомним образ У. Гладстона в советских учебниках обществоведения), с основателями российского либерализма — М.М. Сперанским, Б.Н. Чичериным, П.Б. Струве, с отечественным интеллигентом (показательна органичность таких терминов, как «либеральная интеллигенция», в то время, как такие выражения, как, скажем, «либерально настроенный рыночный торговец», как и «либерал с большой дороги», звучат несколько странно) придерживавшимся прозападных настроений и критически относившимся к советской системе, и т.д.

В начале 1990-х образ либерала в российском массовом сознании радикально изменился, что было предопределено *основными источниками рекрутирования* новых либералов и тем, представители каких социальных слоев поспешили записаться в их ряды. В либералы хлынули бывшие партийные и комсомольские руководители,² пионеры новорусского бизнеса, прочно усвоившие его криминальные нравы, представители самого криминального мира, карьеристы различных мастей, использовавшие либеральные лозунги в корыстных целях, и другие подобные личности. И неудивительно, что в те годы можно было встретить понимание либерала как, скажем, человека, отбывшего срок в местах лишения свободы за экономические преступления, а то и просто побывавшего в этих местах.

Образ российского либерала, характерный для наших дней, тоже довольно своеобразен и преимущественно «срисован» с личностей, для которых характерны очень высокий уровень доходов (бедно живущий либерал выглядит в современной России как нон-

¹ Следует отметить, что подобная точка зрения подвергается критике. Например: если понимать под либерализмом не учение, а «некое мироощущение, идейный и эмоциональный ландшафт, созвездие принципов и доводов разума ... в таком случае состав «либерально чувствующих мир» окажется безбрежным, а соответственно история либерализма окажется просто невозможной. Было бы странно также руководствоваться тезисом о том, что либералом следует считать всякого, кто сам себя считает таковым или кого так называют современники» [там же, с. 60]. В таком случае тоже стирается грань между истинными либералами и теми, кого называют этим словом в современной России.

² Справедливо сделанное политологами наблюдение о том, что эти люди в советские годы долгое время настойчиво внушали себе и другим, что капитализм — «варварский», «грабительский» и т.п., и, придя в власти, именно такой капитализм у нас и построили, ибо другого попросту не знали.

сенс), сомнительные способы обретения богатства, довольно темное прошлое, часто и настоящее, дорогостоящая недвижимость за рубежом и обучающиеся там дети, солидные счета в иностранных банках, виллы, яхты, дорогие автомобили и, естественно, «либеральные» представления о том, что «каждый сам кузнец своего счастья», «человек стоит столько, сколько он зарабатывает», государство только мешает проявлению личных свобод и должно «уйти» из основных сфер экономической и социально-политической жизни, и т.д. Естественно, подобные атрибуты современных российских «либералов» вызывают изрядное раздражение основной части населения, что и побуждает его обозначать их куда менее уважительными словами.

Можно предположить, что дело здесь не в «совковости» (слово, в свою очередь, излюбленное нашими неолибералами) этого населения, не в его приверженности советским традициям и нетерпимости к богатству. Наверняка, и основатели российского либерализма — упомянутые выше М.М. Сперанский, Б.Н. Чичерин, П.Б. Струве — были бы сильно удавлены тем, кого причисляют к либералам в современной России, разделили бы такое же отношение к этим людям и оказались бы сильно удручены судьбой либерализма в нашей стране. Персонализируя вопрос, А.В. Кортунов пишет о том, что «Либерализм — это не Чубайс, Бурбулис, Авен, Явлинский. Хакамада и Гайдар. И уж совсем не Горбачев и Ельцин. Либерализм — это Ф. Вольтер и Д. Дидро, Ш. Монтескье, П.А. Гольбах и Б. Франклин, Дж. Гоббс и Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и М. Вебер, Т. Грин и Ф. Рузвельт» [2, с. 193–194]. А.С. Ципко тоже подчеркивает, что т.н. «либерализм», утвердившийся в современной России, не имеет ничего общего с русскими национальными традициями либерализма, а нынешнее западничество — с его революционным прообразом [13].

В то же время можно утверждать, что и истинные либералы в современной России сохранились, хотя и не занимают в ней ключевых позиций, а либералы и псевдолибералы представляют собой совершенно разные как социальные, так и психологические типы. Различия между ними достаточно очевидны и тоже описаны в обильной научной и общественно-политической литературе, в которой вторая категория обозначается более политкорректно — как «псевдолибералы», «так называемые либералы», «неолибералы», а также «квазилибералы», «либералы с большой дороги», «паралибералы» [1], «протолибералы» [2] и т.п.

Ключевые различия

Прежде всего, истинные либералы и псевдолибералы кардинально различаются своим *пониманием свободы*, которую и те, и другие провозглашают одной из высших ценностей цивилизации: «Свобода в либерализме безусловна и самодостаточна: она не путь к счастью и совершенству, но ценность сама по себе» [1, с. 43]. Для истинных либералов свобода — это не упразднение социального контроля над человеком, а перевод его из внешней во внутриличностную форму, превращение контроля над ним, реализуемого внешними социальными инстанциями, в самоконтроль, хотя по-прежнему «Основной проблемой либерализма является вопрос об оптимальном соотношении личной свободы и общественных институтов» [там же, с. 44]. Из чего естественным образом следует, что отмена подобных инстанций возможна только при высоком уровне самоконтроля, а, значит, далеко не все народы и культуры готовы к их отмене, которая в условиях несформированности самоконтроля может привести к разрушительным для общества последствиям. Псевдо- же либералы убеждены в ненужности *любого* контроля над человеком, полагают, что свобода самоценна и хороша во всех случаях, понимают ее как полное отсутствие запретов и ограничений, и не считают с тем, что свобода означает высвобождение в человеке не только лучшего, но и худшего, «Тем самым активизируются разрушительные потенции, сокрытые в глубинах человеческой психики (вспомним фрейдовское Ид — А. Ю.). Возникает специфическая «неуправляемость», о которой все больше говорят в последние десятилетия, т.е. попросту говоря анархия. Свобода становится «даром данайцев» [2, с. 215]. Поэтому справедливо отмечается, что «главный враг истинного либерализма — не консервативная реставрация, не «коммунальность и даже не деспотизм. Его главный враг, как и у любых других цивилизованных проектов — варварство и хаос» [1, с. 57].

Трудно не согласиться и с тем, что «либерализм, занесенный «извне», из ограниченно контекста в контекст, где он объективно не нужен, часто вырождается в деструктивный индивидуализм, инспирируя общественный хаос» [там же, с. 58] а «если «либеральная подстраховка» социально неподготовлена, то социум может оказаться бессильным перед натиском «нового варварства» [там же, с. 58], что, по-видимому, и произошло в России в 1990-е гг., хотя контекст, где либерализм «объективно не нужен», требует, как минимум, уточнений. При этом «Искушение самочинной волей — важнейшая проблема, которую в полной мере учитывали класси-

ки европейской либеральной мысли» [там же, с. 58]. В результате «Задачей либерализма стала, таким образом, не декларация свободы «индивида вообще», а защита свободы личностей, достигшей определенного уровня развития и доказавших (на основе выдвинутых либерализмом критериев) свой цивилизованный статус» [там же, с. 58]. И здесь отчетливо проявилось одно из главных отличий подлинного, цивилизованного либерализма от современного отечественного псевдолиберализма, которого варварские проявления «самочинной воли» вполне устраивали.

Следует отметить, что псевдолиберальное понимание свободы пустило глубокие корни в современном российском обществе — как с легкой руки псевдолибералов, так и вследствие нашей неготовности к цивилизованному потреблению свободы и ряда анархических черт российского национального характера. «Если рассматриваться свободу в «негативном» смысле, как свободу от чего-либо, то она воспринимается просто как отсутствие внешних ограничений» [2, с. 216]. К тому же «свобода равно провозглашается для всех, но отсутствие в ней моральной доминанты приводит к тому, что каждый токует ее по-своему. Для одних это свобода переводить капиталы в страны с более низкими налогами и экспортировать в третий мир радиоактивные отходы, для других — свобода брить голову, красить чуб в зеленый или малиновый цвет ... Для наркомана либеральная свобода заключается в беспрепятственной возможности употреблять наркотики и умереть в муках» [там же, с. 218–219]. А опросы показывают, что весьма значительная часть наших сограждан понимают свободу как ... освобождение из мест лишения свободы [14]. Своим нынешним состоянием, некоторые показатели которого приведены в таблице, наше общество во многом обязано именно псевдолиберальному пониманию свободы, естественным образом ведущему к одичанию и «оскотииванию» значительной части населения.

Таблица. Некоторые показатели состояния современного российского общества, 2011 г.

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100000 жителей	11,7	1-е место в Европе и Центральной Азии
Смертность от самоубийств на 100000 жителей	21,8	3-е место в Европе и Центральной Азии после Литвы и Казахстана

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100000 жителей	11,4	1-е место в Европе и Центральной Азии
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100000 жителей	13,5	1-е место в Европе и Центральной Азии
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	69,83	Предпоследнее место в Европе (перед Украиной)
Число детей, оставшихся без попечительства родителей на 100000 жителей	61,88	4-е место в Восточной Европе и Центральной Азии после Эстонии и Латвии, Литвы и Молдовы
Количество разводов на 1000 жителей	4,7	1-е место в Европе и Центральной Азии
Число зарегистрированных преступлений, совершенных против детей и подростков на 100 000 жителей в возрасте 14–17 лет	241,1	7-е место в Восточной Европе и Центральной Азии
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,417	2-е место в Европе после Македонии
Индекс коррупции (от 0 до 100 баллов, чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	28	133 позиция в мире (наряду с Гондурасом, Гайаной, Ираном и Казахстаном) из 176 возможных

Источники: [15]; [16]; [17]

Важная характеристика псевдолибералов и их отличие от истинных либералов заключается в их *отношении к патриотизму*. Первые либо вообще очень агрессивно относятся к этому понятию (любимые ими выражения — «квасной патриотизм» и др.), либо трактуют его весьма странным образом, например, в том смысле, что все менять в нашей стране по западным образцам — это и есть патриотизм. И вполне закономерно, что в современной России патриоты рассматриваются как антипод либералов, сложилась дихотомия: «либерализм-патриотизм», а при общественном обсуждении любого острого социального вопроса, например, отношения к выходке «Пусси райот» или пропаганде гомосексуализма, противодействующие стороны поляризуются на эти две категории. Вместе с тем следует напомнить, что во времена закладывания оснований российского либерализма подобное противопоставление вообще не имело смысла, поскольку такие признанные россий-

ские либералы, как П. Милюков, Н. Бердяев, П. Струве, одновременно *были и горячими патриотами*, испытывали сакральное отношение к своей Родине, а, например, во время Первой мировой войны, были сторонниками ее ведения до победного конца [13].

Как отмечают зарубежные исследователи российского либерализма, такие как Д. Филд, все русские либералы были государственниками, твердо убежденными в том, что только государственная власть может служить оружием прогресса [18]. А антигосударственные установки нынешних российских псевдолибералов традиционному российскому либерализму глубоко чужды.

Таким образом, отсутствие патриотизма является не «родовым» признаком либералов, а лишь характеристикой их псевдолиберальной «мутации», которым свойственна и «пропаганда космополитизма, а также декларируемое как государственная цель стремление войти в «мировое сообщество» любой ценой и в качестве кого угодно» [2, с. 233]. Поэтому, скажем, А.С. Ципко характеризует современный российский псевдолиберализм как антинациональный и антирусский, рассматривающий традиционную российскую государственность, претензии на державность и русское национальное сознание как своих главных врагов [13]. Следует, правда, отметить то обстоятельство, что «После дефолта 1998 г., который не только гражданам России, но и всему миру продемонстрировал полное крушение российских «либеральных» реформ, наши либералы стали стремительно мимикрировать в «державников», «государственников», «националистов» и даже «империалистов». При этом они, вместо того, чтобы покаяться за совершенные ошибки и повалы, попытались бессовестно отмежеваться от либеральной (а на самом деле — псевдолиберальной) политики 1990-х годов, за которую они несли прямую ответственность перед страной и ее народом» [2, с. 240]. Подобная стратегическая «мимикрия» затрудняет идентификацию псевдолибералов в современной России, вынуждая осуществлять ее по комплексу критериев, а не, скажем, по их часто ложной самоидентификации.

Отношение псевдолибералов к патриотизму корреспондирует с их отношением к *нравственности*. Это слово тоже вызывает у многих из них идиосинразию, а призывы к ее восстановлению в нашей стране — очень агрессивную реакцию, которая вполне естественна на фоне их собственных нравственных качеств. Для них очень характерны утверждения о том, что нравственность «вредна» для экономики, что она препятствует свободному предпринимательству и развитию рыночных отношений, что «можно все, что не запрещено законом», а это, по существу, означает списывание морали в число

ненужных для общества предрассудков. Очевидное противоречие состоит здесь в том, что как убедительно показано в работах М. Вебера¹ [19] и его последователей, формирование капитализма в Западной Европе происходило под большим влиянием протестантской этики, а в деятельности современных корпораций нравственные принципы играют огромную роль. Показательно и то, что, заняв ключевые позиции в различных подструктурах нашего общества, они последовательно реализовывали там соответствующую установку. Например, в отечественную систему образования, на вершинах которой псевдолибералы закрепились в начале 1990-х гг., они внедрили представление о главной функции школы как об «оказании образовательных услуг» (фактически означая превращение учителя в некое подобие официанта), изъяв ее воспитательную функцию, в то время как со времен А.С. Макаренки единство обучения и воспитания считалось одним из краеугольных принципов этой системы. Закономерно и то, что любые попытки возрождения нравственных устоев встречают в современной России сопротивление на основе псевдолиберальной идеи о том, что «нравственность ущемляет свободу», несмотря на то, что истинная свобода, в том числе и в ее подлинно либеральном понимании, не только ни в коей мере не противоречит нравственности, но и предполагает ее, «свобода, не подкрепленная моральным законом (тем, который по И. Канту, находится внутри нас) обречена на деградацию, ибо превращается в произвол, моральный беспредел» [2, с. 196].

Вообще *основные идеологемы* (назовем их «либералогемами»), отстаиваемые современными российскими псевдолибералами и не без успеха внедряемые ими в наше массовое сознание, служат одним из главных признаков этой социальной группы. Среди них такие, как «запреты неэффективны», «любую проблему нельзя решать запретительными мерами», «ужесточение наказания не снижает количество преступлений» и т.п. Помимо всего прочего обращает на себя внимание абсурдный характер подобных утверждений, их противоречие как научным данным, так и всему опыту человечества. Так, например, не будет большим преувеличением сказать, что развитие цивилизации началось именно с запретов, половина из небезызвестных Десяти заповедей тоже представляют собой запреты, большинство законов выполняют в первую очередь запретительную функцию, и вообще в отсутствие запретительных мер жизнь человечества можно представить раз-

¹ С.В. Кортунов отмечает, что «важной составной частью классического либерализма в некоторых европейских странах первоначально была протестантская трудовая этика, описанная М. Вебером в его знаменитом труде «Протестантская этика и дух капитализма» [2, с. 203].

ве что как «войну всех против всех», образ которой вдохновил немало социально-философских и публицистических произведений. Показательно и то, что в результате ужесточения наказаний за нарушение правил дорожного движения количество погибших в ДТП (которых в России ежегодно гибло больше, чем составляют потери СССР за все годы Афганской войны) сократилось в нашей стране почти в полтора раза. Однако подобные факты псевдолибералы предпочитают не замечать — как и вообще противоречие своих «либералогем» реальности.

Подобное *отношение к реальности*, равно как и к тем базовым идеям и концепциям, которые они выносят на свои знамена, можно считать одним из главных атрибутов псевдолибералов. Их мышление разделяет все основные признаки советского идеологического мышления (вспомним, что многие из них рекрутировались из советских партийных и комсомольских руководителей, в одночасье сменивших свои идеологические «убеждения»), которое, будучи «неонтологическим», с реальностью обращалось весьма произвольно. В частности, для него было характерно очень произвольное, «творческое» обращение с заимствованными на Западе идеями и концепциями, а также с самим образом этого Запада. Не считаясь с тем, что т.н. «Запад» весьма многолик, представляет собой пестрый конгломерат различных народов, культур и социальных практик, отечественные псевдолибералы, провозглашая «западные образцы» как единственно правильный ориентир развития человечества, во-первых, создают искусственно унифицированный образ Запада, во-вторых, доносят до нашего массового сознания сильно искаженный образ того, что в действительности происходит в западных странах.

Скажем, такая мера противодействия коррупции, как конфискация имущества коррупционеров и их родственников, выдается ими за «нецивилизованную» и противоречащую западному опыту несмотря на то, что она применяется в большинстве западных стран, а международные антикоррупционные организации, в которые наша страна вступила, настойчиво рекомендует нам ее внедрение.

Другой пример — навязывание нашему научному сообществу органами управления отечественной науки, где псевдолибералы тоже занимают видные позиции, наукометрических критериев оценки научной продуктивности (цитат-индекса, импакт-фактора и индекса Хирша) на том основании, что они, якобы, повсеместно применяются в западных странах. В действительности это далеко не так [См. 20], и вообще для отечественных псевдолибералов очень характерно внедрение в нашей стране «от имени Запада»

социальных практик, которые сам Запад либо никогда не применял, либо некогда применял, но в настоящее время от них отказывается. В подобных случаях проявляется и их элементарная безграмотность, и очень смутные представления о мировой цивилизации, и довольно-таки мошеннический способ обращения с «западным опытом», за который ими часто выдается то, что к Западу никакого отношения не имеет, но зато соответствует их собственным личным и групповым интересам. Не имеют подобные стратегии отношения и к истинным либералам, которые видят на Западе только то, что там действительно есть.

Образ жизни псевдолибералов тоже можно отнести к их важным особенностям. Т. н. «компродорская элита», представители которой хранят свои сбережения в зарубежных банках, регистрируют свой бизнес в офшорах, посылают своих детей для обучения за рубеж и не очень хотят, чтобы те возвращались, соответственно «под прикрытием» либеральных идей оправдывают соответствующий образ жизни и всячески противятся принятию препятствующих ему законов, стали своего рода визитной карточкой наших псевдолибералов. И естественно, что негативное отношение к такому образу жизни основной части населения, идущего вразрез с интересами нашей страны и возможностями ее процветания, проецируется на те, якобы либеральные, идеи, от имени которых он получает оправдание. Вместе с тем, существует значительная часть наших сограждан, прежде всего интеллигенции, которая получает мизерные зарплаты, ведет совершенно иной образ жизни, но при этом придерживается вполне либеральных воззрений. И именно эта социальная группа образует основную социальную базу истинного либерализма в современной России. Существует немало представителей и других слоев нашего общества, которые считают либеральную идею свободы одной из главных ценностей современной цивилизации, но при этом понимают необходимость ее разумных ограничений и соблюдают их в своем поведении.

Наверное, хотя это может вызвать справедливые возражения, к числу специфических характеристик наших псевдолибералов стоит отнести и их *внешний вид*. И дело даже не в том, что скромно одетого, не носящего дорогих часов и т.п. псевдолиберала в современной России трудно себе представить, а в той *внушающей доверие* внешности, которая, как показывают исследования, является одним из главных качеств, например, успешных западных политиков (как показывают эти исследования, за политиков, не внушающих доверия, западный электорат не голосует [21]). Те люди, которых принято считать либералами в нынешней России,

как правило, не внушают доверие основной части населения, что находит выражение в электоральной непопулярности право-либеральных партий в последнее время. А один наш известный политик, сыгравший видную роль в развале всех псевдолиберальных организаций, которые он возглавлял, явно содействовал их непопулярности уже одним своим внешним видом.

Следует упомянуть и *недемократичность* наших псевдолибералов как их важную черту. Несмотря на то, что они активно использовали в своих личных и групповых интересах не только идеи либерализма, но и наиболее броские лозунги демократии, ее ключевые принципы находятся в очевидном противоречии с их собственным поведением и высказываниями. Например, А. Чубайс известен своими заявлениями о том, что, пока начала рыночной экономики не утвердились в России, основная часть ее населения, будучи не-рыночно настроенной, должна быть отчуждена от влияния на государственную политику. Основные реформы нашего общества в 1990-е гг. тоже осуществлялись далеко не демократическим путем, а их противоречие интересам подавляющего большинства населения мало заботило реформаторов, что привело к известным событиям 1993 г. Более поздние реформы тоже не были демократичными, а, скажем, «реформа» РАН носила характер «блицкрига» — дабы реформируемые не успели опомниться. Симптоматичны также запреты на проведение референдумов, которые являются одной из главных форм демократии.

Справедливости ради следует отметить, что либерализм и демократия, несмотря на их частое отождествление в нашем массовом сознании, всегда находились в непростых отношениях. Как писал М. Фридман, «Если понимать под демократией правление всего народа, выражающего свою суверенную волю голосованием, то либералы почти до середины XIX века не были демократами» [Цит. по: 1, с. 67]. А.В. Картунов отмечает, что «Либералы почти всегда были готовы пожертвовать требованием политической свободы ради сохранения свободы экономической» [2, с. 207]. Одному из основоположников экономического либерализма А. Тюрго приписывают такой лозунг: «Дайте мне пять лет деспотизма и Франция будет свободна» [1], изрядно напоминающий высказывания А. Чубайса.

Вместе с тем, как отмечалось выше, впоследствии либерализм эволюционировал в направлении демократии, и трудно представить себе современного либерала, отстаивающего «либерализм для избранных» и отрицающего базовые демократические ценности. Показательно и то, как английские либералы утверждали уже в XIX в., народное счастье важнее, чем народное богатство, если

последнее распределяется неравномерно (идея, очень созвучная современной позитивной психологии), лучше сто человек будет жить безбедно, чем один роскошно, высокая заработная плата гораздо важнее, чем прибыль и т.п. [1]. Те люди, которых в современной России можно отнести к истинным либералом, *одновременно придерживаются и демократических ценностей*, а «либерализм», от которого выигрывает лишь незначительная часть населения — та самая, которая хранит капиталы за рубежом и регистрирует свой бизнес в офшорах, считают недемократическим и вообще «антинародным».

Для истинных либералов характерно «предпочтение методов эволюционно-реформистских преобразований общественных структур методам радикальным, взрывным, революционным. Либерализм относится к революции как к акции, которая, разрушая элементы старого строя, не затрагивает при этом самой сущности любой государственной власти, т.е. силы в чистом виде» [22, с. 125].

Таким отношением либералов к революции и революционерам во многом объясняется отношение революционеров к либералам. В.И. Ленин считал их «злейшими врагами рабочего класса», «воинствующими врагами Советского государства», гневно писал о «банкротстве либерализма» его «буржуазном» характере и т.п., а И.В. Сталин с удовлетворением утверждал, что «Теперь от либерализма не осталось и следа» [23, с. 11]. Оба наших вождя выразили подобное отношение к либерализму не только словами, но и делами. Изрядно доставалось либерализму и в работах позднесоветских идеологов, а также в советских учебниках того времени.

Что же касается наших нынешних либерал-реформаторов, то им в гораздо большей степени свойственна *психология революционеров*, действия в соответствии с принципом: «разрушим до основания, а затем», о чем свидетельствуют реформы как начала 1990-х гг., так и более поздние, например, «реформирование» РАН посредством ее ликвидации. Для них характерна *реформомания*, которую есть основания считать одной из социальных болезней. Реформы для них — самоцель вне зависимости от своих результатов, постоянные реформы воспринимаются ими как нормальное состояние общества, а их отсутствие — как «застой» и отсутствие развития.

Таких либералов-реформаторов было бы точнее назвать «либералами-терминаторами», а их стиль реформаторской деятельности, камня на камне не оставляющей от реформируемых структур, предполагает соответствующее отношение к этим структурами и людям, которые в них работают, а в случае реформирования Рос-

сии — к ее гражданам в целом, отношение, лишенное не только какого-либо уважения, но и вообще естественных человеческих чувств — сострадания и т.п. И симптоматичны высказывания некоторых наших псевдолибералов о том, что рыночная экономика по-настоящему утвердится в России лишь тогда, когда вымрет старшее, «не-рычное» поколение.

Подобный стиль «реформаторства» имеет мало общего с истинным либерализмом, гораздо ближе к революционному стилю большевиков, и вполне закономерны характеристики современных российских либерал-реформаторов как небольшевиков — по своему менталитету, образу мышления и действий. Так, например, «Марксисты вывели своей учение о равенстве за рамки стыда, совести, греха. Нынешние либералы отделили понятие свободы от совести, стыда, личной вины и ответственности ... Тем самым они компрометируют либерализм и во всемирно-историческом плане, как «когда-то большевики скомпрометировали социализм, радикализируя его до абсурда» [2, с. 236–237].

В подобную аналогию органично вписывается и марксистский стиль мышления псевдолибералов, характерный для их мышления «экономический детерминизм», убежденность в том, что все происходящее в обществе всецело предопределено его экономикой, уничижительное отношение к т.н. «социалке» (показательно само звучание этого термина), производное от марксистского деления общества на экономический базис и в общем-то второстепенную социальную надстройку. «Здесь отечественный либерализм за основу взял другой известный марксистский принцип — экономический детерминизм, т.е. линейную каузальную связь экономических и политических изменений, что сделало экономику абсолютным приоритетом государственной деятельности», — пишет С. В. [2, с. 239]. Так, например, Е. Гайдар, формально отвергнувший марксизм, но сохранивший основные свойства марксистского мышления,¹ в своей книге объясняет распад СССР чисто экономической причиной — тем, что мировые цены на нефть упали, и бюджет страны сильно оскудел [24]. При этом вне сферы его внимания остаются как многочисленные социально-политические факторы распада страны, так и те очевидные обстоятельства, что она сохраняла свою целостность и в более голодные времена, а в позднесоветское время, в условиях падения мировых цен на нефть, никто из ее граждан не умер от голода. Впрочем, в подобных объяснениях проявляется не только свойственный мышлению наших либерал-

¹ В данной связи уместно характеризовать марксизм не только как «догму» или «руководство к действию», но и как стиль мышления, точнее, вид его патологии.

реформаторов «экономический детерминизм», но и «защитный» характер выдвигаемых ими идеологем, стремление оправдать совершенное ими, в том числе и разрушение страны, некими «объективными» обстоятельствами. Вспомним и то, что в пору нахождения псевдолибералов у власти ориентиры нашей государственной политики носили почти исключительно экономический характер — объем ВВП, курс рубля и т.п., а, скажем тот факт, что население нашей страны физически вымирало, их мало беспокоил.

С этим связано и еще одно кардинальное различие либералов и их псевдолиберальной «мутации», корнящееся в характерных для них системах ценностей. У истинных либералов в разделяемых ими ценностях воплощены *принципы*, у псевдолибералов — их личные и групповые *интересы*, чем во многом и объясняется как массовое обращение социальных слоев, порожденных нашей сильно криминализированной рыночной экономикой, к либеральным идеологиям, так и искажение этих идеологем в целях оправдания такой экономики. Достаточно очевидно то, что основные псевдолиберальные идеологемы «сработаны» под интересы нашей компрадорской элиты и соответствующего, описанного выше, образа жизни псевдолибералов. Очевиден и «оправдательный» характер псевдолиберальной идеологии в целом, формирование которой осуществлялось в соответствии с механизмом «вложенных интересов», хорошо известным в политической психологии [21].

Перспективы российского либерализма

Таким образом, наши нынешние псевдолибералы отличаются от истинных либералов большим количеством признаков, включающих социальные слои, из которых они вышли, понимание свободы, отношение к патриотизму и нравственности, основные идеологемы, стиль мышления и его отношение к реальности, образ жизни, демократичность, стиль реформаторской деятельности, соотношение принципов и интересов и даже внешний вид.

Из описанных различий либералов и псевдолибералов вытекают основные *задачи* в развитии российского либерализма и преодолении его отмеченного в начале статьи «невезения».

Во-первых, четкое различие истинного либерализма и его современной российской «мутации», внедрение этого различения в массовое сознание и, соответственно, формирование адекватного отношения к подлинному либерализму и истинным либералам.

Во-вторых, очищение либерализма от искажений, которые внесены в него современными российскими псевдолибералами.

В-третьих, формирование и социальное оформление либеральной альтернативы псевдолиберализму, которому в современной России противостоит не подлинный либерализм, а национализм в его различных видах, при этом псевдолиберализм неоправданно узурпирует ценностно-смысловое пространство либерализма и его исторические достижения.

В-четвертых, описанная выше «национализация» либерализма, придание ему патриотического характера, что, как и в начале прошлого столетия, сделало бы нелепым противопоставление либерализма и патриотизма.

В-пятых, идеологическое оформление, а также внедрение в нашу общественно-политическую жизнь оптимального для современной России соотношения свобод и их необходимых ограничений, «примирение» ценностей свободы и государственности.

В-шестых, внедрение в массовое сознание и закрепление в нем адекватного понимания свободы как неизбежно предполагающего его внутренние, интериоризованные личностью ограничения.

В-седьмых, внедрение в это сознание правильного понимание других либеральных идей, вытеснение ими псевдолиберальных идеологем.

Представляется, что на этом пути возможно возрождение в России истинного либерализма как идеологии и как массовой психологии, использование заложенных в нем позитивных импульсов на благо развития нашего общества, придания обретенной нами свободы подлинно цивилизованного характера. А радикальный псевдолиберализм, в силу его крайне разрушительного влияния на наше общество, возможно, следует приравнять, в том числе и на юридическом уровне, к одному из видов экстримизма.

Представляется также, что одной из главных арен идеологической борьбы в нашей стране в ближайшие годы станет противостояние истинного и псевдолиберализма, в которой должны принять активное участие не только профессиональные производители идеологем — идеологии, политики и т.п., но и представители конкретных наук, в том числе и психологи, стремящиеся к повышению «социальной релевантности» [25; 26] своей науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Либерализм в России. М.: ИФРАН, 1996.
2. Кортунов С.В. Национальная идентичность: постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009.

3. Богданов А.А. Либералы и социалисты. Женева: РСДРП, 1904.
4. БСЭ. Изд. 1. Т. 36. М.: «Сов. энциклопедия», 1938.
5. Fischer G. Russian liberalism. Cambridge: Harvard University Press, 1958.
6. Branciard M. Les liberalismes d'hier a aujourd'hui. Lyon: Chronique sociale,, 1987.
7. Freedon M. The new liberalism: An ideology of social reform. Oxford: Clarendon Press, 1978.
8. Чаликова В.А. Предисловие к изд. «Социально философские аспекты современного либерализма». М.: ИНИОН, 1986.
9. Burdeau G. Le liberalism. P. Editions du Seuil, 1979. 23. Kolm S.-Ch. Le liberalism modern. Analyse d'une raison economique. P. Presses universitaires de France, 1984.
10. Kolm S.-Ch. Le liberalism modern. Analyse d'une raison economique. P. Presses universitaires de France, 1984.
11. Нэмо Ф. Либерализм // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М. Прогресс — Пайо, 1989.
12. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. №5. С. 3–18.
13. Ципко А.С. Размышления и природе и причинах краха постсоветского либерализма // Вестник аналитиков. 2004. №3 (17). С. 4–24.
14. Кудрявцев И.А. Нравственная сфера сознания ограниченно вменяемых правонарушителей. Часть II // Психологический журнал. 2007. №3. С. 76–95.
15. Российский статистический ежегодник. 2012. — М.: Росстат, 2012.
16. TransMonEE 2012 Database 2012. UNICEF Regional Office for CEE/CIS, 2012. <http://www.transmonee.org/#>
17. Transparency International Corruption perceptions Index 2012. <http://www.transparency.org/cpi2012/results>
18. Field D. Kavelin and Russian liberalism // The Slavic review. 1973. Vol. 32. №1.
19. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 13. Чаликова В.А. Предисловие к изд. «Социально философские аспекты современного либерализма». М.: ИНИОН, 1986.
20. Юревич А.В., Цапенко И.П. Еще раз об оценке мирового вклада российской науки // Наука. Инновации. Образование. Вып. 13. М.: Языки славянской литературы. 2013. С. 60–83.
21. Political psychology. Hermann, M. (Ed.) San Francisco: Jossey-Bass, 1986.
22. Новикова Л., Сиземская И. Идейные истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. №3. С. 124–135.
23. Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии // Сталин И.В. Сочинения. Том 16. М.: Госполитиздат, 1952.
24. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 17. Юревич А.В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Психологический журнал. 2006. №4. С. 5–14.
25. Юревич А.В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Психологический журнал. 2006. №4. С. 5–14.
26. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть III. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. №6. С. 5–25.

МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Рубан Лариса Семеновна, д.соц.н., профессор, директор Центра «Диалоговое партнерство «Восток-Запад» Института энергетических исследований РАН

Аннотация: В статье речь идет о ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и месте Российской Федерации в системе региональной безопасности. Эмпирической базой анализа являются результаты международных экспертных опросов, проводимых в рамках международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции». В качестве экспертов выступают специалисты высшей квалификации и VIP-персоны (лица, принимающие решения) из 16-ти стран: России, Китая, США, Японии, Брунея, Вьетнама, Индии, Индонезии, Респ. Корея, Монголии, Малайзии, Мьянмы, Непала, Сингапура, Таиланда и Филиппин, которые дают комплексную характеристику ситуации в АТР, исходя из учета развития своих стран (их совокупного потенциала), определяют уровень безопасности в АТР, риски и угрозы, возможность военных конфликтов в регионе, а также указывают возможные направления для сотрудничества в регионе.

Annotation: In article we show the situation in Asia-Pacific region and place of the Russian Federation in system of the regional security. Empirical base include results of the international expert polling of the international project «Dialogue partnership as factor of stability and integration». Specialists of the high qualities from 16-ths States: Russia, USA, China, Japan, Brunei, India, Indonesia, Republic of Korea, India, Malaysia, Mongolia, Myanmar, Vietnam, Nepal, Thailand and Philippines participated in these interviews. Experts prepare of the complex (economic and security) characteristic of the situation in APR, his complex potential, risks, threats possibility of the military conflict in APR, optimal routes for export of the hydrocarbons etc.

Ключевые слова: региональная и глобальная безопасность, риски и угрозы, локальные конфликты, возможность военного конфликта, сотрудничество в энергетической сфере, экспорт углеводородов, международное сотрудничество

Key words: regional and global security, risks and threats, local conflicts, possibility of the military conflict, cooperation in energy sphere, export of the hydrocarbons, international cooperation.

После распада Советского Союза прекратила существование биполярная система, в которой Соединенным Штатам Америки противостоял СССР. Правопреемницей Советского Союза ста-

ла Российская Федерация, которой досталось очень сложное наследство, притом что влиянием и могуществом СССР она уже не обладала. России пришлось обустраивать границы на новых рубежах, во многом по-новому выстраивать отношения со своими соседями, умерить свои внешнеполитические амбиции и сконцентрироваться на решении внутренних проблем.

Когда Россия стала снова строить амбициозные внешнеполитические планы, то ситуация как в глобальном, так и в региональном масштабе очень сильно изменилась, мы во многом упустили благоприятные моменты для активизации своей внешнеполитической деятельности. России нужно было доказывать свое право на лидерство. Появились новые лидеры, которые кроме амбиций обладали еще реальным экономическим и военно-стратегическим потенциалом.

Мы рассмотрим восточное направление внешнеполитической деятельности России, тем более что интерес к восточному направлению обусловлен тем, что АТР — наиболее динамично развивающийся регион мира с постоянно растущим народонаселением, стремительным развитием экономики, внедрением новых технологий в систему производства и все сферы социальной жизни.

Для исследования Азиатско-Тихоокеанского региона мы в ходе международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции», на базе которого в Институте энергетических исследований Российской академии наук создан Центр «Диалоговое партнерство «Восток-Запад», проводим международные экспертные опросы. В качестве экспертов выступают специалисты высшей квалификации и VIP-персоны (лица, принимающие решения) из 16-ти стран: России, Китая, США, Японии, Брунея, Вьетнама, Индии, Индонезии, Респ. Корея, Монголии, Малайзии, Мьянмы, Непала, Сингапура, Таиланда и Филиппин, которые дают комплексную характеристику ситуации в АТР, исходя из учета развития своих стран (их совокупного потенциала), определяют уровень безопасности в АТР, риски и угрозы, возможность военных конфликтов в регионе.

Эксперты указывают на оптимальные сферы для сотрудничества и интеграции стран АТР, противоречия и противостояние, выделяют направления по которым идет наиболее жесткая конкуренция и выстраивают иерархию лидерства стран и организаций в регионе.

При оценке лидерства в АТР в 2012 г. эксперты поставили на 1 место — КНР, 2–3 — США и Японию, 4 — Россию и 5 — Южную Корею, 6 — Индию и 7 — Индонезию и Австралию. В приведенной

ниже таблице четко фиксируется изменение позиций ведущих государств по степени влияния в Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии за период с 2005 (с момента начала опросов) по 2012 гг.

Лидеры в АТР (в %)	2005 в СВА	2006 в СВА	2007 в СВА	2008 в СВА	2008 в ЮВА	2009 в СВА	2009 в ЮВА	2010 в СВА	2010 в ЮВА	2011 в СВА	2011 в ЮВА	2012 в СВА	2012 в ЮВА
США	1) 84	3) 56	3) 51	3) 47	2) 49	3) 37	3) 27	3) 34	2) 29	3) 47	2) 45	2-3) 40	2) 40
Китай	2) 72	1) 86	1) 87	1) 100	1) 78	1) 100	1) 60	1) 90	1) 60	1) 95	1) 95	1) 90	1) 90
Япония	3) 48	2) 61	2) 62	2) 51	3) 31	2) 41	2) 32	2) 37	2) 22	2) 54	3) 43	2-3) 40	2) 40
РФ	4) 32	4) 42	4) 43	4) 38	5) 7	4) 24	7) 6	4) 25	8) 3	4) 23	8) 3	4) 23	5) 7
Юж. Корея	5) 28	5) 24	5) 24	5) 18	10) 2	5) 15	10) 1	6) 12	7) 4	5) 19	5) 18	5) 22	3) 20
Индия		6) 16	6) 18	5) 18	4) 24	6) 4	4) 21	5) 5	4) 15	6) 16	4) 19	6) 9	4) 15

В 2005 г. экспертами отмечалось, что в регионе идет активная борьба за доминирование между США и КНР. Тогда, мнению экспертов, Китай стремительно догонял США по уровню развития, что ему успешно удалось, и стал лидером в Северо-Восточной Азии (ответы в **2006–2012 гг.**). За три с лишним десятилетия реформ Китай четырежды удвоил валовой внутренний продукт на каждого жителя, т.е. увеличил свой экономический потенциал в 16 раз. Китайскими экспертами прогнозируется, что к 2020 г. Китай будет иметь крупнейшую в мире экономику, обойдет к 2020 г. США по объему экономики, и его ВВП превысит ВВП США в 1.04–1.74 раза.

Активное развитие вывело **в 2006 г.** на второе место по лидерству в регионе Японию, передвинув США на третье место по значимости и влиянию в Северо-Восточной Азии. Несмотря на кризис **в 2008–2009 гг.** и катастрофу **в 2011 г.** Японии удалось сохранить эту позицию, а **в 2012 г.** разделить с США 2-ое — 3-е место.

Позиции **Россия** не изменились — она осталась на 4-ом месте, набрав 23%, как и в 2011 г., незначительно усилившись в ЮВА — 7% в 2012 г. (3% в 2011 г.).

Юж. Корея в 2012 г. осталась на 5-м месте, набрав по СВА — 22%, а по ЮВА — 3-е место — 20% в 2012 г. против 18% в 2011 г.

Индия в 2012 г. заняла по влиянию в ЮВА четвертое место, набрав 15%. На пятом месте в ЮВА, по мнению экспертов, в 2012 г. с 7% оказались Индонезия и Австралия.

Относительно роли России разброс мнений экспертов очень велик:

5% экспертов дали оценку нашей стране как великой державе с большим потенциалом: **«Россия — великая держава, это не балансер и не региональная держава** (в т.ч. Россия — тоже лидер, она обладает ядер. оружием и большими вооружен. силами, колоссальным ресурсным потенциалом, и, в 1-ю очередь — энергетическим. Конечно, у РФ есть экономические трудности, но экономический кризис у всех). Руководство страны стало больше внимания уделять восстановлению регионов, но там еще много проблем».

46% экспертов указали, что роль России в АТР очень мала, хотя она и обладает высоким технологическим потенциалом, специалистами и богатыми ресурсами, развитым ВПК и ядерным оружием. Россия утратила в регионе многие позиции, которые занимал СССР.

Российские эксперты также отмечали, что интерес у нас к АТР большой, мы хотим там быть и играть весомую роль, но сил мало. С АСЕАН наши давно ведут переговоры. Слов много, но результатов пока очень мало — 20%.

Иностранные эксперты также отмечали, что «есть компании как саммит АТЭС, потом — тишина, хоть налаживаются отношения с АСЕАН, ШОС, АТЭС, но влияние, которое имел СССР Россия утратила».

Индонезийские эксперты отмечали, что необходимо понимать и учитывать местные особенности, понимать азиатский способ развития институтов. Для стабильности и уверенности необходим межкультурный диалог участников процесса взаимодействия. Не нужно ждать, когда США включатся в эту работу, уже пять документов подписали Россия и АСЕАН, на 2011–2015 гг. разрабатывается совместный план. Направленность на сотрудничество, закрепленного в договорах, в Азии возросла в связи с огромной емкостью рынка и производства этого региона.

О том, что Россия может сыграть роль стабилизирующего фактора в области экономики, энергетики, безопасности (в поддержании мира, борьбе с международной преступностью и предотвращении военных конфликтов на ДВ и АТР) и балансера между США и КНР в 2012 г. отметили только 4%.

Один из вопросов, который был задан экспертам, касался оценки военно-стратегического потенциала России, насколько успешно он может обеспечить безопасность нашей страны. Мы дадим ответы экспертов в ретроспективе:

В 2007 г. ряд американских военных экспертов указал, что «Россия сейчас слабее, чем СССР, у России произошел спад военного потенциала притом, что происходит экономическое и военное усиление КНР, массированная китайская миграции. Это опасно для РФ. Российское государственное и военное руководство должно своевременно на это реагировать, модернизировать армию и флот, вооружение которых сильно устарело, формировать новые высокопрофессиональные кадры, иначе будут негативные необратимые последствия. Российское руководство должно объективно оценивать угрозу со стороны Китая, своевременно знакомиться с наработками аналитиков и реагировать на их информацию. Сможет ли российская оборона сдержать многомиллионную китайскую армию в случае возможного военного конфликта? Но это уже вопрос риторический».

По поводу российского военно-стратегического потенциала **российские военные эксперты в 2007 и 2008 гг.** высказали следующее мнение:

«У России сохраняется достаточный ракетно-ядерный потенциал стратегического сдерживания. По мере модернизации и принятия соответствующих мер для его поддержания (финансовое обеспечение, в частности), этот потенциал сдерживания будет сохраняться и совершенствоваться. Что же касается потенциала общих сил, то здесь положение плачевное. Требуется проведение, как реформы вооруженных сил, так и военной реформы в целом в масштабе государства (принимаемые меры в этом направлении меры недостаточны). Что это означает практически?»

2007–2012 гг. российские и американские военные эксперты указывали, что в случае крупномасштабного военного конфликта ВС России, **вряд ли, смогут адекватно отразить нападение** и разгромить своих потенциальных и гипотетических противников, **если ядерное оружие не будет применено.** Для Дальнего Востока это особенно актуально». «Все зависит от характера угроз. Для локального конфликта он достаточен, а в случае крупномасштабного — нет. Хотя наш ядерный потенциал сдерживает наших потенциальных противников». Эксперты подчеркивали, что **«ядерное оружие и его применение — это высшая степень эскалации конфликта**, однако оно сейчас играет роль сдерживающего фактора и надежного щита для России.

Итак, российские эксперты сделали следующий вывод о состоянии российского военно-стратегического потенциала: **«его нельзя сопоставлять с тем, что был при СССР (ни по флоту, ни по наземным ВС)».**

С другой стороны, эксперты задаются вопросом: «А нужен ли такой, как в СССР, военный потенциал сейчас в изменившихся современных условиях? Ведь задача заключается в обеспечении боеспособности ВС, была бы основа, на которой можно было бы при необходимости воссоздать боеспособность».

Клименко А. Ф., генерал-лейтенант запаса, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН считал в **2009 г.**, что «особо нам не стоит беспокоиться. Это в 1995 г. вопрос стоял остро. Нельзя жить как в осажденной крепости, а вокруг НАТО, США, Япония, КНР, тогда, возможно, нужно сразу гроб колотить».

Потенциал — это еще не все, есть политика, дипломатия. США не позволят КНР отхватить от нас территории. Расстановка сил меняется. РФ есть, где искать. Многовекторность политики обеспечивает безопасность. Однако **авторитета без силы не бывает**».

С ним согласны и другие российские эксперты: **«Великая держава должна иметь сильные вооруженные силы»**.

А вот мнение академика **А. Г. Арбатова (2011 г.)**: «Военный баланс действительно заметно меняется в ущерб России, однако парадокс состоит в том, что это происходит без форсированного наращивания военной мощи США и НАТО... Американские войска на континенте уменьшились втрое. Вряд ли, это было возможно, если бы НАТО готовило агрессию против РФ. Стратегические ядерные силы США за 20 лет также сократились примерно втрое, они практически не модернизировались и на 20–30% (в зависимости от методик засчета) отстают от потолков СНВ-I, а тактические ядерные средства были снижены в 6–7 раз. Их силы общего назначения не сокращаются, но переформируются и перевооружаются для ведения противопартизанских операций».

Объективно, в силу общего огромного экономического и военно-технического превосходства над Россией, США увеличивают свое опережение по новейшим системам высокоточного ядерного оружия, ПРО, управления и информационного обеспечения. Однако нет оснований обвинить их в форсированном наращивании военной мощи, и она все больше направлена на других вероятных противников, хотя в силу технической специфики нередко вызывает опасения и подозрения в Москве»¹.

Итак, эксперты отмечали, что Россия утратила военно-стратегическое могущество, которым обладал СССР, ее военно-стратегический потенциал сократился, но и изменилась внешнеполитическая ситуация. Нынешнюю ситуацию в АТР 59% экспертов

¹ Арбатов А. Г. Особый имперский путь России//20 лет без берлинской стены: прорыв к свободе. М., РОССПЭН, 2011. С.59–60.

Риски и угрозы в АТР (в %)	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
4. Природные катаклизмы (цунами, землетрясения, наводнения и др.)							26	12
5. Тайваньская проблема	30	40	54	18	17	10	18	8

В таблице четко зафиксированы две крупнейшие угрозы безопасности региона, обусловленные ужесточившейся конкуренцией за энергетические ресурсы (48% в 2012 г.) и непредсказуемостью режима Северной Кореи, обладающего ядерным оружием (40% в 2013 г.). Эксперты отмечали, что **корейская проблема** включает политические аспекты, ядерную составляющую, а также социально-экономические вопросы Корейского полуострова в целом. Сложность ситуации заключается в бесконтрольности и непредсказуемости режима Сев. Кореи, причем нестабильности и режима, и экономики КНДР.

В качестве одного из примеров обострения ситуации в связи усилением конкуренции за энергоресурсы и территории, ими обладающие, эксперты приводили пример обострения ситуации в Южно-Китайском море относительно принадлежности Парасельских островов и Спратли, где спор ведется между КНР, Вьетнамом, Малайзией, Филиппинами, Брунеем и Тайванем.

Борьба за энергоресурсы очень актуальны для КНР. Все эксперты отмечали, что **Китай** — крупнейший потребитель нефти, газа и энергии. Китай является вторым по величине импортером нефти после США и по использованию энергоресурсов. В июле 2011 г. Китай впервые в истории обогнал США по степени зависимости от внешних поставок нефти, что наряду с дестабилизацией ситуации в Северной Африке и на Ближнем Востоке актуализировало проблему диверсификации поставок нефти. Как заявил генеральный инспектор по финансам КННК Чжоу Чуньминь, «стратегический курс заключается в том, что нам необходимо, усиливая работу по разведке и добыче внутри страны, одновременно выделять новые каналы и организовывать новые переговоры о сотрудничестве, например, с Россией и другими экспортёрами нефти»¹.

В качестве **совокупного геополитического риска**, эксперты в 2009–2012 гг. называли риск, **связанный с Китаем**, включаю-

¹ РОСБАЛТ он-лайн, 2011. 4 апр.

щий конкуренцию (противоречия) между Соединенными Штатами Америки и КНР, несанкционированную миграцию («китайское население как стратегическое оружие»), милитаризацию Китая и возможный социально-экономический кризис в КНР, если замедлятся темпы ее развития.

Относительно Китая, и российские и зарубежные эксперты подчеркивают, что **очень многое на Китае замкнуто** (и экономика: темпы развития, ВВП, потребление энергоресурсов, и экология, и политика, и миграция), что не только достижения, но и риски сосредоточены вокруг Китая, его деятельности и экономической экспансии.

«Сейчас лидер Китай, но он же, — отмечало в 2011–2012 гг. **35% (32% в 2010 г.)** экспертов, **— и потенциальная угроза»,** все вращается вокруг Китая, и в случае коллапса — очень многое рухнет. Многие эксперты опасаются, что Россия станет сырьевым придатком Китая. Кроме того, по мнению ряда экспертов, бурная экономическая (промышленная) деятельность Китая без соблюдения должной технологической безопасности приводит к экологическим катастрофам и часто несет экологическую угрозу.

Все китайские эксперты говорили о тесном и плодотворном сотрудничестве с Россией, но отношения между нашими странами называли не союзническими, а партнерскими, обосновывая это тем, что биполярной системы больше нет, поэтому союзов против кого-то не нужно. С 2013 г. китайские эксперты указывали, что между нашими странами должно быть взаимовыгодное сотрудничество, причем подчеркивали, что в Северо-Восточной Азии энергетическое сотрудничество России должно быть в первую очередь с Китаем

Следует отметить, что на страны АТР приходится значительная доля мирового потребления энергоресурсов, основными потребителями которых являются США, Китай и Россия. За последние 5 лет в КНР энергопотребление выросло на 75%. Так как экономическое развитие стран АТР не стоит на месте, а бурно прогрессирует, возрастает потребность в энергетических ресурсах, притом что собственный ресурсный потенциал исчерпывается, и многие страны, которые до этого были энергетическими донорами, сами начинают импорт топлива и сырья для своей промышленности и социальной сферы. Прогнозируется, что в 2020 г. более 50% мирового ВВП будет производиться в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, а, следовательно, им потребуется еще больший энергетический потенциал.

Со своей стороны Российская Федерация имеет достаточный энергетический потенциал для экспорта и развитую систему транспортных коммуникаций. Все это делает возможным развитие энергетического сотрудничества и укрепление интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Нуньес Хоглис Хесус Мартинес

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И СТРАН КАРИБСКОГО БАССЕЙНА

Нуньес Хоглис Хесус Мартинес, министр-советник Посольства Боливарианской Республики Венесуэла в Российской Федерации. Венесуэла.

Аннотация: В статье речь идет о развитии совместной региональной энергетической интеграционной стратегии Латинской Америки и стран Карибского бассейна. Главная цель которой — укрепление легитимного права государств управлять огромными запасами природных энергетических ресурсов, которыми владеет регион, для повышения благосостояния нации. Государства Латинской Америки и Карибского бассейна разработали директивы и способы продвижения энергетической интеграции, с целью уменьшения асимметрий, осуществления гарантий безопасности снабжения и диверсификации региональной энергетической матрицы за счет имеющихся ресурсов в регионе, политического координирования, создания полюсов промышленного развития и крупных национальных энергетических предприятий и т.д.

Ключевые слова: Латинская Америка, региональная энергетическая интеграционная стратегия, сотрудничество в энергетической сфере, экспорт углеводородов, международное сотрудничество

Key words: Latin America, Caribbean basin, regional energy integration strategy, cooperation in energy sphere, export of the hydrocarbons, international cooperation.

Латинская Америка и страны Карибского бассейна в ускоренном темпе развивают совместную региональную энергетическую интеграционную стратегию, главной целью которой является: укрепление легитимного права государств управлять огромными запасами природных энергетических ресурсов, которыми владеет регион, для повышения благосостояния нации. В связи с этим различные субрегиональные интеграционные блоки, созданные за последние десятилетия, такие как МЕРКОСУР, АЛЬБА, ПЕТРОКАРИБЕ, УНАСУР, ЦАИС, разработали директивы и способы продвижения энергетической интеграции, с целью уменьшения асимметрий, осуществления гарантий безопасности снабжения и диверсификации региональной энергетической матрицы за счет имеющихся ресурсов в регионе, политического координирования,

создания полюсов промышленного развития и крупных национальных энергетических предприятий и т.д.

В мае 2011 г. была проведена первая Встреча Министров энергетики стран Латинской Америки и Карибского бассейна в Каракасе (CALC), в рамках предварительных переговоров по созданию Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC). Эта встреча продемонстрировала высокий уровень политической воли по координации совместных стратегий; была признана роль и влияние альтернативных схем сотрудничества и энергетической интеграции. Образование ПЕТРОКАРИБЕ (орган, в состав которого вошли 18 стран региона), а также успехи, достигнутые в рамках Союза Южноамериканских Наций (UNASUR), где 12 стран одобрили энергетическую стратегию региона и ведется работа над созданием Южноамериканского Энергетического Соглашения и предложений, которые будут учтены для развития региональной интеграции в CELAC, наглядно продемонстрировали высокий уровень политической воли по координации совместных стратегий и признанию роли и влияния альтернативных схем сотрудничества и энергетической интеграции.

Не случайно сегодня такие страны как Аргентина и Боливия восстанавливают свой контроль над топливно-энергетической промышленностью при помощи национализации предприятий, в соответствии с законодательством и при поддержке народа. В Боливарианской Республике Венесуэла данный процесс начал развиваться с начала 1999 г. под руководством Президента Уго Чавеса в соответствии с политикой «полной национализации нефтяной отрасли». Благодаря этим мерам был восстановлен контроль над топливно-энергетической промышленностью, подтверждено легитимное право на управление природными ресурсами, а государственное предприятие ПДВСА стало представлять интересы населения. Кроме того, в Венесуэле был скорректирован налоговый режим, что позволило за последние 12 лет сделать крупные инвестиции в социальную сферу с целью снижения бедности и генерации развития.

В связи с этим возникают некоторые вопросы: **«Почему в настоящий момент регион может развиваться по пути энергетической интеграции? Какие существуют на это причины?»**

Во-первых, если обратиться к истории вопроса, то следует отметить, что Латинская Америка и страны Карибского бассейна в результате испанской и португальской колонизации получили второстепенную роль в международной торговле, характеризующую добычей вышеупомянутыми империями природных ресурсов и

богатств в зонах своего влияния и установлением зависимости с центрами гегемонии. Детальный анализ данной ситуации был сделан выдающимся академиком Самуэлем Пинеиро Гимараесом в книге «500 лет периферии».

Во-вторых, с началом добычи нефти в середине XIX века (1859 г.) и дальнейшим ростом спроса на нее на мировом рынке для удовлетворения потребности в освещении (керосин) и затем в обеспечении топливом транспорта (бензин), мировые державы контролировали запасы нефти Венесуэлы, Мексики и других латиноамериканских стран, устанавливая в них правительства и вводя железную диктатуру, которая позволяла им развивать деятельность своих транснациональных компаний без политических рисков. Нефтяная забастовка в Венесуэле в 1936 г. и национализация нефтяной отрасли в Мексике стали поворотными моментами, которые показали миру, что регион намерен вернуть себе полную независимость и власть над своими ресурсами. Однако перераспределение сил в международной системе, произошедшее после второй мировой войны, приостановило на несколько лет борьбу против мощных транснациональных нефтяных компаний, известных в свое время как 7 сестер, за возвращение права на природные ресурсы.

Следует отметить, что создание Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) в 1960 г. при значительном участии Венесуэлы и последующая национализация венесуэльской нефтяной промышленности в 1975 г. явились событиями, которые оказали влияние на всю структуру мировой нефтяной промышленности. Впервые страны-производители совместно стали защищать свои интересы и отстаивать права своих государств, выступая против транснациональной власти. Поэтому в данный исторический момент приоритетом явилось возвращение эффективного суверенитета над природными ресурсами, так как не было никаких внутренних и внешних условий, способствующих какому-либо интеграционному политическому проекту тем более в энергетической отрасли.

В 80–90-е годы XX века США сформировали модели и стратегии, при помощи которых не только захватили и стали контролировать запасы, производство и продажу природных ресурсов региона, главным образом нефти, но также оказывали прямое влияние на энергетическую политику региона, что привело к тому, что в тот период Латинская Америка и страны Карибского бассейна стали энергетическим придатком США.

Итак, в 80-е годы регион политически и экономически был подчинен США посредством доктрины Рейгана, в основе которой ле-

жал неолиберализм (в частности, дерегулирование финансовых рынков) и антикоммунистическая политика, препятствовавшая и тормозящая прогрессивное развитие, которое наблюдалось в Латинской Америке и странах Карибского бассейна. При этих обстоятельствах в 1983 г. была сформирована Контадорская группа, ставшая предшественницей «Группы Рио». В Контадорскую группу вошли Колумбия, Мексика, Венесуэла и Панама. В данном контексте энергетическое сотрудничество между странами региона было минимальным, следуя программе энергетического сотрудничества для стран Центральной Америки и Карибского бассейна (названной Соглашением Сан-Хосе, подписанным в 1980 г. и являющимся одним из немногих существующих механизмов, целью которого было удовлетворение нефтяной потребности стран данного субрегиона, в случае конфликта).

Характерными особенностями энергетической геополитики региона в 90-е годы XX века являлись раздробленность, приватизация и империалистический контроль над региональным энергетическим сектором. В этот период наблюдался глубокий экономический и политический кризис, спровоцированный огромным внешним долгом стран региона, необузданной инфляцией и огромной социальной напряженностью. Данная ситуация явилась результатом применения политики структурной перестройки, рекомендованной Консенсусом Вашингтона, а именно: применении программы привлечения транснационального частного капитала, идеи приватизации государственной нефтяной промышленности, дестабилизации и либерализации энергетического сектора региона и т.д. Все это отразилось на энергетическом секторе.

Примером реализации данного проекта на практике может служить так называемый доступ к нефтяной промышленности в Венесуэле, реализуемый в противовес суверенитету и национальным интересам страны. При развитии данного сценария нефтедобывающие страны региона, такие как Венесуэла и Мексика, конкурировали между собой в поставках больших объемов нефти в США, и в случае, если какая-либо из них снижала производительность, политическая элита данной страны обвиняла ее в неэффективности и создании угрозы нефтяному рынку страны «премиум класса». Кроме того, данная политика спровоцировала резкое падение цен на нефть.

В русле этого сценария потенциал для сотрудничества или региональной энергетической интеграции был очень мал. США в 1994 г. в ходе I-го Саммита Америк в рамках Организации американских государств (ОАГ) было сделано единственное конкрет-

ное предложение по созданию зоны свободной торговли Америк (АЛКА) для уничтожения торговых барьеров между всеми странами региона. В рамках АЛКА также рассматривался вопрос по так называемой энергетической инициативе полушария.

Посредством данной инициативы США стремились воспользоваться политической и экономической слабостью стран региона, чтобы реализовать стратегию, которая позволила бы им получить неограниченный доступ к природным ресурсам Латинской Америки и стран Карибского бассейна, тем самым стимулируя реформирование регулирующих систем и создавая благоприятные условия для инвестирования частного сектора. В то же время эта стратегия была направлена на сокращение или уничтожение барьеров по всей цепочке создания стоимости энергии, содействуя развитию регионального и зарубежного сотрудничества, способствуя развитию инфраструктуры с целью интеграции энергетических рынков и продвижения возобновляемых источников энергии и энергоэффективности.

За период с 2000 по 2012 гг. с приходом к власти Боливарианского правительства в Венесуэле в 1998 г. и правительств с аналогичными взглядами в Бразилии, Боливии, Аргентине, Уругвае, Эквадоре и в других странах усилилось сопротивление социальных движений. В это время замедлилось развитие процессов приватизации в энергетической отрасли региона, которое поддерживалось и продвигалось согласно Энергетической Инициативе Полушария, о которой даже не упомянули на IV-м Саммите Америк, проходившем в Мар-дель-Плата в 2005 г. В течение последних десяти лет некоторые механизмы и схемы энергетической интеграции в регионе были сформированы и изменены, их отличительная особенность — это то, что во многих случаях они взаимодополняющими.

Энрико Матеи — создатель современной итальянской промышленности и президент итальянской государственной нефтяной компании ENI (ЭНИ), ввел в оборот термин «7 сестер», чтобы описать семь нефтяных компаний: Standard Oil of New Jersey (ESSO), Royal Dutch Shell, British Petroleum (BP), Standard Oil of New York (в дальнейшем известная как Mobil), Standard Oil of California (сейчас известная как Chevron), которые преобладали в нефтяном бизнесе с 1928 г. до конца 60-х годов XX в. согласно неформальному соглашению в г. Ахнакарри

Если мы рассмотрим соглашение в Сан-Хосе, то следует отметить, что оно предусматривало поставку Венесуэлой и Мексикой до 160.000 баррелей сырой нефти и нефтепродуктов в день (80.000.000 баррелей нефти в день каждой страной) в Централь-

ную Америку и страны Карибского бассейна (Барбадос, Белиз, Коста Рика, Эль Сальвадор, Гватемалу, Гаити, Гондурас, Ямайку, Никарагуа, Панаму и Доминиканскую Республику). Данный механизм предусматривает краткосрочное и долгосрочное финансирование инфраструктурных проектов, охватывающих товары и услуги, поставляемые венесуэльскими и мексиканскими компаниями посредством кредитов, полученных от нефтяных доходов.

И здесь следует остановиться на характеристике фискальной дисциплины — что включает изменение приоритетов государственных расходов, налоговую реформа, либерализацию процентных ставок, развитие конкурентоспособного валютного курса, либерализацию международной торговли, либерализацию поступления прямых иностранных инвестиций, приватизацию, дерегулирование и имущественные права. На сегодняшний день существуют две модели или стратегии по сотрудничеству и энергетической интеграции:

— **первая**, продвигаемая Союзом Южноамериканских Наций (UNASUR), ПЕТРОКАРИБЕ, АЛБА, МЕРКОСУР и другими субрегиональными блоками, основана на ведущей роли государства в независимом управлении природными ресурсами и национальным энергетическим сектором, а также принципе, взаимодополняемости, солидарности, взаимности, праве народа на пользование и управление своими ресурсами, создание схем совместного участия национальных энергетических компаний, а также создание новейших механизмов по финансированию государств.

— **Вторая модель**, продвигаемая Соединенными Штатами Америки, путем использования своей Энергетической Инициативы Полушария в рамках ОАГ, недавно названной Союзом Америк по Энергетическим Вопросам и Климату, выступает в поддержку рынка, конкуренции, приватизации, дерегулирования, либерализации, многостороннего финансирования (МВФ-МБ-МБРР), глобализации и коммерциализации природных ресурсов как любого товара или «товаров первой необходимости».

Вышесказанное показывает, что Латинская Америка и страны Карибского бассейна уверенно идут к укреплению энергетической интеграции, на основе политики, учитывающей свои интересы и нужды, потенциала и народного самосознания. Но существуют и другие причины или факторы, которые в настоящий момент выступают за региональную энергетическую интеграцию, среди которых: тяжелый современный кризис мировой капиталистической системы, которая выступает в качестве объединяющего, а не разъединяющего элемента, так как региону необходимо действо-

вать сообщая для того, чтобы уменьшить воздействие кризиса на экономики стран. Согласно Докладу ЭКЛАК на 2012 год, «регион продемонстрировал стабильный рост с 2003 года, что позволило странам смягчить риски и воспользоваться нынешними возможностями для развития... *в период 2003–2008 гг. был, показан ежегодный рост около 5%*».

В регионе более 335 млрд баррелей запасов нефти и более 301 млрд кубических футов газа, что дает преимущества поставщикам углеводородов в долгосрочной перспективе, по сравнению с регионами испытывающими дефицит. В дополнение к этому, необходимо учитывать огромный потенциал существующих ГЭС в регионе (гидроэлектростанции Итаипу в Куэнка де ла Плата и Гури в Куэнка дель Карони).

Большинство стран Латинской Америки и Карибского бассейна, которые поддерживают национальную энергетическую политику, реализуют доктрину, которая утверждает легитимное право государств на управление своими природными и энергетическими ресурсами, что позволит создать дополнительную и сбалансированную региональную энергетическую систему для удовлетворения энергетической потребности на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды; и самое главное, гарантировать доступ к электроэнергии 35 миллионам человек, которые в настоящее время этого доступа не имеют. (Справочно, согласно данным Международного Энергетического Агентства (МЭА), во всем мире этот показатель составляет 1 млрд человек).

Регион демонстрирует устойчивую политическую стабильность, прочность демократических систем и интеграции блоков, а также отсутствие войн между нашими странами. Другими словами, Латинская Америка и страны Карибского бассейна являются «территорией мира». В этой связи, стоит отметить, что энергетическая интеграция является стратегической задачей для стран-членов Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), так как через этот механизм интеграции будет происходить материальное обеспечение развития экономической структуры наших стран. Это позволит развивать и укреплять энергетическую безопасность, необходимую для промышленного развития региона, и заложить основу, благодаря которой регион с каждым днем становился бы все более независимым и значимым в международной системе.

Большаков В.И.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭЛИТА ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ И ВЛАСТЬ: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор,
проректор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи
Глазунова

Начало Академии художеств

Если окинуть мысленным взором путь, пройденный исторической живописью до революционных бурь 1917 года, поражает изменение художественного языка, различие в понимании композиции, рисунка, колорита, света, тени и т.п. Необыкновенно разнообразен этот путь и, если в начале XVIII столетия, когда в России только еще начинало складываться жанровое многообразие, историческим называли некий почти универсальный жанр, включавший в себя батальные, религиозные, мифологические и аллегорические композиции, и очень редко — собственно исторические, то дальнейшее размежевание внутри исторической живописи приводит к тому, что во второй половине века возникают как самостоятельные ветви историко-бытовая картина, исторический пейзаж и исторический портрет. Абсолютно четкого разграничения здесь, естественно, не могло быть. Взаимовлияние и взаимопроникновение было столь велико, что порою, особенно в конце века, бывает трудно отнести картину к точно обозначенной разновидности исторической живописи, но в целом именно эти направления определяли гражданскую позицию живописцев того времени.

Характерная особенность русской школы живописи — ее западная прививка на русский культурный корень. Светская живопись в России не появилась сама собой в ответ на запросы общества, а была привнесена волей власти, с благоговением и придыханием смотрящих на запад и стремящихся бездумно копировать эту жизнь. Вот почему было бы мало плодотворной задачей искать народной самобытности даже в лучших представителях русской школы XVIII века, слишком заметно было влияние приглашенных мастеров, и только при Елизавете Петровне стараниями графа И.И. Шувалова учреждается при Московском университете Ака-

демия художеств, местом нахождения которой назначен, однако, Петербург, как центр дворцовой и аристократической жизни.

Известно, что середина XVIII века — время укрепления национального государства, время, когда вопрос о судьбах русской нации, размышление о ее прошлом и естественное сопоставление с настоящим волновали тех, кто имел сердце, чтобы тревожиться, и ум, чтобы мыслить. Для русских людей, в памяти которых еще живы были мрачные дни «бироновщины», такие вопросы приобретали особую притягательную силу. Тогда же происходит становление исторической науки как таковой. В свет выходят первые труды, созданные русскими учеными: «Древняя российская история» М.В. Ломоносова (1766), первая часть первой книги «Истории Российской» В.Н. Татищева (1768), первый том «Истории Российской с древнейших времен» М.М. Щербатова (1770).

В начале XIX века понятие исторической живописи подверглось дальнейшему переосмыслению. Батальная живопись становится настолько специфической, что отделяется от своей «матери и сестры» — живописи собственно исторической. Обособливается и религиозная живопись.

Интерес русского общества к своему славному прошлому особенно проявился в результате создания Общества истории и древностей российских при Московском университете и в издании специальных трудов, но, может быть, более всего в том, что в литературных журналах, адресовавшихся к самым широким кругам, стали печататься специальные исторические исследования. История становится общеинтересной, а вместе с нею в начале XIX века историческая живопись приобретает невиданный прежде общественный резонанс.

Военный смерч, пронесшийся над Европой на рубеже XVIII и XIX веков, разрушал все: государства и семьи, идеи и иллюзии. Сентиментальных героев классицизма вытесняют другие. Настало время не сострадания, но действия, пришло время «героического классицизма». Его герои решительны, активны, изображены в кульминационный момент своей жизни — в час подвига: «Дмитрий Донской на Куликовом поле» О.А. Кипренского (1805), «Марфа Посадница» Д.И. Иванова (1808), «Подвиг молодого киевлянина» (около 1810 года) и «Единоборство Мстислава Удалого с Редедей» (1812) А.И. Иванова и др.

Отечественная война — рубикон, через который перешла и нация, и каждый человек в отдельности, чтобы проснуться от векового зла ненавистных народу реформ и бабьего царства. Отныне все пошло в стремительном, все убабляющемся темпе. В после-

военные годы еще более усилился общественный интерес к исторической науке. В 1818 году увидели свет первые восемь томов, а затем и еще три тома «Истории государства Российского» Карамзина. Всех заволновали вопросы общественного переустройства родины. На смену материалистической философии XVIII века эпохи просвещения пришли самые разнохарактерные увлечения мистикой, поэзией и религиозной философией; на смену чопорным идеалам неоклассического искусства явилась жажда к бесформенной искренности, к «прекрасному уродству», на смену культа линий — необузданное поклонение краске.

Русское же искусство, в силу большей инертности своего созревания, не могло дать художников, которые сразу стали бы на один уровень с величайшими мастерами и тончайшими выразителями русской литературы — с Пушкиным, Гоголем, Жуковским, Лермонтовым, и всей плеядой поэтов «пушкинской семьи». Академическая система воспитания и художественного образования оказалась слишком консервативна и трудно восприимчива к новым веяниям жизни, и в то же время отчаянный порыв к душевному возрождению, охвативший болеющее человечество синдромом духовного похмелья после пьянящего дурмана французской революции возбуждал подлинно национальное возрождение.

Блистательную плеяду наших художников — романтиков начинает Кипренский — сын крепостного и, несмотря на это, по художественной своей натуре один из самых удивительных аристократов русского искусства.

К. Брюллов, окрыленный успехом «Помпеи», чувствуя в себе силы мечтал о большой исторической картине, но перенеся мерку «идеальности» и «совершенства», с которой он подошел к героям «Помпеи», на русских мужиков и баб в «Осаде Пскова», пришел к чисто внешней, а потому и неубедительной идеализации, к условной героичности и вычурной красивости. Неудача с «Осадой Пскова» означала, что историческая живопись Брюллова зашла в тупик найти выход из которого художник уже не смог. Семь лет спустя после создания «Помпеи» появляется «Медный змий» Бруни, не имеющий, правда, того же успеха, как произведение его товарища, но все же заслуживающий всеобщий, несколько сдержанный восторг. С той поры имена Брюллова и Бруни в их странной аллитерации становятся нераздельными. Два колосса русской живописи хоть и отличаются по темпераменту и изобразительному языку, но оба пали жертвой безудержного романтизма. Их взгляд был поверхностным, подражательным и не мог открыть сакральный смысл русской народной жизни.

Александр Иванов в известном смысле также принадлежит к романтизму. Как и все думающие русские люди, он был охвачен страстной тоской по справедливости, по тому гуманному началу в жизни, которое должно было восторжествовать. И здесь, по мысли Иванова, роль искусств и роль художника очень велика, потому что искусство несло людям те гуманистические идеи, в которых они так нуждались. Однако неожиданная смерть Александра Иванова похитила у нас Великого мастера, избавив этого мученика от новых испытаний, которые его несомненно ждали в России.

Ближайшим преемником и последователем Иванова в русской религиозной живописи мог бы считаться, по чисто формальным задачам, Н.Н. Ге. Однако, несмотря на то, что сам Ге указывал на свою зависимость от Иванова — он во всей своей личностью явился прямой ему противоположностью.

Николай Николаевич Ге этот философ-художник в своем творческом саморазвитии соприкоснулся с двумя гениями предыдущей эпохи. Он учился в 1850-е годы в Императорской Академии художеств, где еще живы были традиции Карла Брюллова, перед которым Ге преклонялся и которому подражал в своих ученических работах и первых самостоятельных замыслах, пока не попал в Италию. Когда в Риме он увидел картину А.А. Иванова «Явление Мессии», стал осознавать, что у современного искусства могут быть иные задачи и более серьезные проблемы, чем эффектная компоновка, красивый колорит и эмоциональная сила выражения человеческих страстей в тех или иных вариациях на мифологические, религиозные или исторические сюжеты.

Действительно, в шестидесятые годы в связи с появлением картины Ге «Тайная вечеря» (1863, ГРМ; авторское повторение — 1865, ГТГ) наметилась новая линия развития исторической живописи. Трактовка художником евангельского события в картине «Тайная вечеря» резко обозначила водораздел между старым, традиционным академическим религиозным жанром, живущим по определенным законам формопостроения, и новым, базирующимся, условно говоря, на авторском волюнтаризме.

Ге был всегда увлечен какой-нибудь новой идеей и говорил о ней, — как вспоминал Репин, — от души, восторженно, красиво и увлекательно, как могут говорить только миссионеры и проповедники. И все же, несмотря на светлый образ необыкновенного человека, художника несомненного таланта и яркого темперамента, невольно приходится признать, что на всем его творчестве лежит какая-то странная тень неудачника.

Московская школа живописи

Начало становления Московской художественной школы обычно связывается с именем Тропинина. Действительно для русского сознания XIX века Москва была не просто географическим или историко-культурным объектом. Возрастание ее роли как художественного центра порождало большие общественные ожидания. Народный характер бытового уклада города, его многочисленные исторические и христианские святыни, красота и колоритность архитектурно-природной среды создали особую культурную атмосферу. И потому Москва, с ее запасом духовных творческих сил, питаемых корнями народной жизни, виделась благодатной почвой для развития самобытной русской культуры. Поэтому именно с Москвой связывались в XIX веке надежды на расцвет русской художественной школы, с ярко выраженным национальным характером искусства, основанного на развитии реалистических традиций, противостоящих столичному академизму.

Тропинина обыкновенно называют рядом с Кипренским — действительно лучшего после Кипренского портретиста начала XIX века; крепостной графа Моркова, был освобожден лишь в зрелых годах, за границей он не был, всю жизнь провел в нужде, почти в уединении, чуждаясь своей малокультурной среды и не принятый в высшем обществе. Ученик Щукина, он заимствовал у него «приятность» колорита и мягкость письма, заставляющие в Тропинине видеть наследника школы XVIII века. У Тропинина сочная, спокойная гамма красок. В своих портретах жанрового характера Тропинин имеет нечто общее с Венециановым. Эти «цветочницы», «кружевницы» полны наивности, но и не лишены очаровывающей характерности и трогательности.

После Тропинина Федотов оказался вторым крупным мастером, чье художественное мировосприятие и творческая индивидуальность во многом определились атмосферой московской жизни, но Федотова оторвал от искусства, еще сравнительно в молодых годах, тяжелый душевный недуг, за которым вскоре последовала смерть. Поэтому лучшее, что мог бы дать в итоге чуткий художник, необычайно быстро развившийся из самоучки в тонкого живописца, он унес в могилу.

Его прямым наследником мог стать другой москвич, согласно изменившемуся духу времени гораздо более дерзкий, но не столь утонченный — Перов. Но к сожалению, не для одного нашего искусства, но для всей нашей культуры лихорадочный подъем общественной жизни, последовавший после Крымской кампании и всту-

пления на престол Александра II, слишком скоро утонул в обличительстве. Те скромные ростки какого-то своеобразного понимания задач искусства, которые показались в произведениях Федотова, замерзли и завяли. Вследствие этого его искусство, а за ним и искусство массы других художников, осталось каким-то недоговоренным словом. Несмотря на все свои недостатки, Перов весьма заметная фигура из числа художников времени Александра II.

В то время среди академической молодежи центральной фигурой был бодрый и несравненно более зрелый, нежели нее его товарищи, И. Крамской. Он сумел сгруппировать вокруг себя плеяду наиболее бойких юношей, и мало-помалу увлечение, этой группы новыми идеями (увлечение, нашедшее себе вначале некоторое поощрение со стороны академического начальства) приняло более сознательный, более решительный характер. Сам факт отторжения от Академии группы смелых и юных дарований имел свои далеко идущие последствия. Зерно протеста против навязанной школьной формулы было посеяно; все, что было свежего и самостоятельного в русской художественной школе, тянулось теперь к Артели, и если не входило в состав ее, то, во всяком случае, питалось теми теориями, а главное, той стойкостью духа, которая поддерживалась первой частной художественной общиной в России. Позже в среде художников родилась мысль — перевозить картины по разным городам. Так, в 1870 году возникло Товарищество передвижных художественных выставок. С основанием Товарищества роль такого «главного штаба» передового русского искусства перешла к Передвижникам, за которыми она и осталась в продолжение более чем 20 лет, вплоть до возникновения выставок «Мира искусства» и создания объединения «Союза русских художников».

Одна из явных жертв Крамского — И.Е. Репин, бесспорно яркий талант, самобытный, но всю свою жизнь проведший и каких-то блужданиях и сферах, имеющих мало общего с истинными задачами искусства, хотя непрестанно о нем думавший и образно излагавший свои мысли.

Репин сумел создать своеобразную и характерную манеру живописи и разработать очень по тому времени свежую и привлекательную палитру. В Риме, куда он был послан Академией уже по созданию им удачно скомпонованных «Бурлаков на Волге» [ГРМ], он не нашел себя и, по возвращении на родину, переписал всех выдающихся людей своего времени, создал целый ряд обличительных картин с сюжетами из «нигилистского» направления и постепенно угас, хотя прожил очень долгую жизнь. К 1879 году была написана картина «Царевна Софья Алексеевна...». Репин пока-

зал работу на IX передвижной выставке. Некрасивая, немолодая, одержимая яростью женщина казалась некоторым современникам Репина то слишком вульгарной, то по-женски мало привлекательной.

Многие видели в легкости, с которой Репин переходил от нигилистов и мужиков к парчовым облачениям, к подводным царствам, к изображению святого Николая или «Третьего искушения», особенно живой темперамент его, впечатлительность и способность увлекаться, но более правдоподобно эти скачки объясняются известной мировоззренческой «растерянностью» художника, что особенно проявилось в картине Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Впрочем, эта картина едва ли может быть рассматриваема как «историческая». В ней история играет минимальную роль. Но и не «общечеловеческий интерес» картины — главное содержание этого произведения. Положим, Репину на этот раз удалось довести патетическую «гримасу» до выражения подлинного ужаса, однако, все же, главное здесь краски и живопись. Увлеченный своей задачей, Репин выполнил ее с таким дьявольским блеском, с таким мастерским владением кистью и красками, каких не встретили в других его произведениях.

Получается, что исторические картины Репина были непосредственными отступлениями в его творчестве. Разумеется, Репин большой художник. Репину удавалось подстраивать свои картины с большим эффектом, с режущей глаз яркостью («Крестный ход в Курской губернии»), иногда с нотой трагизма («Иван Грозный и сын его Иван») [обе — ГТГ], но все они не несли исторической правды и, в своем обличительстве, опускались до недопустимой, для живописца такого уровня, клеветы. Быть может поэтому у Репина в итоге отсохла правая рука.

Только в («Запорожцах») [ГРМ], в силу отсутствия глубины содержания, где сюжет, рассказывающий о том, как казаки написали в ответ султану дерзкое письмо, имеет для нас интерес лишь потому, что он натолкнул Репина на создание этой картины. В самом же исполнении сюжет исчез за живописной задачей. На «Запорожцев» Репина можно смотреть без всякой справки в каталоге. Вовсе не важно, чему здесь радуются казаки. Репин и не изображал на сей раз *прошлого*. Репин — сам казак и подобные картины мог видеть с детства. Ему оставалось лишь собрать впечатления в одно целое и сделать этюды с живой природы. В «Запорожцах» все было подсказано действительностью. Кое-какими историческими деталями он воспользовался лишь для большей яркости красочного эффекта. А так нигде в его картинах не найти ни исторической

правды, ни подлинного настроения, ни живого откровения, — того, что было в Иванове и будет в Сурикове.

Принято считать, что родоначальником национально-русской исторической живописи был В. Шварц и, действительно, он первый отошел от традиции «Осады Пскова» и пожелал приподнять завесу, отделявшую нас от допетровской Руси. В этом его большая заслуга. Но, по мнению А. Бенуа, Шварц не был крупным художником. Ему принадлежит честь многих открытий в области костюма, обстановки, нравов, всего внешнего вида нашей старины, но Шварцу не хватало сил это оживить, дать убедительные и живые картины прошлого. Шварц был очень добросовестным, внимательным, влюбленным в свое дело дилетантом. Но у него не было ни настоящего живописного дара, ни яркого художественного темперамента, ни основательных школьных знаний. Разумеется это уже не Лосенко, с его бесцеремонным обращением к национальному своеобразию, но изучение им русской старины было весьма своеобразным. Шварц почти не интересовался XVIII веком. Допетровская Русь, точнее Русь XVII века, — вот время, в которое вжился художник. Здесь он чувствовал себя свободно, легко, отменно зная весь уклад жизни, обычаи, утварь и костюмы людей. Все это носило ярко выраженный национальный характер, в такой его первозданной цельности. В колорите прошлого сумел Шварц разглядеть непреходящие ценности, исконно русское, национальное своеобразие. Оно и составляет содержание лучших из его историко-бытовых картин — «Сцена из домашней жизни русских царей» (1865), «Русский посол при дворе римского императора» (1866), «Вешний царский поезд на богомолье во времена Алексея Михайловича» (1868) и др. Но все они в плане раскрытия сакрального своеобразия русской истории весьма поверхностны. Создание исторической картины, отражающей судьбу народа России в истории, в первой половине семидесятых годов было еще задачей будущего, но теперь уже самого ближайшего.

В. И. Суриков и новая историческая живопись

Суриков оказался в столице Империи, когда бунтарское движение обрело новую фору: Товарищества передвижных художественных выставок определяло вкусы и направления, связанные с подъемом русского реалистического искусства XIX века. При всей жесткости Академии сама система обучения в ней была достаточно гибкой и включала как теоретические курсы — слушание лекций и сдача экзаменов по теоретическим и историческим дис-

циплинам, и «по искусству», так и выполнение предусмотренных учебным планом практических работ, включающих рисунок, живопись, создание эскизов композиций на заданные темы, предусматривающая различные формы поощрения, а завершался процесс обучения заключительной работой на получение звания классного художника.

При всей серости профессорско-преподавательского состава Академии того времени были в ней и такие педагоги, которых Суриков всегда вспоминал с глубокой признательностью. К ним прежде всего относится гениальный учитель, воспитавший плеяду наиболее выдающихся русских художников, П.П. Чистяков. Историю искусств с большим знанием дела и высокой гражданской ответственностью читал профессор И.И. Горностаев — человек широких и разносторонних интересов, академик архитектуры.

Каждый юноша, впервые прибывший в столицу Российской империи, невольно оказывается подавленным своеобразным культом личности ее основателя. И хотя первый год обучения в Академии был перегружен посещением лекций и рисовальных классов, сдачей экзаменов по искусству и по наукам, Суриков находит время для самостоятельной еще ученической работы над первой картиной, конечно же, посвященной Петру I.

И только после завершения учебы в Академии, с первой большой картины В.П. Сурикова «Утро стрелецкой казни» (1881), показанной на IX Передвижной выставке, начинается новый период развития русской исторической живописи. Появился художник, рукою которого водил не только ум, но и сердце. Способность к глубокому сопереживанию позволила ему, избегая напыщенности, в отдаленных событиях увидеть подлинную историческую правду. Поражали запечатленные лица, проникновенное воскрешение духа эпохи и создание настроения сопереживания. Необходима была не только смелость, но и творческая дерзость, чтобы пойти вразрез с господствующей художественной стилистикой второй половины XIX века, с ее ярко выраженной критической направленностью. Картина Сурикова не содержала безоговорочного суждения о положительном или отрицательном начале каждой из представленных противоборствующих сил. Роль обличителя явно не привлекала художника, который стремился быть не судьей истории, а ее поэтом. Уже в первой большой картине Сурикова стали понятны и осмысленны вехи его биографии и творческого пути. Стало угадываться его Божие избранничество для пробуждения в творческой элите того времени живой мысли и давно уснувшего национального самосознания. Анализ картины «Утро стрелецкой

казни» показывает, как у Сурикова происходит переоценка ценностей, в результате чего Петр I из исторического деятеля и реформатора превращается в сумасбродного деспота в своей ненависти к исторической России, не останавливающийся ни перед чем.

По окончании «Утра стрелецкой казни» у Сурикова в воображении жили два замысла: «Морозова» и «Меншиков».

При несомненной внутренней связи и преемственности картин «Утро стрелецкой казни» и «Меншиков в Березове», все здесь представляло для Сурикова совершенно новую задачу: эпоха, сюжет, характеры, психологическая трактовка, колорит, все нужно было находить заново и иное, чем для «Стрельцов». Главной задачей было создание образа самого Меншикова и выражение в нем «духа эпохи», по уже иной, новой эпохи, по сравнению с той эпохой Древней Руси, которая была воплощена в образах стрельцов. Не в меньшей степени это относится и к трактовке образов детей Меншикова, которые родились и воспитались уже в условиях европеизированной России.

В отличие от многофигурной композиции «Утра стрелецкой казни», художник концентрирует здесь все свое внимание на четырех действующих лицах и на интимном, внутреннем мире каждого из них, причем они даны в натуральную величину, и вся сцена сильно приближена к зрителю, что еще более фиксирует его внимание на чувствах и мыслях каждого персонажа небольшой группы лиц, сидящих в тесной избе.

Суриков добивается в картине «Меншиков в Березове» исключительно тонкой индивидуализации каждого образа в отдельности, он достигает такой степени постижения чувств и мыслей именно данного лица, что по каждому из этих образов зритель может прочесть весь его внутренний склад.

Работа над «Меншиковым», где персонажи находятся в полутемной избе, с заледенелым оконцем, снова ставит перед Суриковым проблему взаимозависимости освещения и колорита, но теперь Суриков, добиваясь впечатления мерцания лампы, стремится избежать зачерненности красок и передать сумеречность цветовыми отношениями, без грязноватости общего тона.

В «Боярыне Морозовой» особенно ярко выразилось «режиссерское» дарование колористического мастерства Сурикова, которое проявилось уже в «Стрельцах» и достигло профессиональной высоты в «Меншикове», но во всем неповторимом совершенстве развернулось в «Боярыне Морозовой».

Давно замечено исследователями творчества Сурикова, что «Стрельцы» — это драма сильных мужских характеров, «Морозо-

ва» — поэма о женском сердце, о мужестве и отзывчивости, о страдании и душевной красоте. Вместе с тем это поэма и о русской красоте. Еще в детстве открыл Суриков дивную красоту девичьих лиц, их неповторимое национальное своеобразие. Суриков любил писать красивое, поэтому-то и предпочитал изображать девичьи, в расцвете молодости и здоровья, либо старушечьи, по своему прекрасные, озаренные сердечной добротой, лица.

В «Морозовой» прекрасны строгие одухотворенные лица женщин. Красивы их старинные национальные одежды, узорчатые ткани, расшитые платки. Своеобразны расписные ставни на домах, дуга и перекладина розвальней — все, в чем проявляется истинно народное творчество с его неповторимым национальным колоритом. Во всем видна та любовь к праздничным, ясным, чистым и звонким тонам, которая была свойственна людям допетровской Руси и о которой мы знаем по дошедшим до нас предметам их быта и по их искусству.

«Боярыня Морозова» является одним из шедевров русской, да и мировой, живописи. Удивительно мастерски, реально передан здесь морозный зимний день. Рефлексы неба, преобразующие белый цвет снега в голубой, в розовато-сиреневый, освещают лица и одежды людей. Такой убеждающей пленэрной живописи до Сурикова не было в русском искусстве.

Цвет у Сурикова является не только средством изображения, до иллюзии соответствующим действительности. Он несет в себе большую смысловую нагрузку. Так фигура Морозовой в черной бархатной шубе является смысловым, а также композиционным и колористическим центром картины. Ее сине-черная шуба — самое большое темное пятно в картине, вместе с тем в ней словно бы сконцентрированы все те оттенки черно-синего, которые встречаются в одеждах в толпе. Бледное лицо Морозовой — одно из самых светлых пятен в картине, те же оттенки бледных голубых и розовато-фиолетовых тонов встречаются везде — и на небе, и на снегу, и на побледневших от волнения лицах. Суриков по справедливости считается блестящим колористом.

Непосредственно к Сурикову примыкают три видных русских художника. Рябушкин нашел особую тихую и удаленную от социальных конфликтов сферу: тот «бунтарский» век, который терзали социальные бури, предстает у него мирным и патриархальным, хотя по-своему также исторически достоверным («Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате», 1893, «Московская улица XVII века в праздничный день», 1895, «Семья купца в XVII веке», 1896, «Русские женщины XVII столетия в

церкви», 1899, «Едут!», 1901, «Свадебный поезд в Москве», 1901 и др.), но, к сожалению, этот даровитый и интересный художник слишком рано ушел из жизни..

Аполлинарий Васнецов, начавший с очень широко задуманных и довольно сильных в краске сибирских пейзажей, перешел затем всецело к реконструкциям старой Москвы. Это его творчество имело большой успех среди москвичей, горячих поклонников родного города. Но в сущности Васнецов принял за разработку лишь того, что уже дано было Суриковым в пейзажных фонах его картин. К этому А. Васнецов прибавил удачные заимствования от ряда самобытных художников: от Поленовой, Коровина и Малютина. Но его композиции часто напоминают театральные декорации, на которых тесно сгруппировано слишком много разнообразных подробностей.

Здесь же надо назвать имя его более знаменитого брата — Виктора Васнецова, ибо без сомнения, что ему рядом с Суриковым принадлежит честь протеста против ограниченного реализма «передвижников» и первых шагов на пути раскрепощения национального художественного духа. Наиболее замечательными картинами В. Васнецова являются: «Каменный век» [ГИМ], «Иван Грозный», «Богатыри» и «Аленушка» [все — ГТГ]. В них В. Васнецов обнаружил такое мастерство, которое не найти в других его самых любимых произведениях.

В. Васнецов, поклонник родной старины и всего того, что принято называть чисто русской культурой. Он взялся с талантом и с трогательным, почти священным вниманием за свою задачу, и это отразилось на его творчестве. Он ушел от поверхностного щегольства и указал на некоторые существенные начала древнерусской красоты: на ее благородную красочность, осмысленность, крепость, спокойствие и внешнюю простоту.

Прошлое, полу- или целиком легендарное, в основе своей реальное, но разукрашенное в поэтических вымыслах народного эпоса, увлекло его. Будучи человеком своего времени, он, как и все передвижники, считал, что искусство должно быть связано с народом, однако здесь он нашел свой путь: через образы, сохранившиеся в памяти народной, через образы былинные и сказочные вел этот путь в далекое прошлое Руси, а выводил к самой живой современности.

Герои картин Васнецова («После побоища Игоря Святославича с половцами», 1880, «Битва славян со скифами», 1881, «Витязь на распутье», 1882 и др.) принадлежат не только истории, литературе, но и столь поэтичны они в своем содержании; всегда показа-

ны в полном соответствии с тем, как даны в народном сказании. В них подчеркнуты мужество, моральная цельность, удасть молодецкая, то есть все то, что было присуще любимым героям былин и песен.

Критиков того времени, и в частности Стасова, приученных батальной живописью к реальному изображению военных сцен, поразили в картинах Васнецова условность, некоторая очевидная «идеальность» образов и «недостаток натуры», однако постепенно все эти особенности стали восприниматься как достоинства художника. В самом деле, Васнецов нашел ту меру условности, при которой изображение прошлого обретает видимость некоей удаленности во времени. Это особенно заметно в колорите картины: ясные и чистые тона преобладают в одеждах витязей. Декоративность локальных цветов близка воскрешенной Васнецовым традиции старого русского искусства. Наряду с Суриковым, Васнецов стал первооткрывателем в русской живописи чудного, до того забытого мира древнего русского искусства, его неповторимого национального колорита, самобытного народного творчества.

В 1894 году группа художников решила организовать Общество художников исторической живописи. Состав участников был довольно пестрым (В.В. Беляев, К.Н. Горский, А.А. Карелин, А.Н. Новокольцев, Н.С. Матвеев, А.П. Рябушкин, Г.И. Семирадский и др.), программа — еще более пестрая. Предполагалось показывать картины, этюды, акварели, рисунки и скульптуру, «исполненные на темы: всеобщей истории, исторического жанра, священной и церковной истории и мифологические, а также виды исторических мест и памятников» (*каталог первой выставки художников исторической живописи в Москве (с историческими справками А.В. Яворского). М., 1985*). Выставки были рассчитаны на сравнительно широкие круги зрителей и, учитывая их малую подготовленность, снабжены подробным описанием сюжетов картин. Однако надо признать, что в целом общество не оказало, да и не могло оказать заметного влияния на развитие исторической живописи. А.П. Рябушкин, работы которого стали украшением первой выставки 1895 года, — явление исключительное.

В девяностые годы и в начале XX века достижения в исторической живописи связаны не с деятельностью того или иного союза, а с творчеством наиболее значительных художников, входивших в разные объединения. Суриков, например, — член Товарищества передвижных художественных выставок. Серов до 1900 года — тоже, потом — член «Мира искусства». Рябушкин в начале девяностых годов экспонировал свои работы у передвижников, затем —

в Обществе художников исторической живописи, на выставках «Мира искусства» и «36-ти художников».

В 1903 г. в Москве после прекращения деятельности старого состава петербургского объединения «Мир искусства» и соединения бывших «мирискусников» с группой молодых московских художников, образовавших выставочную организацию «36 художников» возникло объединение «Союз русских художников». В него вошли практически все крупные мастера живописи Петербурга и Москвы: А.Е. Архипов, А.М. Васнецов, М.А. Врубель, С.А. Коровин, М.В. Нестеров, И.С. Остроухов. В течение 1903 г. к ним примкнули Л.С. Бакст, А.Н. Бенуа, В.Э. Борисов-Мусатов, О.Э. Браз, А.Я. Головин, И.Э. Грабарь, К.А. Коровин, Е.Е. Лансере, С.В. Малютин, Ф.А. Малявин, Н.К. Рерих, К.А. Сомов и другие. «Союз русских художников» с большим успехом проводил крупные художественные выставки в Петербурге и Москве, других городах России, а также собственные экспозиции на международных выставках в Дюссельдорфе (1904), Париже (1906), Венеции (1907), Мюнхене (1909) и Риме (1911). Однако различие художественных традиций московской и петербургской школ привело в 1910 г. к расколу общества на «москвичей» и «петербуржцев», после которого семнадцать петербуржцев во главе с Бенуа вышли из «Союза» и образовали новый «Мир искусства». После этого «Союз русских художников» стал фактически союзом московских художников, достаточно консервативных по творческим взглядам.

На рубеже XIX и XX веков большее отношение к историческому жанру имели те произведения, в которых прошлое, хоть и субъективно трактованное как мир утраченной ныне гармонии, показано все же более объективно. Это картины Рериха из жизни древних славян, античные мифы Серова, немногие работы мирискусников. Все они примыкают к исторической живописи, с тою оговоркою, что историзм их весьма специфичен, характерен именно для искусства начала XX века. Не следует искать в этих работах историческую правду во всей ее сложности, но можно почувствовать тонкий аромат исчезнувшей жизни, понять общий нравственный тон, исторически закономерный для изображенной эпохи

Младшее поколение художников открыло иные пути: история обрела для них другую ценность; ни социальных, ни психологических конфликтов они не видели и не хотели видеть. Зато нашли то, чего не хватало окружавшему их настоящему: исчезнувшую в безвкусье и буржуазной пошлости заката Российской империи красоту. Именно эта красота, как им казалось, освещала жизнь людей прошлого, оставшись навеки в искусстве минувшего. Оттого,

вероятно, и пытались художники увидеть прошлое как бы глазами далеких, ушедших навсегда творцов прекрасного. Используя творческие приемы, выработанные в искусстве прошлого, художники раскрывали какие-то важные стороны жизни людей минувших веков, оставаясь вместе с тем вполне людьми своего времени.

И если художники семидесятых и восьмидесятых годов стремились к достижению ощущения реальности прошлого, то мастера конца века поставили другую задачу: прошлое для них ушло, оно оказалось навсегда отделено от настоящего вуалью памяти. И сквозь эту вуаль творческий взор художника высвечивал отдельные мгновенья прошлого. Прекрасные сами по себе, они волнуют, доставляют наслаждение; они будят ум, заставляют напрягать память, вспоминать...но отвлекают от насущных проблем.

Эрудицией в области исторических знаний, образованностью эти художники, может быть, превзошли своих предшественников, но они уступали им во многом, и прежде всего в понимании сути исторического процесса, его Промыслительного значения, в постижении глубин психологических конфликтов, трагедий, сотрясавших жизнь исторических личностей и целых народов.

Если сегодня взглянуть на русскую историческую живопись предреволюционного времени, то вырисовывается довольно пестрая картина, столь же сумбурная, как в других жанрах, как в смежных видах искусств, в литературе, театре, художественной критике. Художественная жизнь тех лет поражает разнообразной безвкусицей и множеством выставок, обилием имен, художественных группировок, лозунгов, программ. Трагически неразрешенными казались все исторические проблемы, в настоящем и в прошлом. Мучительно остро ощущался разрыв интеллигенции и народа.

В исторической живописи, в отличие от портрета, пейзажа или натюрморта, особенно заметна мировоззренческая растерянность, опустошение. Хотя по-прежнему работают крупные мастера (Репин, Суриков, Васнецов, Серов, Нестеров), это не меняет картины; хотя формально прошлое в моде: к нему можно уйти от пошлого и жестокого настоящего. Возможность — пленительная для смятенного, во всем разуверившегося человека, но кругом ощутима творческая безысходность.

Как точно сказал об этом поэт: «Когда не видел я ни дерзости, ни сил, Когда все под ярмом клонили молча выи, Я уходил в страну молчанья и могил, В века загадочно былые!». (В. Брюсов. «Кинжал», 1903).

Художники, поэты и писатели охотно обращались к прошлому, но это совсем не означает, что они помнили об истории, реальной

или мифологической. Индивидуализм, столь распространенный в это время, проявился здесь в сугубом субъективизме, в своеобразных видениях прошлого, в «милых призраках», одетых в костюмы ушедших веков. Все это не более, чем маскарад, где маска и платье скрывают усталую душу современного интеллигента.

А ведь художник все-таки по своей сути должен отражать и даже, в какой-то мере, предвосхищать события, происходящие в его Отечестве. Русские художники, мыслители, писатели всегда стремились выразить свой духовный мир, свое понимание добра и зла, свое видение идеи будущего России и идеи спасения, выраженной в Нагорной проповеди Спасителя. Соединяя образ картины с образом слова, они духовно воздействуют на зрителя и читателя и способны силой своего живописного образа пробудить спящее национальное самосознание, но, увы, этого им не удалось.

Белоус А. О.

СПЕЦИФИКА СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ. К. Д. КАВЕЛИН И М. П. ПОГОДИН.

SPECIFICITY OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE OF RUSSIAN HISTORY.
K. D. KAVELIN AND M. P. POGODIN.

Белоус А. О. Преподаватель высшей школы (специализация Философия), член Российского философского общества (РФО), член — корреспондент Международной Академии Наук (Российское отделение, гуманитарные науки, г Инсбрук Австрия) член International Academy of Science (USA), член European Academy Of Natural History, член Российской академии естествознания. 55523@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исторической и философской дискуссии К. Д. Кавелина и М. П. Погодина.

Annotation: This paper is devoted to historical and philosophical discussion K. D. Kavelin and M. P. Pogodin.

Ключевые слова: история философии, философия истории, концепция, социальная философия, социо-гуманитарное познание.

Keywords: history of philosophy, philosophy of history, concept, social philosophy, socio-humanitarian cognition.

В 1847 г. в №1 «Отечественных записок» К. Д. Кавелин опубликовал рецензию на вышедшую в 1846 г. книгу М. П. Погодина «Историко-критические отрывки», в которой были собраны статьи за разные годы. Свою рецензию Кавелин начал с определения места Погодина в русской историографии первой половины XIX в.

Погодин, по словам Кавелина, «был одним из тех немногих исследователей, которые старались подойти к фактам поближе и взглянуть на них проще, нежели их предшественники»¹. Он начал свою научную деятельность как один из первых критиков Карамзина, как глава нового критического направления, но затем испугался собственных последователей, которые «пошли» еще дальше, и в результате выглядел к концу 40-х гг. «защитником старого против нового», который к тому же «стоит на стороне Карамзина»². Причину этого Кавелин видел в том, что Погодин, «как и многие другие, отдался частностям... забыл главное — целое прошедшее воз-

¹ Кавелин К. Д. Собр. Соч.: В 4 т. — СПб. 1897–1900. — Т. 1. — стлб. 223

² Там же, стлб. 225

зрение, которое нужно было изменить с корня». В результате он, «очень удачно нападая на Карамзина в отдельных фактах и явлениях исторических, остался при нем в целом, и так и не понял или забыл свое призвание в русской исторической литературе»¹. (3) Рецензируемая книга имела в глазах Кавелина прежде всего историографический интерес, позволяя представить эволюцию исторических взглядов Погодина.

Написанную им в 1825 г. статью «О характере Иоанна Грозного» Кавелин считал «критической». (4) В ней Погодин не соглашался с Карамзиным, считавшим, что Иван IV был идеалом царя до смерти своей первой жены Анастасии и извергом после ее кончины. Полагая подобное превращение неестественным, Погодин утверждал, что «Иоанн никогда не был велик» и, будучи человеком ничтожным, сначала находился под влиянием людей, искавших пользы для страны, и им-то, а не царю Россия обязана реформами начала царствования; когда же Иван IV освободился от этой зависимости, он дал волю своим дурным свойствам. (5) Не разделяя взгляд Погодина на Ивана IV, Кавелин видел в его рассуждениях «шаг вперед в нашей исторической критике». (6) С тех же позиций он рассматривал и статьи об убийстве царевича Дмитрия и о первом самозванце, в которых видел достоинство «чисто критическое», продиктованное стремлением отбросить «непонятное, бессвязное, баснословное в нашей истории» и противопоставить им «догадки, разбор существующих представлений и обличение их несообразности с здравым рассудком и естественным, необходимым порядком вещей». (7)

Затем Кавелин разбирает статьи Погодина, в которых он уже усматривает больше недостатков, чем достоинств. Отмеченное им в ранних статьях «отсутствие собственно исторического смысла» в еще большей мере, по его мнению, сказалось в последующих работах Погодина. В них ослабла критическая сторона, а там, где Погодин «начал прагматизировать, оказалось, что он ни на шаг не ушел дальше Карамзина... к недостаткам карамзинского взгляда присоединил еще несколько и от себя». (8) В статье «Взгляд на русскую историю» (вступительная лекция, прочитанная Погодиным в 1832 г.) Погодин, по словам Кавелина, не показал внутреннего развития России и даже не поставил вопроса о необходимости его изучения. «Недовольный частностями в истории Карамзина, он остался ею доволен в главном и целом», т.е. не посягнул на общеисторические построения автора «Истории государства Российского». (9)

Бесплодными считал Кавелин и попытки Погодина отвлеченно противопоставлять друг другу русские и западноевропейские институты (феодализм и удельную систему, продолжение традиций Римской империи и Византии, монгольское иго и крестовые походы и т.п.). Он указывал на необходимость выяснения внутренней связи событий в русской истории, рассмотрения «совокупности народной жизни», изучения «истории народа как саморазвивающегося живого организма, в строжайшей постепенности изменяющегося вследствие внутренних причин, которым внешние события служат или выражением, или только поводом к обнаружению».

Кавелин прямо противопоставлял концепции Погодина этот новый взгляд на историю, который он разрабатывал вместе со своими сторонниками. При этом он замечает, что новый подход к историческим событиям, в основе которого лежит «прозаический взгляд», имел одним из следствий то, что «много прекрасных благородных мечтаний улетело с этим новым прозаическим взглядом на историю». К таким «улетевшим мечтаниям» Кавелин относил, — в частности, идеализацию «первоначального быта славян». (10) В изложении Погодина, не приемлющего нового взгляда на историю, Кавелин отмечает постоянное стремление объяснять исторические события фатальными обстоятельствами, отсутствие попыток искать между ними глубокую причинно-следственную связь. (79) Так, реформа Петра I, в трактовке Погодина, является отдаленным следствием смерти царевича Дмитрия, повлекшей за собою пресечение династии Рюриковичей, и т.д. (11) В результате русская история у Погодина, по его собственным словам, — «целый курс психологии в лицах», а многочисленные исторические события «суть такие романы, которых никогда не могло бы создать богатое воображение Вальтера Скотта». (12) С особенной резкостью выступает Кавелин против заключительного вывода Погодина, гласящего, что «Российская история может сделаться охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия». Так в рамках академической рецензии выступил политический смысл научных дискуссий историков. Сдержанно, но достаточно определенно Кавелин дал понять, что он не только не согласен с трактовкой Погодиным событий прошлого, но и не разделяет его политических идеалов. «Читатели видят, что г. Погодин часто смешивает политику с историей и что это смешение не всегда ему дается», — замечает он. (13)

В статьях «О Москве» и «Приращения Москвы» Погодин изложил свой взгляд на исключительную роль, которую сыграла Москва в истории России. При этом он говорил, что Москва «займет,

может быть, еще много великих страниц в книге судеб Русских, Европейских и человеческих». (14) Кавелин, соглашаясь с доводами Погодина о большом значении Москвы до конца XVII в., с тем, что «Москва есть корень, зерно, семя Русского Государства», возражал против его утверждения, что «все части, составляющие нынешнюю Российскую империю, суть приобретения Москвы, так что всю Россию можно в этом смысле назвать распространившеюся Москвою». (15) Это положение неверно «со времен Петра, когда правительственным центром России стал Петербург и события перестали быть московскими, тверскими или петербургскими, а стали русскими». (16) Поэтому, считал Кавелин, статья написана «с древнемосковской точки зрения». (17)

Статьи Погодина о местничестве привлекают внимание Кавелина как своими сильными сторонами — большим материалом и ценными наблюдениями, так и слабыми — показывающими, что Погодин выступает больше как археолог, а не историк. При этом он противопоставляет им упомянутую статью Соловьева в «Московском сборнике», которая показывает «постепенное развитие, изменение понятий о старшинстве». Кавелин подчеркивает, что возникновение местнических счетов было шагом вперед в древней Руси, поскольку, ослабило род и способствовало упадку исключительно кровных отношений. (18) Что же касается первой половины удельного периода, то в нем он усматривал почти полное господство родового начала, которое, хотя и было непродолжительным в силу отсутствия в древней Руси юридической определенности, исключало применение местнических счетов и понятий к междукняжеским отношениям. Поэтому важным пробелом в работе Погодина Кавелину представлялось то, что тот недостаточно четко отделяет «различные фазисы удельного периода и княжеских отношений» и никак не оценивает значение удельных отношений в русской истории. (19) Историк, в отличие от археолога или простого любителя старины, должен, по мнению Кавелина, обращать особое внимание на выяснение обстоятельств процесса исторического развития.

Этот недостаток усматривал Кавелин и в написанной в 1841 г. статье Погодина «О Петре Великом». Солидарный со славянофилами в противопоставлении Москвы Петербургу, Погодин в отличие от них признавал большое значение реформ Петра I. Он приводил многочисленные примеры того, что нововведения Петра I вторглись во все стороны государственной жизни и быта России, что современные ему люди на каждом шагу сталкиваются с последствиями реформ первой четверти XVIII в. (89) Но Погодин видел в реформах

не следствие общего исторического развития России, а результат личного произвола Петра I. Поэтому, говорит Кавелин, даже после повторного чтения статьи Погодина «не остается в голове никакого результата, и вопрос о великой реформе представляется мыслящему человеку столько же таинственным, загадочным, как и прежде». (20) Погодин, по мнению Кавелина, «вероятно, имел в виду также мнение, что реформа Петра, по крайне ограниченному, полу-восточному состоянию страны, в которой она произошла, носила и должна была носить чисто личный характер, так что ее единственный двигатель — Петр, был для России все; что он действовал как ее воплощенный идеал, и во имя ее же действовал как ее воспитатель, исправитель, опекун и наставник». (21) С некоторым удивлением отнесся Кавелин и к утверждению Погодина, что с Петра I началась новая эпоха в истории человечества — западно-восточная, европейско-русская, в которой «западная пытливость» будет освящена «восточной верой». Удивление Кавелина по поводу такого «европейско-русского синтеза» усиливается тем, что Погодин благоволит к Востоку и не благоволит к Западу, «следовательно, не совершенно беспристрастен к тому и другому». (22)

Разбирая статьи «Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала» и «За русскую старину», написанные Погодиным в 1845 г., Кавелин отмечает, что они развивают мысль, высказанную еще во вступительной лекции 1832 г., о параллелизме между историей России и европейских государств, существовавшем, несмотря на несходство и даже противоположность их развития. (23) Во имя этого «параллелизма» Погодин в статье «Бретань и ее жители» доказывал наличие в русской истории «среднего века», который он всячески идеализировал. (24) Необоснованность подобного идиллического изображения древней Руси Кавелин доказывал самой необходимостью «полной и радикальной реформы» начала XVIII в. Здесь же Кавелин вновь подчеркивал свое отрицательное отношение к охранительским настроениям Погодина. «Желая сделать из русской истории «охранительницу и блюстительницу общественного спокойствия», он непременно требует, чтоб и она имела свой средний век, после которого, как известно, и начала развиваться полиция предупредительная. Иначе она была бы невозможна, а это не допускается г. Погодиным». (25)

Рецензия Кавелина на трехтомный труд Погодина «Исследования; замечания и лекции о русской истории» носила несколько иной характер. В ней Кавелин оценивает значение работ Погодина для изучения древнейшего периода русской истории, «кото-

рый называется Варяжским и оканчивается смертью Ярослава (1504 г.)». (26) Кавелин полагал, что достоинства и недостатки этого труда, в котором Погодин собрал написанные им в разные годы работы с некоторыми дополнениями и изменениями в соответствии с новыми достижениями науки, определяются местом Погодина в русской исторической науке. При этом Кавелин повторял доводы, изложенные в рецензии на «Историко-критические отрывки». По его мнению, Погодин выступил на сцену в то время, когда характер исторической критики начал изменяться и из przygotowительных исследований стала рождаться история в собственном смысле.

Определяя место Погодина в русской исторической науке, касаясь его взаимоотношений с другими историками, Кавелин остаивается на полемике Погодина с М.Т. Каченовским, отмечая при этом положительные и отрицательные черты последнего. По мнению Кавелина, главная заслуга Каченовского состояла в том, что он «первый почувствовал неудовлетворенность прежнего, теперь мало-помалу исчезающего, натянутого, неестественного воззрения на русскую историю». Он видел в Каченовском человека «с талантом, начитанного, знакомого с требованиями науки и критикой», восставшего против Карамзина и, попытавшегося «привести русскую историю к ее естественным размерам, снять с глаз повязку, которая показывала многое в превратном виде, и возвратит или, правильнее, привести нас к воззрению, равному времени, в которое совершались события». Однако, преследуя поставленную цель, Каченовский, как полагает Кавелин, «с жаром, достойным великого уважения», «впал в крайность, которая существенно повредила его делу». По словам Кавелина, «вместо того чтоб из самой летописи и источников показать младенческое состояние нашего общества в IX, X, XI и последующих веках, он старался опровергнуть самые источники», отрицал существование кожаных денег в древней Руси, оспаривал подлинность Русской правды. (27) «Все так называемые его ученики уцепились за букву и принялись опровергать подлинность летописей; ни один из них не схватил главной мысли Каченовского, и она на время была погребена». (28) Оценку Каченовского Погодиным Кавелин отвергает как «несправедливую, пристрастную, крайне ограниченную». (29) Кавелин убежден, что хотя Погодин казался победителем в этом споре, тем не менее «по своей точке зрения Каченовский вполне прав, гораздо правее г. Погодина», (30) и «на самом деле великим лицом в этом споре является не г. Погодин, а Каченовский». (31) Все дело в том, что «вопрос, поставленный Каченовским, обойден,

не понят», но «время не прошло, оно только настанет: Каченовский найдет себе защитников и продолжателей». (32)

Кавелин, считая Погодина «толкователем, экзегетикой, а не историком в настоящем смысле слова», не способным подняться «до высшего исторического развития» и открыть новую эпоху, писал: «У него нет цельного взгляда на предмет, взгляда, в котором различные эпохи и фазисы хоть как-нибудь вязались бы между собою. У него есть светлые мысли, но нет ясной системы; есть ученые приемы, довольно удачные, но совершенно нет методы... у него есть страсть, общая всем специалистам, — возводить в систему свою нелюбовь, нерасположение к цельному, систематическому взгляду на предмет». (33)

Он спорит с Погодиным, для которого «что ни исследование с цитатами и всем ученым аппаратом, то уж непременно пустая фраза, непременно система, построенная из ничего». (34) Со своей стороны Кавелин настаивает на правомерности существования в исторической науке как практических, так и теоретических исследований. Невнимание к теоретическим занятиям и обобщениям он считает недостатком, присущим в целом русской исторической науке. (35)

Как полагает Кавелин, Погодин, будучи противником систем и теорий, одновременно «сам как бы неволью их строит», поскольку «у него, современника Каченовского, было тоже какое-то смутное предчувствие цельного, полного взгляда на русскую историю». (36) При этом Погодин, по мнению Кавелина, «иногда наперекор фактам, преследует любимую мысль» и впадает в «исторический мистицизм». Наиболее ярко этот исторический мистицизм выразился в «Исторических афоризмах», в которых Погодин «остановился на точке какого-то благоговения перед каждым историческим событием, не стараясь объяснить его значение и место в целом историческом развитии. Мог бы умереть Игорь, да не умер, мог бы Олег иметь детей — да не имел, Святослав чуть-чуть не поселился в Болгарии, да очень кстати случился тогда в Греции Цимисхий и помешал ему привести замысел в исполнение». Перечисляя эти примеры, Кавелин показывает, что у Погодина получается цепь событий без внутренней логической связи и какой-либо закономерности — «буква за буквой идет, и что-то выходит». (37)

Кавелин отмечает, что если следовать совету Погодина «молодым друзьям» русской истории, студентам университетов — до того как обратиться к «рассуждениям, толкованиям и высшим взглядам», собирать из всех доступных источников сведения об изучаемом предмете и уже только после этого переходить к выво-

дам, (38) — то можно получить «ряд прекрасных монографий», но не русскую историю. Кавелин считает, что Погодина преувеличивает одну часть задачи, стоящей перед историком, — исследование отдельных проблем, — и забывает о «второй, последней, окончательной, которая не может быть разрешена без пособия высших взглядов, теории, системы». (39)

Рассматривая последовательно 14 глав первого тома «Исследований» Погодина, Кавелин старается отметить как достоинства, так и недостатки. Он положительно отзывается об усилиях Погодина при помощи иностранных свидетельств доказать достоверность русской летописи, (40) рассмотреть достоверность договоров русских князей с греками (41), о главе VII, где Погодина делит Несторову летопись (но Лаврентьевскому списку) на части и показывает, откуда каждая могла быть заимствована. (42) Но, коснувшись главы VIII, посвященной сказкам в Несторовой летописи, Кавелин находит, что «во всех трех томах нет такой слабой главы, как эта». (43) Он считает, что на основании сказок, помещенных в летописи, можно воссоздать «дух времени», но нельзя, как это пытаются делать Погодина, устанавливать достоверность и точность фактов. (44) Неудачной он считает и главу IX, в которой Погодина старается подкрепить достоверность летописи «свидетельствами современных близких туземных памятников, свидетельством современных иностранных писателей, географическими названиями, сохранившимися в последующих памятниках..., внутренними доказательствами и личным характером Нестора». Кавелин считает неубедительным доказательство достоверности летописи ее согласием с другими древнейшими памятниками, поскольку они сами могли быть заимствованы из летописи. Так, Погодина замечает Кавелин, — признает, что «Слово Даниила Заточника» несет заметные следы такого заимствования. Этим путем можно доказать древность, но не достоверность летописи. Доказательства, основанные на названиях местности, также свидетельствуют о древности, но опять-таки не о достоверности летописи. Кавелин упрекает Погодина в том, что тот «позволяет себе много напыщенных фраз, воображает, что совершил патриотический подвиг, защитив летопись и летописца от нападков скептиков, а между тем в других этих фраз не терпит». (45) Поэтому он советует Погдину вместо звонких фраз обратить «внимание на несообразности, которые встречаются у Нестора, на беспорядок в его известиях, на неумение согласить вставки с текстом, на то, что рассказ о походе Святославе не сообразен с словами договора». (46) В главе XI о церковных уставах Владимира и Ярослава Кавелин находит лишь

«повторение того, что уже говорил Карамзин, митроп. Евгений, Розенкамф — и против, и в защиту подлинности этих уставов». (47)

Он вновь останавливается на критике Погодиным взглядов Каченовского, обращая внимание на недопустимый, с его точки зрения, тон полемики, и указывает на ряд частных промахов в опровержениях Погодина. (48)

Обратившись ко второму тому «Исследований», посвященному изучению «двух главных, основных элементов; из которых сложилась Россия: варяго-русов и славян», Кавелин не соглашается с распространенным тогда мнением, что этот вопрос «совсем не имеет той важности». (49) Подробно разбирая доводы Погодина и уточняя многие детали, Кавелин очень осторожен в выводах. Он высказывает по конкретным вопросам лишь предположения. В частности, он допускает, что варяги были не германского происхождения, а славянского. (50) Но в целом он считает проблему очень важной, поскольку в его подходе к рассмотрению русской истории большое значение имел ответ на вопрос, какой «элемент принесли с собой варяги», так как во всем внутреннем устройстве Московской Руси, считал Кавелин, можно усмотреть «отголосок варяжского элемента». (51) Например, в «Русской правде» он видел прямое доказательство того, что князь сам выполнял судебные функции. Он считал, что ограничение княжеской власти наступило позднее. (52)

Кавелин не соглашался с Погодиным, мимоходом отрицавшим существование феодальных отношений на Руси. По его мнению, ряд свидетельств подтверждал предположение о феодальных порядках при варягах. (53) К ним он относил упоминания о договорных отношениях между князем и дружинниками, (54) текст договора Игоря с греками, из которого вытекало наличие на Руси не одного князя, а нескольких, находившихся в вассальной зависимости от великого князя, что подкреплялось и свидетельством Константина Багрянородного. (55) Кавелин не придавал значения личности самого Рюрика, возражал против идеализации деятельности варяжских князей. (56) Он полемизировал с Погодиным, который считал, что решительные действия участников восстания в Киеве в 1068 г. объяснялись влиянием варяжского элемента. (57) Впрочем, оба, и Погодин, и Кавелин, не попытались вскрыть внутренние причины этого восстания, а лишь рассуждали о возможном воздействии на характер событий посторонних причин.

Одобрительно отзывавшись о главах, дававших обстоятельные сводки летописных свидетельств о военном деле на Руси, Кавелин делал ряд уточнений, используя разнообразные, в том числе и арабские, источники. (58)

Главу VIII о древнерусской торговле Кавелин называет «образцом исторической критики». (59) Вместе с тем он считает, что Погодин смотрит на торговлю в VIII, IX и X вв. «глазами нашего времени» и преувеличивает ее значение. Сам Кавелин считает, что торговля в те времена была транзитной, (60) носила более пассивный, чем активный характер, добавляя, что такой она была до Петра I. Он не согласен и с тем, что области, через которые проходили торговые пути, были более развиты, чем остальные. Исключение он делает только для Новгорода и Пскова. (61) В разборе этой главы сказались приверженность Кавелина к юридическим отношениям, его недостаточное внимание к проблемам, выходящим за их пределы, в частности к вопросам экономики. В этом отношении «собиратель старины» Погодин невольно дал более широкое толкование причинам исторического развития России. В его рассуждениях можно отметить зачатки тех построений, которые впоследствии выдвинут историки, сторонники «экономического направления» и особенно В.О. Ключевский.

Коснувшись глав, посвященных религии, грамотности, языку и образованию, (62) Кавелин переходит к главе VII, содержащей обзор юридическому быту и законодательных памятников. (63) Он находит, что в ней Погодин дал поверхностный обзор законов и законодательных памятников, хотя и привел довольно удачно места из летописи, посвященные юридическому быту, сделав из них сравнительно удовлетворительные выводы. Говоря о главе X «Формация государства», в которой Погодин изложил свой общий взгляд на исторические явления, Кавелин признает «долю правды» в том, что Погодин рассматривает изучаемый период как «первоначальную историю народа», когда еще нельзя проследить проникнутое «одним духом» органическое развитие истории. Считая обоснованным стремление Погодина отмежеваться от «отвлеченного схоластического воззрения», Кавелин вместе с тем называет серьезной ошибкой этого историка отказ от выработки строго логического обоснования закономерности исторического развития, связанные с ним увлечение частными вопросами и объяснение исторических событий случайным стечением обстоятельств. (64) Коснувшись при разборе главы XI взгляда Погодина на «параллель Русской истории с историей Западных Европейских государств», Кавелин утверждает, что история России и история стран Западной Европы «до того различны между собою, что при всех видимых, случайных, иногда разительных сходствах, нет никакой возможности сравнивать их между собою». (65) Признание своеобразия русской истории было характерно в 40-е гг. XIX в. для представителей

различных направлений в русской историографии. Н.П. Павлов-Сильванский писал, что своеобразие русской истории казалось тогда неоспоримым. Он отмечал, что в этом пункте западники, в том числе и Кавелин, соглашались со славянофилами. (66).

Вывод:

Рассуждая, в чем главная причина резкого несходства между историей России и стран Западной Европы, Кавелин считал весьма вероятным, что она — «в различии элементов, исторической почвы, на которой совершались события», в частности в особенностях «удивительного» славянского племени, «ключа к национальному характеру» которого еще нет, несмотря на то что о нем написано и сказано очень много. (67) Погодин, полагает Кавелин, «тоже чувствует это различие, но проводит его не до конца». (68)

Здесь в споре Кавелина с Погодиным сложилось довольно оригинальное положение. Западник Кавелин настаивает на том, что между европейской и русской историей существует только случайное, поверхностное сходство, что аксиоматические положения в европейской истории, с помощью которых можно безошибочно судить об истории любого европейского государства, ничего не объясняют в русской истории. Близкий же к славянофилам Погодин, занявшись старательным выписыванием и сопоставлением данных, свидетельствующих об истории России и стран Запада, приходит к заключению, что при всем различии они имели между собой много общего. (69)

Кавелин считает, что, «действительно, русская история представляет совершенную противоположность истории западных государств, и даже теперь мы видим то же самое, хотя уже не столько резко, как прежде». Но эту противоположность он рассматривает как «противоположность предметов разнородных, которые потому только и различны, что решительно не имеют ничего общего между собою, ни одной точки одинаковой», и делает вывод: «Славянский мир и Россия, может быть, по преимуществу, почва для будущего, тогда как жизнь европейских государств уже обозначилась». (70)

Завершая разбор трудов Погодина, Кавелин говорит о той задаче, которую решает история, о ее связи с современностью и будущим. Он пишет, что история исследует условия, в которых все народы земли стремятся к одному идеалу, хотя и различными путями. Историк должен «выяснить событие, период, эпоху так, как будто бы мы сами в ней жили и действовали». В таком случае даже в прошлые времена можно будет увидеть такого же человека, как современный. Различие будет лишь «в большей или меньшей его развитости». Движущее начало истории, главную причину измене-

ний, реформ и переворотов Кавелин видел в стремлении человека «к полному, всестороннему нравственному и физическому развитию». В связи с этим он говорил, что «в этом смысле есть, конечно, и в России люди, которые смотрят на наше прошедшее, как на состояние неудовлетворительное в сравнении с последующим, даже маловажное и во всяком случае не заслуживающее того, чтоб об нем сожалеть». Однако утверждение Погодина, что «некоторые отказываются от своей истории», Кавелин называет «нелепостью, о которой не стоит и говорить». Он считает, что прошлое можно только судить, «судить очень строго, беспристрастно и желать, чтобы оно оставило по себе как можно менее следов и чтобы эти следы изгладились как можно скорее». (71)

Литература:

1. *Кавелин К.Д.* Собр. Соч.: В 4 т. — СПб. 1897–1900.
 2. *Муравьев В.А.* Две лекции Н.П. Павлова-Сильванского // История и историки: Историографический ежегодник. — 1972. М.: Наука, 1973. — с. 358.
 3. *Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. — М., 1846. — 453 с.
 4. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. В 7тт. — М., 1846–1857.
-
1. Кавелин К.Д. Собр. Соч.: В 4 т. — СПб. 1897–1900. — Т.1. — стлб. 223
 2. Там же, стлб. 225
 3. Там же, стлб. 225–226
 4. Там же, стлб. 227.
 5. Там же, стлб. 227–228
 6. Там же, стлб. 228.
 7. Там же, стлб. 229.
 8. Там же, стлб. 229–230.
 9. Там же, стлб. 231.
 10. Там же, стлб. 233.
 11. Там же, стлб. 233–234.
 12. Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846, с. 12
 13. Там же, с. 15.
 14. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 236.
 15. Погодин М.П. Историко-критические отрывки, с. 163.
 16. Там же.
 17. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 240.
 18. Там же, стлб. 241
 19. Там же, стлб. 240.
 20. Там же.
 21. Погодин М.П. Историко-критические отрывки, с. 340–342.
 22. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 241.
 23. Там же, стлб. 246.
 24. Там же, стлб. 247.
 25. Там же, стлб. 248, 249.
 26. Погодин М.П. Историко-критические отрывки, с. 439.
 27. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 250.
 28. Там же, стлб. 95.

29. Там же, стлб. 100.
30. Там же, стлб. 100–101.
31. Там же, стлб. 99.
32. Там же, стлб. 101.
33. Там же, стлб. 101–102.
34. Там же, стлб. 102
35. Там же, стлб. 104.
36. Там же.
37. Там же, стлб. 104–105.
38. Там же, стлб. 105–106.
39. Там же, стлб. 106.
40. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. М., 1846, с. XI.
41. Кавелин К.Д. Собр. Соч., т. 1, стлб. 107
42. Там же, стлб. 109.
43. Там же, стлб. 115–116.
44. Там же, стлб. 118–122.
45. Там же, стлб. 122.
46. Там же, стлб. 125.
47. Там же, стлб. 125.
48. Там же, стлб. 126.
49. Там же, стлб. 130.
50. Там же, стлб. 126, 131–136.
51. Там же, стлб. 137.
52. Там же, стлб. 143–149.
53. Там же, стлб. 138.
54. Там же, стлб. 159–160.
55. Там же, стлб. 163.
56. Там же, стлб. 163–164.
57. Там же, стлб. 164.
58. Там же, стлб. 167
59. Там же, стлб. 170–171
60. Там же, стлб. 172–173
61. Там же, стлб. 173
62. Там же, стлб. 175
63. Там же, стлб. 176
64. Там же, стлб. 178–182
65. Там же, стлб. 182
66. Там же, стлб. 191–193
67. Там же, стлб. 201
68. Муравьев В.А. Две лекции Н.П. Павлова-Сильванского // История и историки: Историографический ежегодник. 1972. М., 1973, с. 358.
69. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 201.
70. Там же, стлб. 202
71. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции, т. 3, с. 500, 501.
72. Кавелин К.Д. Собр. соч., т. 1, стлб. 220.
73. Там же, стлб. 221

**Мерзликин Н.В.,
Иванов А.В.**

О РЕЗУЛЬТАТАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДИ КОРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ О. САХАЛИН

(ПРОДОЛЖЕНИЕ, НАЧАЛО В №1 ЗА 2013 Г.)

Электронная почта авторов: merzlikin37@bk.ru (Мерзликин Н.В.)
Artur-i@list.ru (Иванов А.В.)

3.2. Другие проблемы, связанные с реализацией корейцами своих социально-политических прав.

При анализе результатов исследования обращает на себя внимание наличие в массовом сознании корейцев, что по многим жизненным параметрам они находятся в неравноправном положении, по сравнению с другими национальностями. Речь, прежде всего, идет о сложившемся у респондентов мнении о существовании практики ущемления корейцев при продвижении по работе, при поступлении в ВУЗы.

Характерно, что это отмечают в большинстве случаев не те, кто не имеет советского гражданства, а именно советские граждане корейской национальности. Так, например, 66% опрошенных советских граждан и 54% опрошенных, не имеющих гражданства, убеждены, что в реальной жизни национальная принадлежность человека учитывается при его продвижении по работе (разумеется, имеется в виду принадлежность к корейской национальности, как фактор, препятствующий продвижению).

Во многих анкетах встречаются высказывания, свидетельствующие о распространенности случаев ущемления и других законных прав корейцев, например, при приеме в партию, при выдвижении в выборные партийные, профсоюзные и комсомольские органы, в Советы народных депутатов, при награждении за результаты, достигнутые в труде, при распределении жилья. В одной из анкет респондент указал, что «корейцам в большинстве случаев дают лишь первые и последние этажи», при определении места воинской службы (некоторые опрошенные расценивают это как акт не-

доверия к людям их национальности) корейские призывники служат в основном в стройбате и т.п.

Негативно воспринимается в общественно сознании корейцев, что в обкоме КПСС, в парткомах предприятий практически нет инструкторов из числа корейцев. В одной из анкет по этому поводу сказано: «Пожилой кореец, плохо знающий русский язык, никогда не обращается со своими проблемами к русскому инструктору». Вызывает у корейского населения обиду малое число депутатов корейской национальности, которые бы ставили своей целью оказание реальной помощи своим избирателям из числа корейцев, особенно немолодым, одиноким, малограмотным.

Четверть опрошенных (из них 42% из числа интеллигенции) считают вследствие этого, что Советы народных депутатов в СССР, не являются выразителями воли и интересов всех наций и народов нашей страны.

Как ущемление своих прав воспринимает часть корейского населения отмену официального празднования «Дня освобождения от японского милитаризма», который судя по высказываниям в анкетах, был для советских корейцев дорогим и лично значимым праздником.

Сформировавшееся в массовом сознании корейцев мнение о наличии практики ущемления законных прав и интересов корейского населения Сахалина, наряду с обостренным восприятием недостатков в социальной сфере, с которыми корейцы, как и представители других национальностей, сталкиваются в своей повседневной жизни, объясняют обнаруженную в ходе исследования высокую степень неудовлетворенности деятельностью областных партийных, советских, комсомольских органов, органов юстиции и правопорядка. Так, например, работа местных партийных органов не удовлетворяет 50% опрошенных (75% опрошенных из числа лиц, имеющих высшее образование); работа местных советских органов вызывает серьезные нарекания у 46% опрошенных (и соответственно у 74% опрошенных с высшим образованием); работа комсомольских органов не устраивает 46% опрошенных, а работа органов юстиции и правопорядка 31% опрошенных (См. данные таблицы №5).

Таблица №5. Удовлетворенность корейского населения Сахалина работой местных партийных, комсомольских, советских органов, местных органов юстиции и правопорядка (в процентах к общему числу опрошенных; N=678)

	Работа партийных органов		Работа комсомольских органов		Работа советских органов		Работа органов юстиции и правопорядка	
	удовлетворен	не удовлетворен	удовлетворен	не удовлетворен	удовлетворен	не удовлетворен	удовлетворен	не удовлетворен
В целом по массиву	38	50	26	46	42	46	51	31
Рабочие	43	44	30	40	46	37	53	31
ИТР	28	67	19	60	35	62	35	56
Служащие аппарата	45	41	22	45	47	41	53	37
Интеллигенция, не зан. на производстве	20	77	11	69	26	71	43	51
Студенты	43	52	30	65	48	42	39	52
Учащиеся	70	22	70	24	74	11	83	15
Пенсионер	18	62	5	53	24	68	56	34
Домохозяйки	24	43	10	24	29	48	48	29

Характерно, что встречаясь с конкретными случаями нарушения прав людей своей национальности и в гипертрофированном виде воспринимая их, значительная часть опрошенных (более двух третей) не склонна считать их следствием общегосударственной политики по отношению к корейцам, другим малочисленным народностям, а истолковывает их скорее как злоупотребления со стороны местных властей. «У нас в области — полнейшая дискриминация корейского населения. Внешне, кажется, все хорошо, даже претензий не предъявишь, но мы чувствуем, что есть какие-то границы, выше которых не прыгнешь»; «Корейцы на Сахалине оказываются в роли пасынков».

Отдельные респонденты отмечают, что корейцы на предприятиях не могут вырасти по служебной лестнице выше среднего уровня.

Обращает на себя так же внимание, что крайние проявления обиды побуждают отдельных людей к отчуждению себя, своего народа от СССР как Родины («Мы живем не в своей стране и этим все объясняется»; «Мы эмигранты, не имеющие возможности вернуться домой, вынужденные воспитывать своих детей по-русски, чтобы они могли продвинуться в жизни»).

Все это свидетельствует о наличии большого числа нерешенных проблем в социально-политической сфере жизнедеятельности корейского населения Сахалина.

Проблемы социально-экономической сферы жизнедеятельности корейцев

В числе социально-экономических проблем, волнующих корейское население, прежде всего, выделяется неудовлетворительное снабжение продуктами питания и продовольственными товарами (См. таблицу №6). Особенно резко реагируют на перебои в снабжении продовольствием и промтоварами представители интеллигенции, у которых при относительно скромных зарплатах, уровень потребностей в данных областях значительно выше.

Пятая часть опрошенных (19–21%) среди рабочих и служащих, 31% представителей интеллигенции, 29% домохозяек говорят о неудовлетворенности материальным положением своих семей. Среди лиц, не имеющих советского гражданства неудовлетворенность своим материальным положением несколько более высока по сравнению с теми, кто имеет советские паспорта.

Таблица №6. Удовлетворенность корейского населения Сахалина своим материальным положением, возможностями приобретения промышленных и продовольственных товаров (в % к общему числу опрошенных; N= 678)

	Материальное положение		Возможности приобретения продтоваров		Возможности приобретения промтоваров	
	удовлетворены	не удовлетворены	удовлетворены	не удовлетворены	удовлетворены	не удовлетворены
В целом	79	17	47	51	34	64
Рабочие	77	19	49	46	35	63
ИТР	85	14	30	69	23	75
Сл. аппарата	79	21	42	58	31	67
Интеллигенция не занятая на производстве	69	31	29	71	17	83
Студенты	78	13	48	48	22	74
Учащиеся	87	9	80	17	62	35
Пенсионеры	81	15	53	46	44	54
Домохозяйки	71	29	43	52	43	52

В данном случае корейцы вряд ли являются исключением. Представители других национальностей, проживающие на Сахалине, сталкиваются с аналогичными проблемами и трудностями. В то же время результаты исследования свидетельствуют о том, что среди проблем в социально-экономической сфере существуют и специфические именно для корейского населения. Одна из них, это наличие слишком низкой, по их мнению, нормы отпуска риса в магазинах риса в одни руки - 1 кг. Респонденты полагают, что такая норма, установленная для всего населения, явно не учитывает специфику питания корейцев, для которых рис является национальным продуктом питания, особенностью национальной кухни. Поэтому в анкете содержатся многочисленные просьбы увеличить норму отпуска риса населению до 2–3 кг. в одни руки, с тем, чтобы корейские семьи не испытывали затруднений в приобретении его для своих нужд.

Эта, казалось бы, частная проблема приобретает для корейцев Сахалина серьезный характер, если принимать во внимание то обстоятельство, что часть корейцев склонна рассматривать ее не изолированно, а в неразрывной связи с другими нерешенными проблемами, затрагивающими их национальные интересы.

О неудовлетворённости корейского населения деятельностью средств массовой информации

Говоря о недостатках в работе средств массовой информации, вызывающих у корейского населения наибольшие претензии, респонденты прежде всего обращают внимание на отсутствие, по их мнению, должного внимания к освещению:

— актуальных проблем корейского населения СССР (особенно вопросов реализации социально-политических прав, национально-культурных проблем данного народа;

— проблем истории, культуры и традиций и обычаев корейского народа (более полную информацию об этом хотели бы иметь 58% опрошенных, неудовлетворённость вызывает и то, что по радио. Телевидению редко звучит корейская музыка, редко передаются корейские танцы и т.п.);

— проблем истории корейского населения Сахалина (к вопросу о том, почему корейцы после войны не смогли вернуться на Родину и т.п.)

— проблем развития Корейского полуострова, отношений между КНДР и Южной Кореей (этими проблемами активно инте-

ресуются 63% респондентов и 69% хотели бы иметь более полную информацию об этом);

— ситуации в Северной и Южной Корее (так, например, вызывает неудовлетворенность, что ситуация в Южной Корее освещается лишь в негативном плане и не отмечаются ее очевидные успехи в развитии экономики, науки, культуры, в росте жизненного уровня населения, что в условиях гласности не подвергается критическому анализу положение дел в КНДР, в частности отсутствует критика культа личности Ким-Ир-Сена и т.п.).

Волнуют корейское население Сахалина и другие недостатки в деятельности областных средств массовой информации и, главным образом, такие как отсутствие серьезного критического анализа различных сфер жизни населения острова, деятельности органов управления, крайне слабое отражение проблем интернационального воспитания.

Что же касается издаваемой на Сахалине на корейском языке газеты «По ленинскому пути» и радиопередач областного радио на корейском языке, то наиболее наглядным подтверждением имеющих в их работе недостатков оказался выявленный в ходе исследования объем их аудитории (См. таблицу №7).

Таблица №7. Ответы на вопросы: «Слушаете ли Вы передачи областного радио на корейском языке?»; «Как часто Вы читаете газету «По ленинскому пути»?» (в % к общему числу опрошенных)

	Радио на корейском языке			Газета «По ленинскому пути»			
	Слушают регулярно	Слушают не регулярно	Не слушают	Практически каждый номер	2-3 номера в неделю	2-3 номера в месяц	Не читают
В целом	9	31	57	24	6	9	61
Рабочие	5	30	62	18	6	12	64
ИТР	4	27	65	15	8	10	67
Служащие аппарата	6	18	69	22	4	2	72
Интеллигенция не занятая на производстве	3	43	49	37	3	9	51
Студенты	0	13	83	0	0	0	100
Учащиеся	0	13	80	7	4	2	89
Пенсионеры	34	51	13	65	4	1	30
Домохозяйки	38	33	29	43	10	5	42

Из данных таблицы видно, что более двух третей опрошенных рабочих, служащих, инженерно-технических работников, половина представителей интеллигенции, не занятой на производстве, более 80% молодежи корейской национальности вообще не обращаются к областным газете и радиовещанию на их родном языке. К тому же часть опрошенных из числа служащих, интеллигенции, по их собственному признанию иногда читают газету лишь потому, что их обязывают подписываться на неё. Причем если у молодежи такая ситуация объясняется незнанием языка, то представителей других возрастных групп существуют другие причины отказа от подписки, чтения, слушания.

Основной и наиболее устойчивой частью аудитории областного радио на корейском языке и газеты «По ленинскому пути» оказываются пенсионеры и домохозяйки. Большинство из них не предъявляют к своей газете особенно высоких требований, радуются улучшению ее работы за последнее полугодие (на это обращают внимание и представители других социально-профессиональных групп читателей), она их удовлетворяет уже тем, что издается на родном языке, что «она является единственным подтверждением внимания к национальным нуждам корейцев». Для пенсионеров, не знающих русского языка, чтение газеты оказывается единственным способом обращения к советской прессе.

Рост аудитории радиовещания на корейском языке в значительной степени сдерживается и тем, что время передач для работающего населения крайне неудобно, а людям пожилого возраста трудно поймать волну, на которой ведутся передачи.

Основной претензией, предъявляемой к газете «По ленинскому пути» (кроме тех, что предъявляются к русскоязычной прессе) является то, что она не стала, с точки зрения опрошенных, «трибуной корейского населения острова» (в ней слишком мало и «беззубо» затрагиваются проблемы, волнующие корейцев, ее возможности крайне слабо используются для пропаганды национальной культуры, ее «материалы написаны не совсем по-корейски», она без особой на то необходимости дублирует материалы областной прессы, не учитывает образовательного уровня значительной части своей аудитории, используя сложные термины, «недоступные простому народу» и т. п.).

Из недостатков в работе областного радиовещания на корейском языке опрошенные чаще всего отмечают такие как неудачный подбор музыки для музыкальных пауз, дублирование информации областного радио, малое число литературных передач, в которых звучала бы корейская поэзия, корейские легенды и т. п.

В какой-то мере следствием отмеченных недостатков в работе областных средств массовой информации является то, что аудитория передач зарубежного радио среди корейского населения острова достаточно велика (См. таблицы №8–9). Их слушают более четверти опрошенных рабочих и ИТР, 40% представителей интеллигенции, не занятой на производстве, 35% учащихся, 82% пенсионеров, 62% домохозяек.

При этом формирование аудитории определяется двумя лишь отчасти взаимосвязанными процессами. С одной стороны, речь идет о характерном для части населения нашей страны интересе к программам зарубежных радиостанций, как к источнику дополнительной информации о мире, средству знакомства с новыми музыкальными записями и т.п. (25% опрошенных корейцев молодого возраста слушают передачи «Голоса Америки»), а с другой стороны, на Сахалине мы сталкиваемся с явлением совершенно специфическим и нетипичным, когда в составе аудитории западного радио преобладают группы людей старшего возраста, с предельно низким образовательным уровнем, пенсионеры и домохозяйки.

Таблица №8. Частота обращения к передачам зарубежных радиостанций (в % к общему числу опрошенных)

	2-3 раза в неделю и чаще	1 раз в месяц	Реже 1 раза в неделю	Реже одного раза в месяц	Не слушают
В целом	16	6	3	9	64
Рабочие	11	2	2	7	73
ИТР	7	3	3	13	72
Служащие аппарата	4	4	2	6	82
Интеллигенция не занятая на производстве	12	6	9	9	60
Студенты	0	0	0	13	85
Учащиеся	15	9	0	9	65
Пенсионеры	58	11	4	8	18
Домохозяйки	34	24	0	5	38

Таблица №9. Обращение к передачам корейских и японских радиостанций. (в % к общему числу опрошенных)

	«Радио Сеула»	«Голос Пхеньяна»	«Эн-Эйч-Кей»
В целом	19	13	6
Рабочие	13	8	4
ИТР	14	6	5

	«Радио Сеула»	«Голос Пхеньяна»	«Эн-Эйч-Кей»
Служащие аппарата	4	4	2
Интеллигенция не занятая на производстве	20	11	14
Студенты	0	4	0
Учащиеся	0	4	0
Пенсионеры	67	51	22
Домохозяйки	33	33	10

В выявленном социальном явлении находит свое отражение уже отмеченное выше наличие духовной изоляции старшего поколения корейцев. Передачи из Сеула и Пхеньяна (и у тех, и у других достаточно большая и стабильная аудитория среди людей старшего возраста) становятся чуть ли не единственным каналом непосредственной связи со своей прежней Родиной, дают возможность услышать ее голос, прикоснуться к ее культуре, дают надежду узнать что-либо о судьбе своих близких и т.п.

В силу этих обстоятельств, старшее поколение корейцев становится для других поколений носителем и распространителем дополнительной информации о жизни на Корейском полуострове, причем информации, которой, с точки зрения 70% опрошенных, можно доверять, по крайней мере, отчасти.

Поэтому не удивительно, что почти половина респондентов, представляющих корейское население Сахалина, обладает своими, достаточно дифференцированными представлениями о жизни в Южной и Северной Корее, причем той информации, которая получена явно не из советских источников.

Через зарубежное радио проникают в сознание и тезисы буржуазной националистической пропаганды, например тезис о «насилственной русификации народов СССР».

Вместе с тем, по данным исследования, часть информации зарубежного радио оценивается критично и не принимается радиослушателями. Так, например, настойчиво проводимая японским радио мысль о справедливости территориальных претензий Японии к СССР в отношении Курильских островов и части Сахалина отвергается 70% опрошенных корейцев Сахалина как не правомерная.

В целом данные исследования свидетельствуют о том, что в работе областных средств массовой информации сегодня нельзя не учитывать того факта, что значительная часть корейского населения региона знакома с информацией о ситуации в Северной и Южной Корее. Простое умолчание о положении дел на Корейском по-

луострове или неадекватное его отображение в этих условиях вызывает негативный идеологический эффект.

Таки образом, в каждой сфере жизнедеятельности корейского населения Сахалина обнаруживаются серьезные проблемы, которые существенным образом влияют на их самосознание. Эти проблемы накапливались постепенно, длительное время. Решение их возможно лишь в результате осуществления комплекса мер. Учитывая тенденцию к возрастанию уровня национального самосознания корейцев Сахалина эффективность решения многих проблем, волнующих корейское население, во многом будет зависеть от степени привлечения к их разрешению сами х корейцев, от их активности. Исходя из этого, определенный интерес представляют содержащиеся в анкетах предложения, которые, по мнению респондентов, могут в какой-то мере способствовать решению волнующих их вопросов.

К их числу относятся предложения, предусматривающие:

— создание реальных возможностей для обучения корейцев корейскому языку, введение в этих целях в практику школ факультативного изучения корейского языка, корейской истории и литературы. (Однако предложения о возвращении к практике корейских школ не поддерживаются значительной частью корейского населения, которая полагает, что создание корейских школ в современный период будет способствовать искусственной изоляции корейской молодежи, увеличению сложностей в межнациональном общении);

— открытие платных курсов обучения корейскому языку для взрослых;

— возрождение национального театра и национальных ансамблей;

— возрождение существовавшей ранее практики отмечать корейские национальные праздники («День урожая», «Родительский день» и т.п.), устраивать спортивные соревнования по национальным видам спорта;

— организацию национальных центров, культурных клубов, где представители корейского населения могли бы общаться на родном языке, знакомиться с национальной музыкой, литературой, обычаями и традициями (кроме всего прочего, как считают отдельные респонденты, это будет создавать дополнительную возможность для применения корейцами своего родного языка в практической жизни);

— расширение издания и продажи книг на корейском языке с использованием для этой цели базы Южно-Сахалинского книжного издательства;

— расширение издания и продажи книг о Корее и корейцах СССР на русском языке, особенно книг по истории корейцев Сахалина, переводов корейской поэзии, корейских сказок и легенд и т.п. Это, как отмечалось в ходе социологического опроса, может помочь тем корейцам, которые в настоящее время не знают родного языка, а, с другой стороны может поднять интерес, уважение к корейцам, как носителям древней культуры со стороны проживающих на Сахалине представителей других национальностей;

— более активное использование возможностей средств массовой информации для пропаганды корейского языка, культуры, традиций и обычаев корейского народа.

Выводы и рекомендации

В целом, полученные в ходе исследования материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Корейское население острова Сахалин полностью адаптировалось к условиям жизни на Сахалине, стало коренным населением острова, рассматривает его в качестве своей Родины. Корея (как Северная, так и Южная) в общественном сознании не воспринимаются как страны, с которыми надо связывать свою дальнейшую судьбу. Стремление к выезду туда проявляется лишь у лиц преклонного возраста.

2. По уровню своего социального развития, образования, вовлеченности в социально-экономическую, политическую, духовную жизнь советского общества корейцы практически не отличаются от населения Сахалина, прибывшего туда с материковой части СССР.

3. Длительное отсутствие школ, которые давали бы корейским детям возможность изучать свой национальный язык, приобщаться к национальной культуре привело к тому, что создалась реальная угроза для сохранения корейского населения Сахалина в качестве самостоятельной национальной общности. Если не остановить данный процесс, то с очередным поколением корейцы могут потерять свою национальную специфику, полностью раствориться среди русскоязычного населения области. Указанное обстоятельство начинает ощущаться в общественном сознании корейцев, вызывая у них беспокойство, особенно у лиц имеющих высшее образование, прежде всего у интеллигенции, не занятой на производстве. Дальнейшее сохранение такого положения, без его кардинальных изменений, может привести к осложнению сложившейся на Сахалине в целом спокойной атмосферы в сфере междуна-

циональных отношений, к появлению конфликтных ситуаций, нарастанию идеологической и политической напряженности.

4. Ощущаемый корейцами некоторый дискомфорт в национальной сфере связывается в их общественном сознании, прежде всего с низкой культурой межнационального общения населения Сахалина, а не с какой-либо сознательной политикой, направленной на их отчуждение от других национальностей. В то же время возрастание численности лиц корейской национальности, получившей высшее образование делает еще более актуальным вопрос о привлечении более широкого числа лиц корейской национальности в сферу управления, в партийные, советские, комсомольские органы и общественные организации Сахалина.

5. Появление в общественном сознании корейцев определенной обеспокоенности за дальнейшее сохранение своей национальной общности создает основу для формирования корейским населением из своей среды общественной группы, сосредотачивающей свои основные усилия на обеспечении национальных интересов корейцев. Если не поддержать этот процесс он может проявиться спонтанно в конфликтной форме. С учетом этого, представляется целесообразным с участием авторитетных представителей корейской общественности решить вопрос о создании своеобразной «Ассоциации корейцев Сахалина», с широким обсуждением самого названия и общественного статуса такой организации.

Наличие у корейского населения своей общественной организации позволит ему, в условиях перестройки, в том числе политической структуры советского общества реализовывать свою инициативу и социальную энергию, направленную на практическое обеспечение своих национальных интересов.

Наряду с этим, самодеятельная организация корейцев Сахалина при отсутствии официальных дипломатических отношений СССР с Южной Кореей может быть использована для решения волнующих представителей старшего поколения корейцев вопросов: розыска за границей своих родственников, организации с ними встреч, выезда их туда на постоянное жительство.

Подобный круг вопросов может ставиться такой организацией и перед японскими официальными учреждениями и неправительственными службами.

6. Учитывая, что социологический опрос проводился с охватом большого числа населенных пунктов, в которых проживает основная часть корейцев Сахалина, а так же то, что широким слоям работающего корейского населения известно о проводившемся исследовании, было бы целесообразно осветить отдельные его

результаты в областных средствах массовой информации, в том числе через газету «По ленинскому пути». Прежде всего это относится к информации об успешной адаптации корейского населения на Сахалине, к признанию его в качестве своей Родины, к отсутствию устремленности на выезд из СССР. Развернутыми можно представить материалы об отношении корейцев к областной печати, радио и телевидению, высказанные предложения по улучшению их деятельности. Наряду с этим, можно было бы отметить наличие низкой культуры, проявляемой практически всеми национальностями Сахалина в сфере межнационального общения, а так же осветить характер осуществляемой и планируемой работы, направленной на более полное удовлетворение национальных потребностей корейского населения.

Сигарева Е.П.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНОГО И СЕМЕЙНОГО ПОВЕДЕНИЯ, А ТАКЖЕ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОБРАЗОВАННОЙ МОЛОДЕЖИ

Сигарева Евгения Петровна, к.э.н., зав. сектором воспроизводства населения Центра социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН, sigarevae@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению репродуктивного и семейного поведения молодого поколения современной России. На базе опроса студенческой молодежи в городах страны были проанализированы предпочтения респондентов в отношении мер социальной поддержки.

Summary: Article is devoted to studying of reproductive and family behavior of young generation of modern Russia. On the basis of poll of student's youth in the cities of the country preferences of respondents concerning measures of social support were analysed.

Ключевые слова: молодежь, брак, семья, модель детности, социальная политика, средний класс, материнский капитал.

Keywords: youth, marriage, family, detnost model, social policy, middle class, maternity capital.

Анкета была разработана в Центре социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН и направлена на подтверждение или опровержение ряда гипотез.

Первая гипотеза касалась предположения о том, что образованная молодежь более осознанно формирует модель репродуктивного и семейного поведения, тем самым более рационально и придирчиво относится к условиям, при которых эти модели будут реализовываться.

Вторая гипотеза относится к особенностям ментального свойства современной интеллектуальной молодежи, продолжающей сохранять во многом традиционные нормы в репродуктивном и семейном поведении.

Третья гипотеза касается прикладного выражения концепции «среднего класса», которая базируется на объективных критериях, в число которых не входит модель детности.

Четвертая гипотеза выдвигает в качестве приоритетных условий для решения проблем демографического развития фактор материального благополучия в «противовес» другим факторам, оказывающим влияние на ментальные установки молодого поколения.

Исследование было проведено в ряде вузов России, и охватило следующие города: Москва, Серпухов, Муром, Вологда, Ставрополь, Буденновск, Ханты-Мансийск, Улан-Удэ. Выборка составила 860 человек. Были отобраны студенты, 95% которых находились в возрасте от 16 до 30 лет. Отметим, что около 70% респондентов самоидентифицировали себя в качестве представителя среднего класса.

Анализ ответов студентов о возрастном периоде, на который выпадают события, связанные с формированием семьи (в данном случае первой семьи), показал, что подавляющее большинство (84%) респондентов выделили десятилетие, которое можно назвать «золотым» брачным периодом (табл. 1). Он приходится на возраст от 21 до 30 лет. Традиционность указанного срока вступления в семейные отношения современной молодежи, идентифицирующей себя в качестве среднего класса, подтверждается русской поговоркой, которая звучит следующим образом: «В 20 лет ума нет, и не будет, в 30 лет семьи нет, и не будет, в 40 лет дома нет, и не будет». Эта поговорка выражала возрастную структуризацию жизни общества, и тем самым мотивировала доходчивым способом молодое поколение к реализации определенных событий в семейно-брачной сфере. Поэтому можно отметить резкое (обвальное) падение количественного выбора респондентами возраста создание семьи после 30 лет.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов по возрасту вступления в семейные отношения (чел. %)

В каком возрасте, по Вашему мнению, лучше всего вступить в брак, завести семью?	Чел.	%
Никогда	4	0,5%
До 16 лет	1	0,1%
16–18 лет	48	5,6%
19–20 лет	72	8,4%
21–25 лет	562	65,2%
26–30 лет	163	18,9%
31–40 лет	5	0,6%
41–50 лет	1	0,1%
После 50 лет	0	0,0%
Все равно	6	0,7%

В качестве относительно нового элемента семейного поведения можно отметить высказанные суждения, свойственные 0,5% опрошенных студентов, о выборе судьбы холостого человека. Если ранее статус одиночки в общественном мнении объяснялся сложившимися обстоятельствами жизни, и было трудно представить, что кто-то не желает завести семью, то в современной жизни сознательный отказ от семейно-брачных отношений имеет тенденцию к расширению, как в мировом, так и в российском масштабах.

«Золотое десятилетие» детерминирует и репродуктивную модель современной образованной молодежи. Так, примерно, столько же респондентов, как и в случае с выбором периода вступления в семейно-брачные отношения, отметили этот же возраст, как наиболее благоприятный для рождения первого ребенка — 80,2% (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов по наиболее благоприятному возрасту для рождения первого ребенка (число ответов, %) *

Какой возраст, на Ваш взгляд, наиболее благоприятен для рождения первого ребенка ?	Число ответов	%
Никакой	0	0,0%
до 16 лет	0	0,0%
16–18 лет	4	0,4%
19–20 лет	52	5,4%
21–25 лет	554	57,4%
26–30 лет	220	22,8%
31–40 лет	30	3,1%
41–50 лет	3	0,3%
после 50 лет	0	0,0%
все равно	1	0,1%
нет ответа	101	10,5%
	965	100,0%

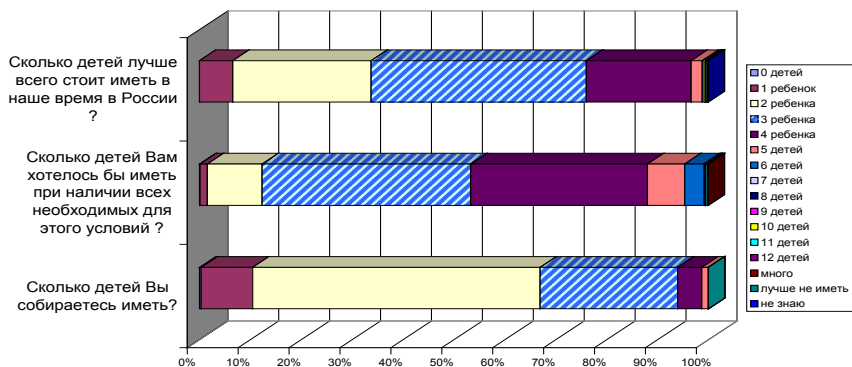
* Некоторые респонденты давали в ответах несколько вариантов временного интервала.

Примерно, каждый двадцатый респондент считает, что первого ребенка следует рожать раньше этого периода (в 19–20 лет), и лишь 3,4% респондентов выбирают более старший возраст (31 год и старше). Неопределенность представлений о возрастной модели семейно-брачной и репродуктивной сферы очень мала. Ответившие «все равно» или не ответившие на вопрос составляют малую часть. Поэтому можно сказать, что у молодежи, стремящейся к

получению высшего образования, имеются четкие представления о возрасте, когда нужно реализовать семейно-брачные и детские установки. И этот возраст приходится на «золотое десятилетие». Вместе с тем, именно период «золотого десятилетия» в демографическом плане является и периодом, когда молодое поколение приобретает высококвалифицированную профессию, находится в поисках работы или приобретает трудовой опыт, стремится к самостоятельной жизни, «отрываясь» от родительской семьи, выстраивает или осуществляет планы на отдельное жилье. Поэтому этот период является решающим и по отношению к другим аспектам жизни молодежи. Концентрация многих событий, целей, планов в этот возрастной период для молодого поколения и обуславливает формирование конкуренции между задачами этого периода жизни. Поэтому в отсутствии или недостаточной поддержки со стороны государства молодежи в отношении формирования у нее семейно-брачных и репродуктивных планов, они могут быть «подавлены» мотивацией в других сферах молодежной жизни. Карьера, путешествия, второе образование, собственное жилье, материальное благополучие становятся более привлекательными ориентирами в жизни современной молодежи. В связи с этим меры государственной поддержки молодой семьи должны иметь более сбалансированный характер, учитывающий «нелинейность» молодежной мотивации.

Модель детности, которая выявляется в ходе исследовательского опроса студенческой молодежи, имеет абстрактный, идеальный и проективный аспект (диаграмма 3).

Диаграмма 3. Распределение ответов респондентов о числе детей (%)

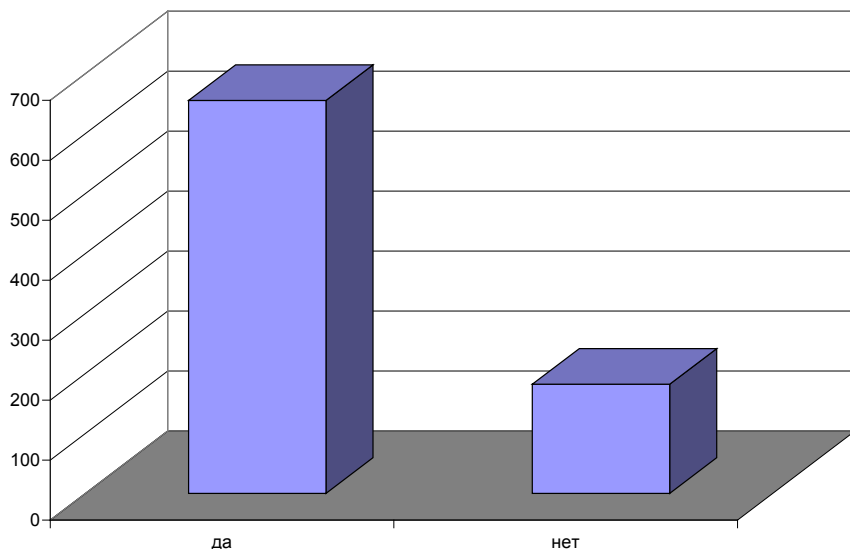
Если мы посмотрим на распределение ответов студенческой молодежи и обозначим в качестве критерия число детей равное

трем и больше, то окажется, что в абстрактном плане (то есть, не применительно к персональной мотивации каждого респондента, а, вообще, в сегодняшних условиях России) доля молодежи, которая предположила, что лучше иметь три и больше ребенка составляет почти 66%. Предполагают стать многодетными родителями (проективный аспект) только 33,1%. А вот, если бы были созданы все условия для создания семьи и детей, то тогда (в идеальном аспекте) многодетными родителями могли бы стать почти 88% респондентов.

Следует учитывать, что в исследуемой когорте, примерно, 04% — 0,5% — это лица, которые не собираются иметь ни одного ребенка. Сознательный отказ от детей, и, как было отмечено в вышеуказанном тексте, отказ от семейно-брачных отношений, является крайним случаем, когда потребность в семье и детях абсолютно подавляется потребностями иного характера. Такому «замещению» способствует все развивающиеся соблазны общества потребления, навязываемые модели необременительной жизни, ряд из которых имеют превратный характер. Например, все больше апологетов приобретает, так называемое «Общественное экологическое Движение за Добровольное Исчезновение Человечества» более известное как VHEMT. Идеология этого движения опирается на постулат о том, что рост человечества вышел из-под контроля и поэтому для его ограничения необходимо сознательно отказаться от потомства. Ему соответствует и явление фричайлд, полемика о смысле которого расширяется на российской почве. Можно вспомнить и о движении «Нулевого роста населения», известного еще с 1970-х годов. Антинаталистские взгляды периодически актуализируются в глобальном масштабе, особенно, при обострении социально-экономического положения семей с детьми в кризисной ситуации. Не избежало такой полемики и некоторых сдвигов в репродуктивном поведении и российское общество, которое все-таки пока продолжает сохранять в своем большинстве традиционные принципы отношения к детям и семейно-брачным отношениям.

Если мы посмотрим на результаты социологического опроса (диаграмма 4), то станет ясно, что большинство респондентов (88%) признает необходимость более существенной поддержки государством многодетных семей. Но в то же время каждый пятый респондент считает, что многодетные семьи не могут быть в исключительно плохом положении относительно семей с меньшим числом детей.

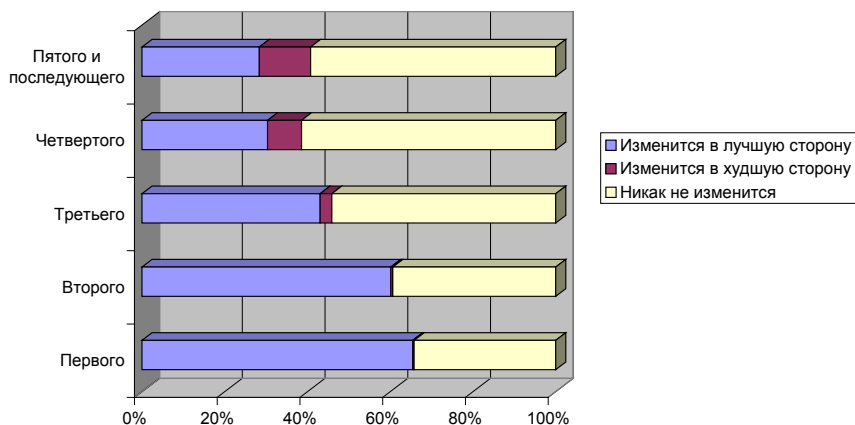
Диаграмма 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Ответьте, пожалуйста, стоит ли поддерживать многодетные семьи в БОльшем объеме, чем семьи с одним или двумя детьми?»

Эти данные демонстрируют некоторое «расслоение» общественного мнения в отношении непререкаемой «ценности» детей, что связано, во-первых, с особенностями современной реализации потребности в детях в России, когда любой ребенок (даже первый) существенным образом снижает уровень материального благополучия семьи, во-вторых, с усилением экономических и социальных различий российского общества, когда относительно более благополучные семьи в экономическом плане наделяются одинаковой поддержкой с менее благополучными, или наоборот. Это провоцирует возникновение «чувства несправедливости» по отношению к равнодоступным мерам государственной поддержки.

Любопытными являются результаты опроса молодого образованного поколения в отношении семей с изменяющейся очередностью детей (диаграмма 5).

Диаграмма 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Изменится ли Ваше отношение к семьям Ваших знакомых, друзей, соседей после рождения в них очередного ребенка?»

Если мы оценим результаты ответов респондентов на вопрос о том, как изменится отношение молодых респондентов к появлению у друзей, знакомых, соседей первого и второго ребенка, то увидим, что большинство (65% и 60%) из них высказались о положительных эмоциях, и их отношение улучшится. Но, начиная с появления третьего ребенка, эта часть респондентов сокращается, проявляется более нейтральное отношение и усиливается негативное. То есть, наблюдается усиление нейтральной и негативной реакции, связанной с прямопропорциональной корреляцией с ростом числа детей в семьях. Поэтому развитие многодетности в России требует значительного внимания к формированию позитивного отношения к семьям с тремя и большим числом детей, особенно в среде молодого поколения, определяющего будущее демографического развития.

Вместе с тем, исследование продемонстрировало, что потенциал традиционных ценностей в семейно-брачной сфере у молодого поколения, относящегося к среднему классу еще достаточно высок. Высокообразованная молодежь характеризуется пониманием того, что демографическое развитие России должно базироваться на принципах укрепления семьи. Так, например, по данным диаграммы 6 заметно, что наибольшее позитивное влияние на формирование российских семей и воспитание в них детей оказывают многолетние и традиционные браки (91,3% и 83,1% соответственно). Отметим также, что на взгляд молодого поколения,

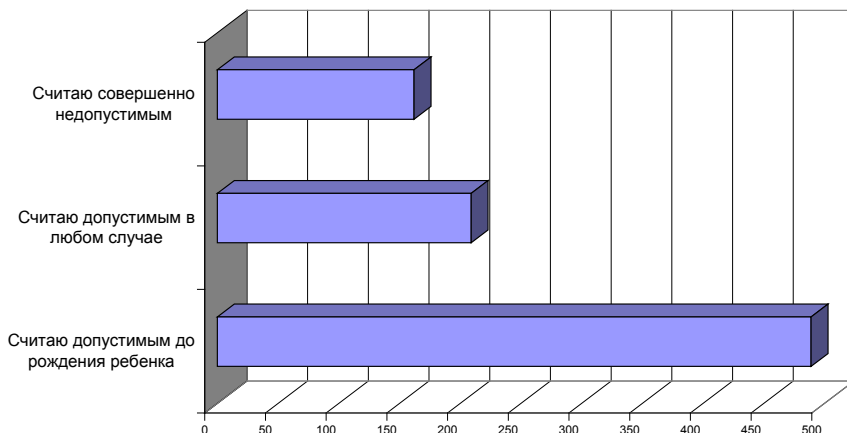
воспитание приемных детей также позитивно влияет на демографическое развитие страны (63,3%).

Диаграмма 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, влияют следующие явления на формирование российских семей и воспитание в них детей?»

Напротив, наиболее негативное влияние, по мнению студенческой молодежи, на семейную сферу оказывают частые краткосрочные браки (91,9%), нетрадиционные браки (77,2%), фиктивные браки (75,2%), неполные семьи (63,7%), открытые браки (62,8%). Наибольшую нейтральную оценку для семейной сферы получили следующие позиции: наличие сводных детей в семьях (60,7%), этнически смешанные браки (59,4%), браки между представителями различных религий (57,0%), наличие мачехи или отчима (55,1%), суррогатное материнство (51,6%). Достаточно нейтрально оценены и стремительно развивающиеся в среде молодых семей гражданские браки (48,4%). Такую «толерантность» к супружеским отношениям вне официальной регистрации подтверждают и результаты опроса, указанные в диаграмме 7.

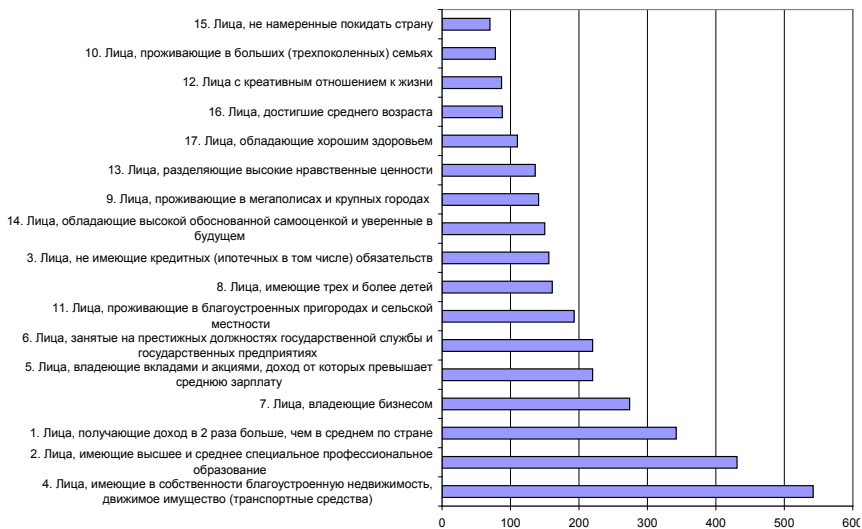
Диаграмма 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к совместной жизни вне зарегистрированного брака?»

Почти каждый четвертый респондент считает супружеские отношения вне зарегистрированного брака совершенно нормальной практикой в современный период. Более половины (56%) молодого поколения считает гражданский брак уместным до рождения ребенка. И только меньшинство респондентов (18,8%) категорически настроено против семейных отношений без формального их оформления.

Специальным вопросом разработанной анкеты для интеллектуальной молодежи стал вопрос том, кого, с точки зрения молодого поколения, можно отнести к среднему классу в развитом государстве? Ответы на него продемонстрированы в диаграмме 8.

Диаграмма 8. Ответы респондентов на вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, может быть отнесен к среднему классу в развитом государстве? (отметьте не более пяти наиболее важных признаков)?»

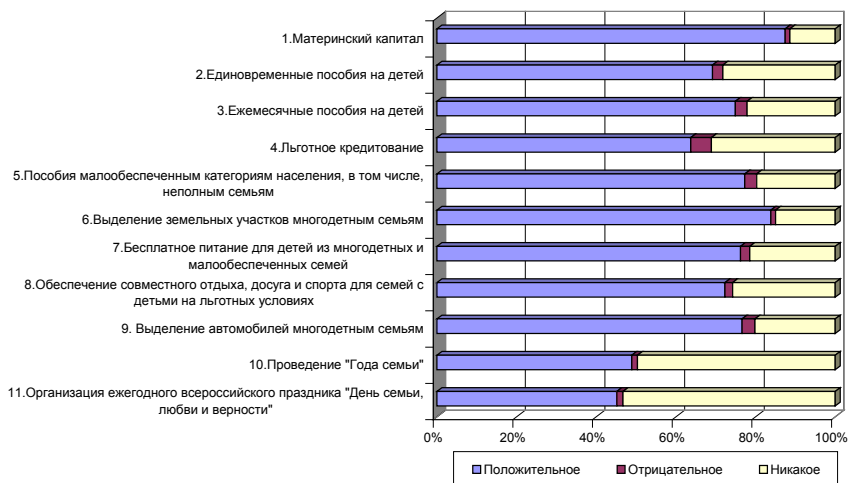
Это было связано с необходимостью выяснить, какую роль играет семейно-брачная и репродуктивная сфера в совокупности признаков, определяющих значимое для социальной структуры общества понятие среднего класса. Определение «среднего класса» самым непосредственным образом связано с понятием «качество населения», так как способность воспроизводить следующие поколения не должна ограничиваться лишь численными (количественными) параметрами. Воспроизводство на качественном уровне будущих поколений должно, если и не повышать их социальный статус, то, хотя бы не снижать его. Поэтому поколения родителей, относящих себя к среднему классу, по крайней мере, стремятся наделить этим статусом и своих детей. А значит, если средний класс является основой благополучного общества, то его воспроизводство в будущих поколениях должно иметь расширенный характер. Напротив, при суженном воспроизводстве среднего класса общество обречено на ускоренное расслоение населения, снижение его качественных характеристик. Поэтому было важно выяснить, как признаки семейного свойства «вписываются» в структуру признаков среднего класса в представлениях молодого поколения.

Из диаграммы 8 видно, что, на взгляд, студенческой молодежи (которая, напомним, в большинстве своем отнесла себя к сред-

нему классу) наиболее желанные характеристики с точки зрения демографического развития — многодетные и большие семьи не входят в приоритетные признаки среднего класса. О том, что таких представителей можно квалифицировать в качестве среднего класса, указали лишь 18,7% и 9,1% соответственно. Главными признаками среднего класса опрошенные студенты назвали: наличие в собственности благоустроенной недвижимости, движимого имущества (транспортного средства) (63,0% респондентов) и высшее и среднее специальное профессиональное образование (50,1% респондентов). Более 30% опрошенных студентов считают, что к среднему классу относятся лица, получающие превышающий в 2 раза, чем в среднем по стране доход и лица, владеющие бизнесом. Четвертая часть молодого поколения к среднему классу относят «рантье», то есть, тех, у кого доход от вкладов и акций сопоставим со средней заработной платой по России в целом. Примерно столько же респондентов признают, что к среднему классу в России можно отнести и лиц, занятых на престижных должностях государственной службы и государственных предприятиях. Поэтому можно констатировать, что «образ» представителя среднего класса у молодого поколения ассоциируется преимущественно с материальными благами, высококвалифицированным образованием и престижной должностью. Число детей кратное трем и больше, а также наличие большой многопоколенной семьи в представлениях молодежи не является атрибутом статусного признака среднего класса. То есть, модель детности и модель состава семьи почти исключены из современной модели российского среднего класса.

С позиций студенческой молодежи почти все используемые меры государством для демографического развития оцениваются большинством с позитивной точки зрения (диаграмма 9). Но степень этой позитивной оценки некоторым образом различается.

Диаграмма 9. Какое влияние, с Вашей точки зрения, на демографическую ситуацию в стране оказывают следующие меры государственной политики

Самой популярной мерой государственной политики для улучшения демографической ситуации в России является «материнский капитал», на положительную роль которого указали 87,4% респондентов. Вторая по значимости мера демографической политики — это выделение земельных участков многодетным семьям, о важности которой высказались 83,8% опрошенных. От 70% до 80% респондентов заявляют о важности следующих мер:

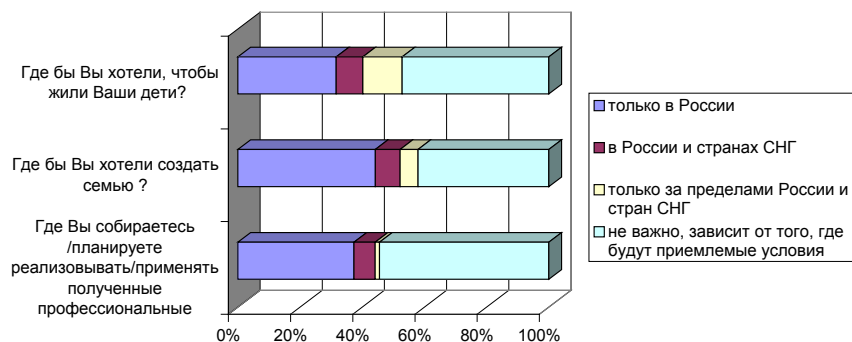
- Пособия малообеспеченным категориям населения, в том числе, неполным семьям;
- Выделение автомобилей многодетным семьям;
- Бесплатное питание для детей из многодетных и малообеспеченных семей;
- Ежемесячные пособия на детей;
- Обеспечение совместного отдыха, досуга и спорта для семей с детьми на льготных условиях.

От 60% до 70% респондентов положительно оценили в качестве мер государственной политики единовременное пособие на детей и льготное кредитование. А вот мероприятия, которые связаны с пропагандистским аспектом демографической политики — проведение «года семьи» и организация ежегодного всероссийского праздника «День семьи, любви и верности» отмечены меньше половины респондентов. Последний факт, очевидно, связан с двумя причинами. Во-первых, можно указать на то, что эффективность пропагандистской деятельности в сфере демографического раз-

вития в настоящее время недостаточна из-за отсутствия научных разработок в социальной рекламе и ее относительно небольшого срока действия. Во-вторых, современное молодое поколение формирует в себе прагматический подход к событиям собственной жизни, в том числе и в семейно-брачном и репродуктивном поведении. Поэтому оценка респондентами мер рекламно-пропагандистского характера, возможно, реализованных не на высоком уровне, и оказалась не столь высокой.

О прагматизме современной молодежи можно судить и по данным опроса, продемонстрированных в диаграмме 10. Заметим, что лишь меньшая часть студенческой молодежи выбирает территорию России в качестве страны реализации своих профессиональных планов (37,4%). Еще меньше — 31,6% хотели бы, чтобы в России жили их дети. Но создать семью именно в России желали бы 44% респондентов. О приоритете необходимых условий, независимо от территории, высказалось большее число респондентов: 54,4% в случае выбора места применения трудовых профессиональных навыков; 47,2% в случае выбора места жизни для поколения детей; 42,1% в случае выбора места создания семьи.

Диаграмма 10. Распределение ответов респондентов на вопрос о намерениях

Это свидетельствует о том, что современное молодое поколение испытывает серьезное давление на установки ментального свойства. И хотя в них присутствуют существенные элементы традиционного характера, прагматические рассуждения «дают о себе знать». Поэтому возможны перспективы того, что, создав семью в пределах территории России, при отсутствии необходимых условий жизни и реализации профессиональных целей, молодое поколение будет настроено на эмиграцию уже не по одиночке, а семьями.

Ксенофонтов В.Н.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Ксенофонтов В.Н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ,
доктор философских наук, профессор

Человеческая цивилизация в своем поступательном развитии вступила в XXI век. Вместе с тем историзм мышления объективно требует от народов планеты не забывать, что ее нынешнее развитие, несмотря на сложности и противоречия, было обеспечено Великой Победой Советского Союза над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны.

Путь к победе достался нашей стране нелегко. В борьбе за защиту Отечества и освобождение стран Европы от нацизма погибло 28 млн советских людей. Именно СССР вынес основную тяжесть всей Второй мировой войны, а его воины водрузили знамя Победы над поверженным Рейхстагом в Берлине.

К числу поколения победителей по праву относится и автор книги «Негасимое пламя Великой Победы» известный ученый, философ, заслуженный деятель науки РСФСР, Лауреат государственной премии СССР, генерал-майор Тюшкевич С.А.

Вышедший в свет его фундаментальный труд¹ представляет глубоко обоснованный и содержательный синтез взвешенных и аргументированных теоретических положений и многолетнего боевого и практического жизненного опыта автора.

В книге, написанной на основе единства исторического и логического подхода, анализируется генезис Великой Отечественной войны, ее онтологические основы, исследуются аксиологические императивы, характеризуются социальные основы Великой Победы и перспективы развития в условиях противоречий глобализирующего мира XXI века.

Следует подчеркнуть, что в современных условиях, когда ряд отечественных исследований наряду с зарубежными представителями «исторического фронта» пытаются принизить и исказить величие Победы Советского Союза над германским фашизмом в годы Второй мировой войны, книга генерал-майора, доктора фи-

¹ Тюшкевич С.А. Негасимое пламя Великой Победы. М.: Проспект, 2013. 320 с.

лософских наук С.А. Тюшкевича, во-первых, вскрывает несостоятельность фальсификаторских взглядов и, во-вторых, убедительно обосновывает характер, социально-политическую сущность и диалектику Великой Победы.

В работе на обширном историческом и фактологическом материале обстоятельно доказывается, что прошлые справедливые войны, которые вела наша страна и народ, прочно остались в общественном сознании, являясь примером духовного единства народа и армии в справедливой борьбе с иноземными захватчиками. Именно к таким войнам, их справедливому характеру и победному итогу, как раскрывает автор, относятся ряд из них. Это: разгром в 1242 г. под руководством князя Александра Невского рыцарей Ливонского ордена, победа русских войск под предводительством Дмитрия Донского в 1380 г. на Куликовском поле над татаро-монгольскими полчищами, уверенная победа русских войск, руководимых Петром I, над шведами под Полтавой в 1709 г., Отечественная война 1812 г. под предводительством М.И. Кутузова, приведшая к разгрому Наполеона.

Эти и последующие вооруженные сражения, как отмечает С.А. Тюшкевич, в которых русские воины совершили подвиги, защищая Отечество, способствовали обеспечению национальных интересов России и оказывали помощь другим народам. «Русский смотрит, — указывал философ А.С. Хомяков, на все народы, размежеванные в бесконечные границы Северного царства, как на братьев своих... Мы будем, как всегда и были, демократами среди прочих семейств Европы; мы будем представителями чисто человеческого начала, благословляющего всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное»¹.

Творческий подход С.А. Тюшкевича к исследованию философии Великой Победы рельефно проявился в рассмотрении и авторской трактовке сущности и особенностей Великой Отечественной войны. При этом в методологическом плане, с нашей точки зрения, важным является то, что предварительно в научном труде характеризуется философское осмысление сущности войны. Оно складывается из двух компонентов. Во-первых, — из политики, порождающей войну как средство разрешения общественных противоречий, определяет ее цели, социально-политический и военно-стратегический характер; оказывает решающее воздействие на общество обеспечивает достижение поставленных целей. Во-вторых, из вооруженной борьбы, ее хода, а также способности об-

¹ Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1915. С. 107.

ратного воздействия на политику. Нередко именно вооруженная борьба способна заставить пересмотреть не только политические цели, но и всю внутреннюю и внешнюю политику воюющих сторон (или одну из них).

В книге, в этой связи обращается особое внимание на то, что достаточно полная и всесторонняя оценка социально-политического характера Великой Отечественной войны была раскрыта в речи Председателя Совета Народных Комиссаров, Председателя ГКО И.В. Сталина. (3.07.1941)

Заметим, при этом, в литературе научного характера последних лет данный важный исторический факт либо замалчивается, либо недооценивается. Между тем, в речи И.В. Сталина, как характеризуется в книге, доходчиво объяснялась необычность Великой Отечественной войны, показана ее высшая историческая, социальная и гуманитарная справедливость.

Процессы, происходящие в духовной жизни современного российского общества, особенно в отношении исторического прошлого, связанного с Советским Союзом, характеризуется зачастую некорректно и даже антиисторично. Это положение, по нашему мнению, относится в значительной мере и к трактовке, например, рядом СМИ деятельности Верховного главнокомандующего, полководцев и народных масс в годы Великой Отечественной войны.

Отсюда весьма актуальное значение приобретает объективная оценка характера Великой Отечественной войны. Такая оценка приобретает аксиологическую значимость в наше время как для всех социальных слоев России, так и для молодежи в особенности.

Исходя из содержания рецензируемого труда, следует подчеркнуть его когнитивную значимость в рассмотрении этой актуальной проблемы. В сжатом виде она нашла емкое отражение, на наш взгляд, в книге автора в следующих положениях: определение характера вынужденной войны по ее политическим целям как Отечественной, освободительной народной; осознание советским народом социально-политической опасности такого явления как фашизм; понимание им защиты создания нового общества, следуя принципам социального равенства и социальной справедливости; глубокого осмысления советским народом и армией опасности захватнических целей гитлеровской Германии, направленных на уничтожение СССР, и на лишение его народов национальной самостоятельности, на физическое истребление, осознание советским народом своей исторической миссии, в защите интересов не

только Советского Союза, но и народов других государств, всего человечества.¹

В этом плане, исходя из реалий Великой Отечественной войны и ее последующих цивилизационных последствий, нельзя забывать освободительной миссии Красной Армии. Она, как отмечается в книге, реализовалась в том, что Вооруженные Силы Советского Союза в результате разгрома германских и японских войск полностью или частично освободили территорию 11 стран Европы общей площадью более 1000 кв. км с населением более 110 млн человек и частично территории стран Азии общей площадью более 1500 тыс. кв. км с населением около 60 млн человек.

Автором глубоко исследована такая актуальная проблема как диалектика военной победы в Великой Отечественной войне. Ее анализ представлен в трех взаимосвязанных концептуальных положениях: военной деятельности как доминирующем средстве победы; превосходства стратегического руководства Советского государства над противником в решающих сражениях Великой Отечественной войны; в обосновании единства действий в интересах победы и силы государств антигитлеровской коалиции.

В этом разделе книги С.А. Тюшкевич вскрыл и обосновал положение о критерии оценки победы над фашизмом в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Он справедливо отметил, что многие авторы допускают ошибки, ведущие к теоретическим и методологическим просчетам, не делая различия между ценой войны и ценой победы в ней. Он доказывает в книге, что цена победы не тождественна цене войны, а представляет лишь ее часть, но часть особенную. Она выражает и обретение, и издержки борьбы народа и его армии против сильного врага, то есть прежде всего военную победу. Применительно к Советскому Союзу цена его победы с фашистской Германией — это достижение им политических и военных целей Великой Отечественной войны. Автором в этой связи всесторонне охарактеризовываются военно-политическое значение битвы за Москву, Сталинградской битвы, сражения на Курской дуге и проведение операции «Багратион», связанной с освобождением Белоруссии.

Вместе с тем в книге обращается внимание на ошибки и просчеты стратегического характера в деятельности Ставки ВГК. Так, неподготовленное наступление войск Юго-Западного фронта весной 1942 закончилось крупной неудачей под Харьковом, что повлекло за собой тяжелые потери.

¹ См.: Тюшкевич С.А. Негасимое пламя Великой Победы. М.: Проспект, 2013. С. 40–41.

Заслуживают внимания, по нашему мнению, положения книги С.А. Тюшкевича по вопросу критериальной характеристике личности полководца. Ее суть сводится к способности к максимальной продуктивной работе мысли полководца в условиях чрезвычайной опасности и больших перегрузок. Обладающий таким талантом, он способен в нужный момент извлечь из своей памяти необходимые знания и своевременно применить их на практике.¹

Исходя из выдвинутой концепции, автор справедливо считает, что не каждый военачальник может считаться полководцем. При этом, давая характеристику некоторым полководцам, С.А. Тюшкевич выделяет в особый ряд таких из них, как Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, И.В. Сталин.

В книге убедительно доказывается, что, несмотря на определенный вклад в борьбу с немецко-фашистскими войсками Вооруженных Сил США и Англии, решающим вкладом в Победу над фашистской Германией явились успехи на полях сражений Красной Армии. Именно в ходе определяющих битв и сражений Советские Вооруженные Силы уничтожили основную массу войск и военной техники противника — 73% личного состава, 74–75% танков, артиллерии, авиации и т.д. «Тем самым, — констатирует С.А. Тюшкевич, — военная машина фашизма была разбита, а в месте с ней рухнул государственный строй нацистской Германии».²

В труде, при анализе онтологии Великой Победы, автор сконцентрировал внимание на трех определяющих ее факторах: духовном (превосходстве коммунистического мировоззрения); социальном и гуманистическом содержании победы, ее геополитическом смысле.

С.А. Тюшкевич, раскрывая духовные основы Великой Победы, глубоко и разносторонне показал их проявление в борьбе советских людей в годы войны. Особое внимание он уделил идеологии ценностей, сформированных и осознанных советскими людьми, в том числе и воинами.

Именно их осознание, как отмечается в книге, ярко проявилось в подвиге защитников Ленинграда. Длительная блокада города на Неве не сломила его жителей, он сопротивлялся и боролся. Обобщая героическую эпопею Ленинграда, автор справедливо отмечает: «Для народов Советского Союза в имени Ленинграда вмещалась как его история, так и все жизненно важное для настоящего и будущего: свобода, независимость, Родина, семья, работа, долг, ненависть к врагу и непреодолимая вера в победу».³

¹ Указ. соч. С. 94.

² Указ. соч. С. 110.

³ Указ. соч. С. 117.

В работе раскрываются достаточно аргументировано и убедительно перспективы развития современной России в условиях сложной международной обстановки. Замысел автора под общим названием раздела книги «Уроки Великой войны и Великой Победы» реализовался через рассмотрение связанных между собой таких проблем, как исторический оптимизм и историческое возмездие; предательство идеалов Великой Победы и социальной справедливости; императивы сохранения исторического смысла Великой Победы.

Высокий дух победителей, как раскрывается в книге, проявился в созидательном труде советских людей в первые после окончания войны годы. Уже к середине 50-х годов XX в., как пишет С.А. Тюшкевич, был восстановлен и превзойден промышленный потенциал, ожило сельское хозяйство. В области образования, науки и культуры СССР сделал огромный шаг вперед: он первым проложил дорогу в космос, Советский Союз стал второй сверхдержавой.

в книге достаточно подробно исследуются причины предательства идеалов Великой Победы, вскрывается характер «холодной войны» и ее пагубные последствия для СССР, обосновываются негативные результаты перестройки в стране.

В этом разделе труда подчеркивается идея о том, что историческое событие — победа Советского Союза над германским фашизмом прочно вошла в сознание всех поколений нашего народа. Однако в информационной войне, как со стороны зарубежных СМИ, так и ряда российских, как в недалеком прошлом, так и в настоящее время, постоянно вырисовываются стремления исказить правду о подвиге советского народа и Красной Армии, настойчиво внедряются понятия и образы, принижающие и оскорбляющие чувства вооруженных защитников нашей Родины.

Несмотря на такого рода инсинуации и преднамеренную ложь о значимости Великой Победы, автор убежден в объективной истине о ней. ее суть в том, что «историческая память о Великой Отечественной войне, победе над фашизмом выступает структурообразующим элементом духовного настроения народа, фактором его сплочения и мобилизации на преодоление имеющихся недостатков в жизни, на решение стоящих перед ним задач»¹.

Автор, исследуя проблему эволюции международных отношений в современном мире, дает развернутую характеристику появлению новых угроз безопасности, в том числе: распространение ядерного оружия на планете, расширение НАТО на Восток, изме-

¹ Указ. соч. С. 204.

нение функций военной силы, непомерный рост военных расходов ведущими государствами планеты и др. Вместе с тем С.А. Тюшкевич обращает внимание и обстоятельно характеризует тезис о том, что в современную эпоху предотвращение войны — императив народов, а разумная достаточность для обороны — представляет собой магистральный путь реализации этой исторической задачи.

Развивая положения по вопросу понятия и содержания «разумной достаточности», автор в книге обращает внимание на важный философско-социологический аспект. Его суть сводится к тому, что в ядерный век надежная безопасность государства может обеспечиваться не просто военными средствами, но и рациональным сочетанием политических, военных, экономических, идеологических, гуманитарных и др. В этой связи известный ученый обосновано отмечает несостоятельность представлений об обороне США, в основе которой лежит концепция жизненных интересов в различных районах земного шара, т.е. претензии на гегемонию в мире. В отличие от такой концепции у России представление об обороне связано с защитой ее территории и суверенитета. В книге акцентируется внимание на том, что разумная достаточность для обороны государства не требует создания таких Вооруженных Сил, перед которыми стояла задача противостоять суммарным силам всех потенциальных противников. Такая гипотетическая задача, считает С.А. Тюшкевич (и с ним следует согласиться), нереальна, ибо конфронтация со всеми потенциальными противниками ведет к подрыву экономики страны.

Необходимо отметить, по нашему мнению, весьма важный аксиологический аспект книги С.А. Тюшкевича. Так, раскрывая уроки Великой войны и Великой Победы, он в особый ряд выделяет идеологическую победу, одержанную СССР над гитлеровским фашизмом. К сожалению, в отечественной научной и публицистической литературе данная проблема либо замалчивается, либо преподносится искаженно и предвзято.

Вот почему объективный анализ сущности, содержания и специфики идеологического фактора Великой Победы, разносторонне раскрытый в рецензируемой книге, полагаю, будет с интересом встречен читателями. Автор в этой связи выделяет и характеризует определяющие критерии в системе идеологической победы нашей страны над фашистской Германией.

При этом доминирующим среди них связан с тем, что социализм, соединил в себе передовую, прогрессивную, научную идеологию и высокие моральные качества советских людей с их прак-

тическими боевыми и трудовыми действиями в годы Великой Отечественной войны.¹

В книге, на наш взгляд, обосновывается важная проблема обеспечения мира между государствами в условиях динамики политических отношений между ними. Ее содержание, по мнению С.А. Тюшкевича, выражается в том, что прежние принципы военно-стратегического паритета (80-е годы XX в.), которые исповедовали США и СССР, в условиях наступившего XXI в., должны замениться концепцией «коллективного реалистического сдерживания» (или «динамической стабильности»), основанной на оптимизации оборонных усилий, переоценке характера и масштабов угроз и опасностей, путей противодействия им.

Автор, развивая эти актуальные теоретико-практические проблемы современных международных отношений, дает характеристику категории «стратегическая стабильность». При этом в работе с инновационных позиций исследуются три доминирующих ее состояния. Первое — равновесие сил, при котором у каждого государства отсутствуют мотивы и стремления нарушить существующую или прогнозируемую ситуацию. Второе состояние: устойчивость стратегической стабильности, при которой важно не быть чувствительным к незначительным изменениям ситуации как с одной стороны, так и с другой. Третье состояние может быть таким, которое приемлемо или выгодно всем государствам — участникам, взаимодействующим в этом процессе.

Обобщая положения в области трактовки стратегической стабильности, С.А. Тюшкевич обращает внимание на то, что она — ключевой фактор военной безопасности в современном мире.

В книге рассмотрение военной безопасности для России в условиях изменяющихся политических международных отношениях, как справедливо пишет автор, неразрывно связано с осмыслением и научным теоретико-методологическим обоснованием ряда ключевых проблем. К ним относятся: философская трактовка комплекса вопросов, относящихся к войне, системное обоснование современной военной теории, место и роль военной науки в оценке эволюции военных опасностей и угроз.

Раскрывая их взаимосвязь, автор обращает внимание на необходимость исторической преемственности этой проблемы, насущную потребность ее развития в современной России. С.А. Тюшкевич убедительно, на наш взгляд, развивает два важных положения.

¹ См.: Указ. соч. С. 254.

Во-первых, научное философское понимание войны и армии способствовало преодолению недостатков в понимании военно-стратегического характера Великой Отечественной войны, разработке теоретических положений и практических рекомендаций, обеспечивших в ней Победу СССР над фашистской Германией.

Во-вторых, в послевоенные годы философское учение о войне и армии способствовали достижению ядерного паритета между СССР и США, обеспечению стратегической стабильности.

Вместе с тем автор, по нашему мнению, справедливо отмечает, что в современных условиях попытки «инновационного» подхода ряда исследователей «подправить» творческие, научные положения о войне и армии не способствуют приращению знания, а, напротив, тормозят его. Эти и другие негативные явления, связанные прежде всего с отходом от диалектико-материалистического анализа войны и армии сказались, как подчеркивается в книге, на состоянии в целом военной науки, не в полной мере отвечающей современным требованиям, а отдельные ее положения, выгоды и рекомендации устарели.¹

С.А. Тюшкевич, учитывая сложившуюся тревожную ситуацию с состоянием военной науки в России, ставит вопрос о необходимости ее изучения военными кадрами в военных ВУЗах. Им же предложены, с нашей точки зрения, обоснованные магистральные направления ее изучения. Их суть сводится к трем уровням знаний. Первый — это представления о проблеме мира и войны, о военной силе, ее месте и роли в политике, системе общественных отношений. Второй уровень — представляет концепции и взгляды на вооруженную борьбу, вооруженные силы как средство ведения войны. Третий уровень включает специальные теории и научные дисциплины, анализирующие отдельные стороны военной практики.

Нельзя не согласиться с тем, что изучение этих основ даст возможность военным кадрам армии России лучше понять, что отечественная военная наука формировалась и развивалась под определенным влиянием своего государства с учетом всего передового, что было достигнуто мировым сообществом.

С.А. Тюшкевич, опираясь на философские категории общее и особенное, справедливо пишет, что развитие военной науки — это часть фундаментальной проблемы современной России, приоритетами которой являются развитие культуры, науки и образования. Именно эти слагаемые, составляют духовные основы общества, а их развитие способно привести современную Россию в лидеры

¹ См.: Указ. соч. С. 312.

мирового сообщества быть авангардом в системе мощных государств планеты.

В заключение хочу с большим удовлетворением и глубоким чувством признательности к известному ученому Степану Андреевичу Тюшкевичу отметить, что его фундаментальный труд об истоках, становлении и месте Великой Победы в историческом процессе и судьбах народов планеты найдет своего вдумчивого читателя. Уверен, что книгу с большим интересом прочтут как поколение победителей в Великой Отечественной войне, так и поколение современной российской молодежи, которая не слышала как грохота оружейных ее залпов, так и долгожданного салюта Великой Победы. Но именно она, вдумчивая и патриотично настроенная молодежь России, должна бережно хранить негасимое пламя Великой Победы, завещанное старшим поколением, участниками Великой Отечественной войны, в шеренге которого был и остается ее активный боец и летописец С.А. Тюшкевич.

Макарова Л.В.

О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО МИГРАЦИОННОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ: МИРОВЫЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Макарова Людмила Вячеславовна, к.э.н., ведущий научный сотрудник
Центра социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН

В октябре 2013 г. в Москве под эгидой проекта «Миграционные мосты в Евразии» состоялась международная конференция «Трудовая миграция в Российской Федерации: предотвращение трудовой эксплуатации, стимулирование социально-экономического развития, совершенствование регулирования». Конференция была организована Центром социальной демографии и экономической социологии института социально-политических исследований Российской академии наук. Она стала уже традиционной, так как проводится ежегодно, начиная с 2009 г.

Проблемы, поставленные в повестку дня конференции, заинтересовали ученых и экспертов из 32 стран и привлекли более 200 участников, в том числе из России, ряда других государств постсоветского пространства, а также исследователей стран Европы, Азии, Америки и Австралии.

Работа конференции, согласно тематике, проходила в рамках семи «круглых столов». Одна часть из них интегрировала рассмотрение теоретических и практических проблем, наиболее остро связанных с трудовой миграцией. Среди них: экономические и демографические эффекты и риски трудовой миграции для России и стран доноров; эксплуатация трудовых мигрантов на российском рынке труда, ее масштабы, способы противодействия и меры предупреждения; привлечение высококвалифицированных специалистов, учебных мигрантов и возвращение соотечественников в Россию.

Работа другой части круглых столов была посвящена анализу миграционных взаимосвязей между странами с различным уровнем социально-экономического развития, отличающихся культурными традициями, конфессиональной принадлежностью и т.д. Эти различия неизбежно порождают дополнительный клубок проблем и очаги напряженности в регионах вселения трудовых мигрантов.

Академик РАН Г.В. Осипов директор института социально-политических исследований РАН, возглавлявший организацию всех

проводившихся «миграционных мостов в Евразии», в своем выступлении акцентировал внимание на чрезвычайной актуальности и важности тематики данной конференции. Характеризуя современную миграционную ситуацию в России, а также меры, предпринимаемые государством в целях ее оптимизации, он подчеркнул, что в концепции регулирования миграции необходимо четко прописать сдержанную позицию в отношении привлечения иностранных трудовых мигрантов на основе прозрачной системы квотирования, когда квоты будут закреплены за конкретными работодателями, без права их «перепродажи». Он отметил, что, как показывает анализ и обобщение опыта регулирования трудовой миграции в различных странах мира, фундаментальной основой для формирования политики в отношении трудовой миграции из-за рубежа должно являться определение четких потребностей в рабочей силе. И они должны быть основаны, прежде всего, на экономических и геополитических интересах России. Поэтому, прежде чем определять политику в отношении привлечения иностранных трудовых мигрантов, необходимо представлять размеры этих потребностей и непосредственно увязывать их с перспективами социально-экономического развития нашего государства. Для того чтобы выработать в этом направлении внятную, с обоснованными критериями государственную политику, академик Г.В. Осипов предложил создать Научный совет по проблемам миграции.

К числу проблемных относятся вопросы, затронутые в докладе д.п.н. В.А. Волоха. Он так же, как и академик Г.В. Осипов, констатировал несовершенство действующей системы квотирования набора иностранных работников и ратовал за совершенствования дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы, что, в свою очередь, позволит обеспечить более гибкую систему рынка труда и адекватно оценить спрос и предложение на трудовые ресурсы.

Интересный и очень содержательный доклад о влиянии организованного набора как метода трудоустройства на социально-экономическое положение трудящихся мигрантов был представлен Ю.В. Мельничук (МОН). В нем были результаты мониторинга реализации оргнабора трудовых мигрантов из стран СНГ в Россию. Исследование проводилось в г. Москве и г. Екатеринбурге. Общие результаты исследования показали, что в перспективе трудовая миграция из регионов СНГ останется актуальной, а оргнабор может быть действенной альтернативой стихийной, неуправляемой трудовой миграции и защитить социальные и трудовые права иностранных работников в России.

Проблемы миграции в нашей стране исследуются как российскими, что вполне естественно, так и иностранными учеными. В этой связи отметим доклад проф. Ван Сяоцзюй (Китай), который проанализировал в историческом аспекте почти за 90 лет миграционную политику и демографическое развитие Дальнего Востока России.

Очень тревожной и крайне болезненной для современной России проблеме трудовой эксплуатации мигрантов был посвящен доклад член-корр. РАН С. В. Рязанцева, основанный на исследовании, проведенном по инициативе Целевой группы по борьбе с торговлей людьми Совета государств Балтийского моря и МИДа РФ в рамках проекта «АДСТРИНГО» и характеризующийся разносторонним информационным наполнением. В докладе рассматривается ситуация, сложившаяся в «мигрантских» секторах экономики, где активно эксплуатируется труд иностранной рабочей силы: строительство, торговля и общественное питание, сельское и лесное хозяйство, обрабатывающие отрасли промышленности, транспорт, сфера ЖКХ, домашнее хозяйство. Отдельное внимание автор уделит весьма распространенному использованию труда слабо социально защищенных групп мигрантов: женщин, несовершеннолетних подростков и детей, инвалидов. Анализ итогов этого исследования иллюстрирует тот факт, что трудовые мигранты в России, по большому счету, являются группой риска, которая подвержена активному вовлечению в торговлю людьми и трудовую эксплуатацию.

В тематике конференции нашли отражение и проблемы, связанные с привлечением в российские регионы из-за рубежа не просто трудовых мигрантов, а лиц, обладающих конкретными профессиональными навыками, в том числе и высококвалифицированных специалистов. Об опыте привлечения иностранной рабочей силы свидетельствуют, например, материалы исследователей из ХМАО, Краснодарского края и др. Авторы подобных исследований отмечают как положительные моменты, так и трудности, а то и отрицательные последствия такого привлечения. В частности, по мнению Бессоновой Т.Н. из г. Ханты-Мансийска в ХМАО фиксируется довольно низкая эффективность и результативность миграции, так как специалисты, охотно приезжающие в этот экономически развивающийся регион, сталкиваются с бытовой неустроенностью, отсутствием жилья, слабым развитием транспортной сети. В результате многие из них переезжают в более благоприятные регионы. Авторами исследования из г. Краснодара Е.В. Касьяновым и С.Н. Шаповаловым установлено, что привлечение для работы в

крае иностранных высококвалифицированных специалистов приобретает все большее значение в связи с реализацией крупных инвестиционных проектов. Но одновременно привлечение иностранных ВКС обостряет конкуренцию между отечественными и зарубежными работниками за места приложения труда, что создаст дефицит рабочих мест.

Заслуживают внимания и результаты исследований ученых из г. Барнаула Е.В. Тарасовой и Н.П. Гончаровой, основательно проанализировавших вопросы трудовой миграции в программе «Оказание содействия добровольному переселению в Алтайский край соотечественников, проживающих за рубежом» на 2013–2015 гг. В этой программе, по сравнению с действовавшей ранее, впервые предусмотрено оказание дополнительной поддержки специалистам, устраивающимся на вакантные места по отдельным профессиональным категориям (педагогам малокомплектных школ, социальным работникам, востребованным категориям специалистов в сфере здравоохранения), а также включение в программу мер помощи учебным мигрантам из числа соотечественников, трудовой и демографический потенциал которых впоследствии будет стимулировать развитие экономики и населения Алтайского края.

На конференции широко были представлены результаты исследований, касающихся теоретических и практических основ миграционного взаимодействия России со странами Центральной Азии. Теоретические аспекты этого взаимодействия нашли отражение в совместном докладе ученых из России и Финляндии (Рязанцев С., Вирккунен Й., Фрайер П.). Исходя из реалий существования Евразийской миграционной системы, авторы указывают на ее пространственную неоднородность, обусловленную комплексным действием нескольких факторов. К числу основных авторов доклада отнесены: культурно-исторический, инфраструктурно-географический, политический, социальный, экономический и демографический. Констатируя существование демографического диспаритета между Россией и странами Центральной Азии — с одной стороны, и формирование типичной миграционной модели, базирующейся на экономических предпосылках, обусловленных факторами «притяжения» и «выталкивания» — с другой, авторы, оценивая ближайшую перспективу развития и России и стран Центральной Азии, полагают, что последние будут оставаться наиболее вероятными миграционными донорами России.

«Проблемы миграционной политики России в контексте интенсивной миграции из Центральной Азии» — тема доклада к.э.н. Е.П. Сигаревой, в котором она аргументировано сформулировала

свою точку зрения на существование безвизового режима для мигрантов. Она полагает, что в результате в России наблюдается концентрация издержек, негативно влияющих на различные сферы общественно-политической жизни. К наиболее значимым издержкам автор доклада относит: усложнение организационных механизмов миграционного оборота через приграничные регионы, расширение потенциала малоквалифицированного труда, разрушение мотивации российской молодежи к производительному труду, увеличение иностранной составляющей в сфере преступности, особенно в столичных субъектах РФ, развитие коррупционных схем в отраслях экономики, активно использующих труд иностранных мигрантов, усугубление культурного расслоения и религиозного радикализма. Поэтому, для нивелирования накопившихся проблем, автор считает необходимым введение визового режима для государств, не присоединившихся к Таможенному союзу, что в перспективе позволит перевести межгосударственный миграционный обмен в цивилизованное русло.

На современном этапе развития внешней миграции для России по-прежнему остаются актуальными ее взаимосвязи со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, особенно, с Китаем и Вьетнамом. Результаты исследований о том, как развиваются миграционные связи России с КНР, отражены в материалах конференции, в частности, у таких авторов, как В.А. Халеев «К оценке успешности интеграции китайцев в России» и Т.В. Шевцовой «Миграционные процессы из Китая в Россию: к итогам посткризисного развития». В этих исследованиях указывается на существование в научной литературе альтернативных взглядов на тенденции развития миграционного притока в Россию из КНР, и анализируются отдельные элементы различных видов интеграции китайцев в РФ. Как положительные моменты этой интеграции называются, прежде всего, прямая выгода государства и конкретных работодателей в привлечении дешевой рабочей силы и демонстрация со стороны китайцев, в целом, идти на компромиссы в отношениях с представителями власти и местного населения. В качестве же негатива отмечается: трудовая дискриминация, неэффективность правовой интеграции, негативное отношение к китайцам русскоязычного населения и т.д. Между тем, как заметил В.А. Халеев, интерес к китайской иммиграции явно снижается на фоне роста издержек, масштабов и географии расселения мигрантов из стран Центральной Азии. Т. В. Шевцова же, опираясь на результаты своих исследований, утверждает, что трудовая миграция в Россию из КНР неизбежна, в первую очередь, в такие регионы РФ, как Забайкалье,

Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская и Челябинская области. Но при этом должна возрасти роль государства в дифференцированном подходе к китайской иммиграции, чтобы не только использовать ее для дополнительного интенсивного развития восточных регионов, но и исключить факторы, способные вызвать общественную нестабильность, особенно из-за нелегальной миграции.

Нелегальная миграция была предметом исследования также и ученых из Юго-Восточной Азии, в частности, из Вьетнама. Нгуен Ань Ха и Нгуен Кань Тоан (г. Ханой) проанализировали проблемы нелегальных вьетнамских мигрантов в России и предложили пути их решения. Как проблемы, так и их разрешение, у нелегальных мигрантов из Вьетнама очень схожи с проблемами нелегальных мигрантов из других стран. Та же коррупция, те же колоссальные трудности с регистрацией по месту пребывания, в получении разрешительных документов на занятие трудовой деятельностью, незнание русского языка и основ русской культуры и многое, многое другое. Основной выход из этой ненормальной ситуации вьетнамские исследователи, также как и российские, видят в обязательном ежегодном квотировании иностранной рабочей силы, с параллельным снижением квот на неквалифицированный труд. По их мнению, такая политика квотирования не вызовет негативных последствий на рынке труда и позволит реализовать инвестиционные проекты, включая, главным образом, строительство различных объектов.

В последнее десятилетие между Россией и Турцией активизируются взаимосвязи по самым различным направлениям, в том числе и по каналам миграции. Поступательное развитие миграционных процессов между нашей страной и Турцией, в частности, совместно исследовали с российской стороны — к.э.н. А. Лукьянец, а с турецкой — Б. Карачай, которые в своем выступлении акцентировали внимание на систематизации факторов, оказывающих воздействие на миграционные процессы в изучаемых странах. Прежде всего, исследователи выделили политический фактор, обосновав свой выбор тем, что в последние годы в Турции не отмечалось серьезных политических кризисов, которые и могли бы послужить причиной массовой эмиграции из страны, как это случилось сравнительно недавно в ряде других государств. При относительно политической стабильности в любой стране базовым фактором миграции является экономический фактор. Поэтому, если в начале 2000-х годов наблюдался рост трудовых мигрантов из Турции в Россию, то с 2007 года, когда разразился мировой финансовый

кризис, затронувший и Россию и Турцию, трудовая миграция из Турции в Россию и наоборот сократилась в разы. Далее авторы выделяют социальный и социально-экономический факторы, которые, по мнению самих же авторов, практически неотделимы друг от друга. Тем не менее, формирование миграционных установок, напрямую не связанных с экономическими мотивами, всю равно косвенно ими обуславливаются. От этих факторов зависят следующие виды миграционных потоков: туризм, частные и транзитные поездки. Авторы этого исследования констатируют, что в 2012 г., несмотря на незначительный спад туристского потока, Турция была абсолютным лидером по числу въездного туризма из России, а в ближайшей и среднесрочной перспективе можно ожидать не только дальнейшего роста турпотока, но и увеличения количества лиц, въезжающих в страну с частными целями. И, наконец, авторами выделен инфраструктурный (транспортный) фактор, так как 99% всех перемещений между Россией и Турцией осуществляется посредством авиации. В 2013 г. было подписано российско-турецкое соглашение по сотрудничеству в области гражданской авиации, которое предусматривает значительное расширение возможностей использования воздушного пространства двух стран, что, в свою очередь, переведет турецко-российские торгово-экономические и другие отношения в новое качество.

В заключении подчеркнем, что все участники конференции отметили ее плодотворность, конструктивный обмен опытом и выразили пожелание относительно дальнейшего сотрудничества в исследовании, не теряющей своей актуальности, для всех стран миграционной проблематики.

Журнал «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО»

зарегистрирован

в СМИ ПИ

Свидетельство о регистрации №ФС77-37675

от 01 октября 2009 г.

Учредители и издатели:

Институт социально-политических исследований

Российской академии наук

Российская Академия социальных наук

Российский государственный университет нефти и газа

им. И. М. Губкина

Главный редактор:

В.Н. ИВАНОВ

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинский проспект, 32а

Тел./факс: (495) 938 58 43

e-mail: osipov@ispr.ras.ru

Материалы журнала размещены на сайтах:

WWW.C-SOCIETY.RU; WWW.VIPERSON.RU

Подписано в печать 20.07.2012.

Формат 62x94 ¹/₁₆

Гарнитура «Pragmatica»

Тираж 1000 экз.

9 усл.п.л.